

В ЗОНЕ ОТЧУЩИЩЕЙ

Андрей Дацков

СОЛНЦЕ ПОЛУНОЧИ. НОВАЯ ЗРА

Фантастический Смертельный романтизм

Библиотека

Annotation

Земля после катастрофы. Отравленные реки. Заброшенные города. Опустившиеся люди ведут отчаянную борьбу за выживание... Их реальность - лишь подделка, их разум - батарейка для компьютерной системы. Сопротивление практически невозможно, но в засекреченных монастырях уже создают клонов, способных уничтожить систему! Наперевхват повстанцам послан неуязвимый охотник - тот, кто убивает одним прикосновением...

xess

- [Андрей Дацков](#)

- [Пролог](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)
  - [Глава двадцать четвертая](#)
  - [Эпилог](#)
-

Андрей Дашков

В зоне отчуждения

Солнце полуночи. Новая эра

В центре солнца живет трехлапый ворон, в центре луны живет жаба. Солнце и луна, будучи пожраны чудовищем, теряют свой ход, утрачивают свет.

«Хуайнань-цзы» (2 век до н.э.)

Ветер с востока одолевает ветер с запада.

Мао Цзэдун (14 век Хиджры)

Пролог

*Я был создан на годы,
Но очень мало изменился.
Я – орудие правительства, а также индустрии.
Мое назначение – помыкать и управлять тобой.*

Фрэнк Заппа

ОН двигался как дурная весть, опережающая эпидемию средневековой чумы, но это всего лишь грубая аналогия. Чума распространялась со скоростью ветра или больного зверя; ЕГО же скорость была ограничена только целесообразностью. Иногда ЕГО воздействие проявлялось в виде неизвестной ранее болезни с летальным исходом – быстрым и неизбежным. При этом ЕГО хозяин наделял взамен земной жизни иной жизнью – практически вечной. И одаривал, соответственно, вечной благодатью.

Хозяин создал виртуальную Колонию, что-то вроде информационного заповедника вида *homo sapiens*. А ОН был посредником. Фактически ОН предлагал спасение – прямо сейчас и без всяких усилий. Трудно поверить, сколько у НЕГО было потенциальных клиентов.

ОН считывал информацию на генетическом уровне, воплощаясь в матрицы. Только один из двойников обладал жизнеспособностью; другой терял ее автоматически. От НЕГО не существовало лекарств. Возможно, некоторые обладали иммунитетом, однако тот, кто создал ЕГО, пока не слышал о таких счастливчиках.

У НЕГО не было папочки и мамочки, зато он мог иметь копии: одну, две... да хоть миллион. Но вряд ли они появлялись одновременно – это привело бы к перерасходу драгоценной энергии. Среди всех словечек, обозначающих различные способы размножения, наиболее подходящим к ЕГО слушаю было слово «партеногенез», хотя и оно не исчерпывало сути дела. ОН не интересовался собственным прошлым, а прошлым всех остальных – лишь в той степени, в какой оно определяло настоящее и будущее. Это помогало выслеживать избранных.

ЕМУ было всего трое суток от роду, и ОН еще не имел формы. То, какой облик ОН примет, зависело не от НЕГО. ОН пребывал в ожидании матриц. Пока же всякий, случайно оказавшийся на ЕГО пути (но не намеченная жертва!), не мог определить причину иррациональных явлений. ЕГО приближение ощущали собаки и грудные дети. Спящему ОН мог представиться чем-то вроде ночного кошмара за мгновение до окончательной кристаллизации. Помните, как узнаешь об этом? Невероятным образом сгущается воздух; появляется обморочная липкость сна; возникает арктический холод в кишках... И никто (даже ОН сам) не понимал, почему именно кошмары предшествуют «переселению» – ведь Колония была аналогом Эдема, в который все подсознательно стремятся вернуться. И если результат одинаков, то кто заметит подделку? Можно ли это вообще назвать подделкой? ЕГО хозяин предоставлял матрицам все, что было на Земле несовершенным, незавершенным и просто недостижимым. Каждый находил то, что искал.

Ни одно благо не было привнесено извне. Цивилизация сама открыла массовый искусственный путь взамен индивидуального естественного – гораздо более долгого и трудного. Возможно, это было предусмотрено ее эволюцией. И значит, зарождался «прекрасный новый мир» – реализованная суррогатная утопия нового и всех последующих поколений.

Религиозные фанатики считали ЕГО падшим ангелом, что было, конечно, очень далеко от истины. Люди, к несчастью лишившиеся слепой веры, употребляли жargonные термины

«глюк», «кино», «тени», и были по-своему правы – тот случай, когда любая истина относительна. Возможно, ОН был глюком-охотником. ОН не знал имени своего прототипа; ОН даже не подозревал о том, что когда-то существовал прототип. ОН справедливо считал себя порождением Темного Ангела и был самым совершенным из его созданий, сверхточным инструментом, любимым детищем, последней надеждой, ибо время его заканчивалось.

В разных местах Ангела называли по-разному: Демон, Дух Бездны, «Абраксас-2», Орбитальный Контроль, Гребаный Мозгокрут... Но всего лишь шесть часов тому назад, наткнувшись на одинокого дервиша-револьверщика в бетонной пещере на «Перевале странников», охотник получил от него запретное имя Ангела.

Справиться с дервишем было непросто, однако это случилось – прежде чем револьверщик погрузился в Седьмое состояние и сделался неуязвимым. А имя оказалось сложным и нелепым; возможно, дело было в специфических вибрациях. Дервиш, покинувший к тому времени свой «тайный сад», не очень разборчиво выговорил:

– Стационарный Спутник...

Глава первая

*Ты можешь выпасть в любой момент,
Но ты никогда не сможешь уехать отсюда.*

Группа «Иглз»

Это было в дни поздней дождливой весны. Снег недавно сошел; природа обильно менструировала. Приближался «опасный» период, гнусный месяц апрель, но неоткуда было взяться чистому семени. Деревья тянулись к небу и пили яд земли. Отравленные реки текли на юг, унося смытый паводком плодородный слой в глубокую яму моря. Солнце показывалось редко; о том, что оно есть, напоминала лишь неуклонно возраставшая температура. Кое-где в воздухе уже пахло гнилью. По ночам небо иногда очищалось – словно кто-то протирал тряпкой запотевшее стекло, – и можно было видеть тусклые звезды и диск луны, надкушенный тьмой. Аппетит тьмы менялся от ночи к ночи. И только ритм космического вальса, в котором кружились небесные тела, оставался неизменным.

Возрождение неизбежно наступало каждый год. Начинался очередной цикл воспроизведения. Весну сменит засушливое лето, затем будут ветреная осень, стеклянная зима... Все равно неистребимая жизнь торжествовала, приспособливаясь даже к самым суровым условиям. И, конечно, луч надежды никогда не гас. Он означал запасной выход даже для самых заблудших душ.

* * *

Влажный ветер раскачивал дорожный указатель и заунывно гудел в сплетении неоновых ламп. Ни одна из них не светилась. Гнутые трубы составляли надпись «Мотель «Лесная поляна»». Тоскливая музыка этой чертовой эоловой арфы была слышна почти всегда. Она вовсе не мешала Равилю Бортнику спать.

Она мешала ему бодрствовать.

Во сне он не слышал ничего, кроме ласкового шепота химер, порожденных его подсознанием, но крепко заснуть и как следует отоспаться ему удавалось редко.

Название мотеля было чисто условным. Больше десяти лет назад лес вырубили в радиусе полукилометра от заправочной станции и даже выкорчевали пни. Теперь каждую весну Бортник поливал бензином и сжигал молодую поросль, чтобы никто не мог подобраться незамеченным. Вокруг заброшенных коттеджей, стоявших плотной группой, образовалось пятно выжженной земли. Последнюю такую операцию Равиль провернул пару дней назад, и до сих пор в воздухе пахло гарью. Бортник считал, что заведение давно пора переименовать в «Черную плешь». Впрочем, плевал он на то, как это место называется, – он был всего лишь наемником с кабальным контрактом.

Когда стемнело, Равиль выпустил из вольера волководов и заперся в своем коттедже с полуостершейся табличкой «Администрация». Кружочек буквы «р» как раз совпадал со старым пулевым отверстием. Система охраны давно вышла из строя. В мотеле не было ни одного постояльца. И вряд ли кто-нибудь появится в ближайшие сутки. Мертвый сезон.

На стоянке – пусто, если не считать вдребезги разбитой «самары». Позавчера ее притащил тягач, регулярно расчищавший трассу. Собственная «газель» Бортника с полным баком и

заряженным аккумулятором стояла в подземном гараже. Он тщательно следил за исправностью двигателя. Равиль боялся того, что может произойти с плохо вооруженным и не очень быстрым человеком в пустынном месте, расположенном в ста километрах от города. А это могло произойти – в любой день, в любую ночь.

Например, сегодня.

* * *

Он был совершенно один. Его вахта заканчивалась через неделю. Но это в лучшем случае – если найдется идиот, который окажется в столь отчаянном положении, что захочет его сменить. В худшем случае пребывание Равиля в мотеле затянется на неопределенный срок.

Уже три месяца он не притрагивался к бабам. Его раздражение накапливалось, как осадок в стеклянном стакане. И стакан постепенно терял прозрачность... Бортника раздражало многое, но больше всего его раздражал (просто бесил!) скользкий хмырек, которому принадлежал мотель и, значит, сам Равиль со всеми потрохами. Хмырек отсиживался в городе, пряча свою толстую ухоженную задницу под защитой Блокады, в то время как Бортник ежедневно рисковал жизнью на этом вонючем отшибе.

С другой стороны – а что было делать? Найти работу становилось все труднее; в городе – почти невозможно. Наниматься батраком на ферму или в помещичий замок – увольте. Он знал, что это такое. И чем это кончается...

Мотель не приносил ни гроша; какой-то мизер удавалось выжать из заправки и станции техобслуживания. Таким образом Бортник совмещал функции администратора, заправщика, механика и сторожа. Многовато на первый взгляд – и совсем мало, если учесть интенсивность движения. Бортник не поленился и подсчитал: в среднем мимо проезжала одна долбаная тачка в сутки. Лучшими днями были те, когда по трассе шли правительственные караваны. С конвоем и вспомогательными трейлерами набиралось до двух десятков машин. Иногда даже удавалось заполучить всю компанию на ночлег. В такие夜里 Равиль мог расслабиться. Но это случалось крайне редко – караванщики предпочитали не рисковать...

Никакой надежды. Ветер постаянывал, гуляя среди закопченных неоновых ламп. Бортник решил, что надо сорвать вывеску к чертовой матери и он займется этим очень скоро, если погода не переменится. Хмырю хозяину придется его извинить. «Вычтешь из моей зарплаты, толстозадый», – подумал Равиль с ненавистью и достал из холодильника банку с пивом. Хорошо, хоть электричество еще не отрубили. Это было бы трудно сделать – силовой кабель залегал на двухметровой глубине. Впрочем, рано или поздно курорт закончится. Без света, холодильника и телевизора вахта превратится в тест на выживание. Бортник был не из тех, кто уверен в себе на все сто процентов. Говоря по правде, он не был уверен и на пятьдесят.

Эта ночь запомнилась ему как ночь собачьего воя. Ни до, ни после он не слыхал ничего подобного. Даже тогда, когда волки стаями мигрировали с севера в донские степи, в живых не осталось ни одной собаки, а сам Равиль трое суток просидел взаперти в обнимку с заряженным дробовиком. В течение семидесяти двух часов он думал только об одном: С КАКОЙ ЧАСТИ ТЕЛА ОНИ НАЧНУТ? В конце концов он решил, что лучше разнесет себе выстрелом голову, если волки ворвутся в коттедж... Но в тот раз Аллах смилиостивился над ним.

Теперь Бортник убеждался в том, что так бывает далеко не всегда.

Вой, раздавшийся около полуночи, заставил его поглубже вжаться в кресло и поперхнуться пивом. Он как раз смотрел киношку – «семейную» мелодраму, которую транслировал Мозгокрут. Передачи из города шли с сильными помехами, а кабельного ТВ тут не было.

Несмотря на паршивую антенну, сигнал Мозгокрута всегда оказывался идеальным. Другой бы задумался – почему так, но не Бортник.

Он думал о другом. Будь он тут не один, а с семьей – глядишь, и чувствовал бы себя гораздо лучше. Регулярно любил бы жену, учил бы детишек разбираться в моторах... А иначе можно свихнуться от одиночества.

Равиля тошило от того, что происходило на экране, но пустота, притаившаяся во влажной темноте за окнами, была еще отвратительнее... Потом он понял, что существуют вещи похуже изоляции, пустоты и темноты, хотя, возможно, они и являются порождениями этих трех универсальных причин.

Равилю в общем-то уже было все равно. Не важно, что именно пыталось столкнуть его с рельсов. Важно другое: насколько далеко он покатится под откос. И сможет ли «вернуться».

...От воя хотелось бежать подальше и не оглядываться, но коттедж был слишком мал даже для бега по кругу. Жуткий звук пронизывал ветхое строение насквозь, тугой пружиной бился внутри. Казалось, колеблются стены, звенят стекла, гудят трубы, дребезжат ставни и начинают дребезжать собственные зубы, свободно сидящие в челюстях...

Бортник отставил дрожащей рукой банку и схватил дробовик, лежавший у него на коленях. Потом сделал самое глупое, что можно было сделать в его положении: отключил телевизор.

Он остался один на один с посторонним звуком.

И вой воцарился безраздельно.

* * *

Обезумевшие четвероногие твари орали непрерывно, перехватывая инициативу друг у друга, соперничая в глубине тоски и богатстве немыслимых оттенков отчаяния. Это был плач – еще более пугающий от того, что он был нечеловеческим.

Бортнику стало ясно: еще пять минут – и он полезет на стенку. Пожалуй, можно было заткнуть себе уши, но это означало бы, что он не услышит главного: как ОНИ вышибут дверь и войдут в коттедж. И сам собой возникал старый больной вопрос: с какой же части тела они начнут?..

Он попятился в угол, подальше от окон, наглухо запечатанных внутренними металлическими ставнями. Потом ему показалось, что и стены не так уж надежны. Он начал кружиться посреди комнаты, словно какой-нибудь дервиш-револьверщик, но на просветляющий эффект «Остановки времени» рассчитывать не приходилось... Все, что было у него перед глазами, слилось в черно-белые полосы. Кишки всплывали вверх, будто были наполнены водородом. Мелькающая лампа на столике выглядела смазанной.

Вой приобретал фактуру скользкой плоти. Бесконечно длинные змеи с огромной скоростью вползали в уши и пожирали мозг. Безразмерный череп Бортника стал для них идеальным гнездом...

Оглушительный рев автомобильной сирены раздался внезапно, и так же внезапно оборвался собачий вой. Бортник едва не спустил курок от неожиданности. Хорошо знакомый звук поразил его сильнее, чем раскат грома, а через секунду уже показался ангельской песней. Равиль с шумом выдохнул. Сирена освободила его.

Он обнаружил, что у него взмокли спина и ладони. Нижняя губа была прокусена до крови, а виски возле ушей расцарапаны. Он не помнил, когда сделал это. Он поднес пальцы к глазам. Под ногтями действительно была запекшаяся кровь.

Он подошел очень близко к той черте, из-за которой не возвращаются, – во всяком случае,

прежними. Выбравшись из темного тоннеля безумия, он почувствовал невыразимое облегчение. И все же в душе остался тревожащий осадок – Бортник осознавал, что теперь от него НИЧЕГО не зависит. И значит, ЭТО могло начаться снова. В любой момент.

...Автомобильная сирена пролаяла еще трижды. В ней ясно прозвучало раздражение того, кто дергал за трос. Того, кто, вероятно, корчился в кабине, не имея возможности совершил пробежку до вожделенного сортира.

Бортник различал голоса сирен, как иные различают скрипку эстрадных пидиков. Сейчас, например, на заправочной стоял дальнобойный «КРАЗ». А он, Бортник, должен был выйти и накормить его.

В час ночи.

В темноте.

И все же дела обстояли не так уж плохо. Он продаст сегодня дизельное топливо. Бизнес есть бизнес.

«Самоубийцы, мать вашу!» – прошептал Равиль с восторгом. Он догадывался, по какой причине поздний гость не может выйти из кабины. Он ухмыльнулся своим мыслям.

Хвала Аллаху! – с его волкодавами все было в порядке.

Глава вторая

Ты можешь рисковать своей задницей
До Судного дня,
Но не забывай молиться.

Том Уэйтс

Дьякон Самсон Могила притаился в засаде у моста через реку Уды. На нем был армейский плащ-палатка до пят, надетый поверх дорогого вечернего костюма, безукоризненно белая сорочка с рубиновыми запонками, строгий галстук и туфли ручной работы из телячьей кожи. Островерхий капюшон был надвинут на голову и скрывал совершенно седые волосы, разделенные идеальным пробором.

Фигура, похожая на обломок скалы, оставалась неподвижной. На бледном, будто вытесанном из мела лице лежали печати страданий и пыток: старые шрамы и морщины, еще более глубокие, чем шрамы. Дьякон еле заметно улыбался одними губами – это была застывшая, привычная и неопределенная гримаса человека, давно разучившегося смеяться.

Выбранное место казалось ему просто идеальным. Даже жаль, что использовать его можно будет лишь однажды. Самсон никогда не повторялся. Повторение – это статистика, а статистика – ключ к пониманию поведенческой структуры. Дьякон не желал, чтобы кто-то знал о нем больше, чем он сам. Против этого бурно протестовал его инстинкт самосохранения.

Мост был узким, с плохим покрытием, и легковой автомобиль, а в особенности тяжелый грузовик должны были неизбежно притормозить за несколько десятков метров от него. Могила попадал в любой глаз водителя на выбор и на любой скорости, но его прежде всего интересовала сохранность груза. Не очень-то много полезного извлечешь из горящих обломков... Перед самым мостом шоссе пересекалось с проселочной дорогой, на которой дьякон оставил свой мотоцикл.

Он ждал долго. За четыре часа – ни одной тачки. От реки несло химией и дохлятиной. Дьякон оставался спокоен, как мальчик из церковного хора. Он обладал поистине ангельским терпением. В этом отчасти заключался секрет его успеха. Даже если сегодня ему суждено вернуться пустым, он не испытает разочарования. В одну из будущих ночей он возьмет свое, неизбежно наверстает упущенное. Это было предопределено.

Самсон узурпировал некоторые чрезмерные права. Он считал себя неотвратимым, как Божья кара. До сих пор так оно и было.

Правая рука дьякона лежала на автомате «абакан», а левая покоялась на Библии в обложке из вороненой стали с припаянным к ней медным крестом. Это было красиво: крест отбрасывал красноватые блики на темную, слегка шершавую поверхность, и дьякону почему-то представлялись ТА САМАЯ казнь и лобное место на закате... И череп Адама у подножия... И долгая мучительная смерть...

Когда-то он счастливым образом избежал подобной участи; неверные чуть было не пробили ему гвоздями ладони.

Вспомнив об этом, Самсон мысленно вернулся на двадцать лет назад.

* * *

Его путь был извилистым и головокружительным. Когда ему исполнилось тринадцать, он начал промышлять на улицах по эту сторону Блокады с самодельным перышком и свинцовым кастетом, отлитым в земляную форму. Таких, как он, были сотни, и кончали они плохо. Он оказался немного умнее других и предвидел свой путь заранее – прямую и накатанную дорожку в газовую камеру. Это в лучшем случае. В худшем все закончилось бы гораздо раньше. Его могилой мог стать какой-нибудь подвал или мусорный ящик. Среди наиболее высокоразвитых личностей его круга, обремененных фантазией и чувством юмора, это называлось «духовкой». Он сам несколько раз натыкался на законченные варианты. Кроме всего прочего, приготовленное таким образом «блюдо» плохо выглядело, а пахло еще хуже.

Джихад был в разгаре, а Могиле стукнуло шестнадцать – возраст триппера, романтических заблуждений и непоправимых ошибок. Но он совершил невероятный для малолетних приуроков вроде него поступок – ушел добровольцем в христианскую армию. За два года службы в диверсионном спецподразделении маленький зверек превратился в по-настоящему опасное существо. Там он начал оправдывать свою фамилию.

Потом был плен. Самсон прошел через все мыслимые и немыслимые унижения. Он стал седым за первые трое суток. Его насиловали и пытали. У него почти не осталось ногтей. Он подолгу просиживал в бочке с нечистотами. Иногда охранники мочились прямо ему в лицо. В течение полугода он ежедневно ждал смерти и действительно хотел умереть.

Когда его в конце концов положили на крест, он впервые в жизни начал молиться. Он не знал ни одной НАСТОЯЩЕЙ молитвы, и ему пришлось изобрести ее для себя. Он молился тому, кто принес в этот мир свет абсолютной ненависти – настолько яркий, что сияние проникло даже в голову такого тупицы, каким был Могила...

И было ему откровение. Он понял, откуда происходят все беды.

Его молитва на кресте могла показаться верхом богохульства, но сейчас дьякон понимал, что ни разу после того случая он не был так искренен и экстатичен. То было сильнейшее религиозное переживание, перевернувшее всю его жизнь.

Мольба возымела действие. Казнь была отменена; Могилу обменяли на вражеского агента. Буквально через несколько часов после чудесного спасения Самсон дезертировал, и больше он не воевал ни под чьими знаменами, кроме незримого знамени собственной веры. Зато в этом деле молодой дьякон достиг исключительной изощренности и совершенства. А учеба в семинарии подвела фундамент под его шаткие убеждения.

Под угрозой смерти он вручил свою судьбу высшему Существу, и Существо не обмануло его надежд. С тех пор он уже не принадлежал себе и не распоряжался личным временем. Глядя на свои руки, он видел симметрично расположенные кресты на обеих ладонях – там, где обрывались «линии жизни».

* * *

Днем он служил в церкви, но его истинное служение протекало далеко от святых стен – в непотребных местах, обильно политых кровью неисправимых грешников. Ему понадобилось три года, чтобы создать секту. Сейчас число его сторонников доходило до двух сотен, тем не менее по ночам он всегда работал в одиночку. Риск был огромным, зато отвечал дьякон только перед тем парнем, который побывал на кресте задолго до него и полностью испил чашу страдания.

Его богоугодная деятельность не осталась незамеченной. Когда Могиле предложили вступить в Ассоциацию, он решил, что большого вреда от этого не будет, а польза может

оказаться огромной. Если начинались «неприятности» с властями, член Ассоциации мог рассчитывать на хороших адвокатов, круглую сумму для освобождения под залог, неприкосновенность собственных счетов, пособие семье, снисходительность судей. До отсидки доходило редко и только в особо тяжелых случаях, а до Озоновой Дыры – никогда. Вступительный взнос оказался смехотворным, процент от выручки – менее чем божеским; поэтому не возникало ни малейших поводов для конфликтов.

Существовало только одно табу – правительственные караваны класса «0». Это означало усиленную охрану из странных молчаливых ребят со счетчиками Гейгера – ребят, которые почему-то никогда не останавливались, чтобы спроворить нужду (на местном жаргоне их называли «артишоками»). Могила принял этот запрет совершенно равнодушно – его не интересовал обогащенный уран.

Вполне возможно, что на самом верху в Ассоциации заправляла какая-нибудь шишка из правительства. Дьякона это также мало волновало, хотя и отдавало редким цинизмом. На его схоластическом языке это называлось «использовать неизбежное мирское зло во благо святой цели».

Теперь он принадлежал к эlite тайного промысла. Опека Ассоциации была ненавязчивой и минимальной. Дьякону нравилось иметь дело с тенями на экране компьютера или бесплотными голосами в телефонной трубке. Крайне редко его просили о чем-либо; сам он не просил никогда. Он интуитивно понимал глубинную суть кодекса молчания.

Ассоциация… Он часто думал о ней. Закрытая организация. Почти рыцарский Орден. Лига джентльменов. Своего рода клуб для избранных, члены которого не имели ничего общего с великосветскими хлыщами. А дьякон, возможно, был лучшим из всех. Самым быстрым. Самым осторожным и жизнеспособным. Самым беспощадным.

Принадлежность к Ассоциации не означала, что Могила разделил с кем-то тяжесть своей ответственности и опасность работы. Его не одолевало суэтное тщеславие, и он не нуждался в компании. Он действовал соло – это было свидетельство его высшей квалификации, последняя стадия в эволюции боевой биологической машины, означавшая предельный контроль над телом, мозгом, нервами; почти совершенное состояние духа, граничащее с неуязвимостью.

У дьякона, например, никогда не потели ладони, а частота пульса не превышала восьмидесяти ударов в минуту даже в стрессовых ситуациях. Он мог бы поставить в тупик детектор лжи. Кроме того, он до тоностей изучил человеческую психологию. Церковная паства и народец свободных зон были самыми подходящими объектами для любых экспериментов. И все же он сознавал свое полное ничтожество в сравнении с Тем, который снял его с креста.

Абсолютное совершенство недостижимо – ведь совершенные живутечно, считал Самсон, и тут он был прав. Абсолютному совершенству место на небесах, а не на грешной земле. Дьякон оставался реалистом: парни вроде него умирали слишком часто. Что же касается психологии, то к черту теорию! Гораздо важнее разбираться в мотивах и подсознательных импульсах, а в этих нюансах Могила мог дать сто очков вперед любому практикующему чистоплюю-психоаналитику.

Как правило, мотивы человеческих поступков были до смешного примитивными. Иногда дьякон спрашивал себя, как обстоит дело с его собственными «импульсами». Он не рефлексировал долго. Судя по тому, что он все еще оставался живым, с ним все было в полном порядке.

Он предпочитал уединение, независимость; ему нравилось «находиться в пути» и еще то особенное ощущение легкого голода, которое заставляет волка покидать логово. И, как волк, Самсон всегда возвращался, принося в зубах добычу для своей самки и детеныша. Те не подозревали о его истинных занятиях. Жена считала его кем-то вроде тайного агента Синода.

Спутать матерого зверя со сторожевой шавкой – подумать только! Впрочем, дьякон ценил в своей женщины именно эту редчайшую черту – наивность. Он отдыхал в ее объятиях от мира, в котором наивности, безусловно, не было места. И даже любил ее – по-своему. И посмеивался про себя – беззлобно. А пацан еще был слишком мал, чтобы видеть вещи в безжалостно реальном свете...

* * *

До его чутких ушей донесся шум двигателя тяжелого грузовика. Тот пер в одиночку. Водитель – или безумец, или болван. В любом случае такого нельзя было пропустить. Кроме всего прочего, дьякон считал себя еще и санитаром чертовски несовершенного общества.

Он снял руку с Библии, положил ее в карман, надел очки с закопченными стеклами и поднял «абакан». Установил переводчик режимов в положение короткой очереди с отсечкой. Это был его фирменный стиль: одна очередь на одного клиента. Следующие пятнадцать секунд он вообще ни о чем не думал.

Призрачный свет... Черные стволы, окутанные сединой... Капли воды, блестящие, как алмазы... Невидимая сеть пространства, связующая все кругом... Первые проявления неотвратимости...

Нарастающий рев. Оборвавшийся крик. Только что кто-то мгновенно умер под колесами. Завидная смерть. И еще один повод восстановить справедливость.

Грузовик ворвался на мост, почти не замедлив хода. Прицеп тяжело громыхнул. Из-под широких покрышек мерцающими веерами летела грязь. Фары посыпали вперед шесть снопов слепящего света. Красноватая полутьма, накатывающаяся следом, настигала и пожирала разбегающиеся тени. Две трубы по обе стороны кабины извергали в небеса дымящуюся полупереваренную отраву...

В точно выверенный момент дьякон сделал легкое движение рукой. В ту же секунду справа от него и за спиной вспыхнула осветительная ракета.

Это было похоже на ядерный взрыв в миниатюре. Радиоуправляемое устройство сработало безукоризненно. Источник мощностью в миллионы люменов завис на высоте два с половиной метра над покрытием в дальнем конце моста и медленно опускался вниз. Водитель грузовика неизбежно должен был ослепнуть как минимум на несколько секунд.

Дьякон увидел все, что хотел, и даже больше. Он улыбнулся. Эта улыбка выразила бесконечную, неутолимую, леденящую ненависть.

На него надвигался зверь Апокалипсиса.

Голова у зверя была только одна, зато все остальное в наличии: рога, раскаленная пасть, смертельная (но исцеленная!) рана на морде, сверкающие диадимы и даже имена богохульные. Тварь оказалась багрово-черной, бронированной, гремящей, а в ее восьми желудках плескалась и сгорала миллионолетняя гниль...

Несмотря на богатое воображение, дьякон моментально вернулся туда, где он обладал кое-какими скромными возможностями, – в реальность грубых механических аналогий.

Улыбка примерзла к его губам и превратилась в оскал черепа. Или в гримасу существа, навеки разочаровавшегося в постигшей его судьбе.

За ничтожную долю секунды он успел разглядеть лицо водителя сквозь узкую щель в зашторенном лобовом стекле, желтые треугольники внутри желтого кольца, дьявольские звезды на обтекателе. Это был запрещенный объект охоты. Вероятно, дурная овца, отбившаяся от стада... Дьякон снял палец со спускового крючка.

Но что-то не давало ему покоя, не отпускало, занозой засело в подсознании. Что-то было не так...

Самсон смотрел не мигая на стремительно надвигающегося монстра. Решетка радиатора, рассекающая воздух; адское пламя, полыхающее в трубах; зеркала, отражающие красные зрачки катафотов; кроличьи лапки, судорожно бьющиеся о мрак; глубокие лилово-черные тени, запекшиеся в глазницах и ноздрях человека, блестящие зубы...

ЗУБЫ?!!

О, Господи! Спаси и помилуй нас всех!!!

Дьякону показалось, что у него остановилось сердце. Но он ни на секунду не усомнился в ясности своего рассудка. Его разум совершил мгновенный прыжок через пропасть невероятного. На другом берегу могло происходить все что угодно. То было измерение проклятой магии, блевотных месс, богопротивных чудес.

Там мог существовать, например, смеющийся водитель с металлическими зубами. Заколдованный черный всадник верхом на звере. Возможно, неуязвимый. Одержанное существо, везущее сквозь ночь смертельный груз. И все это – под рев казачьего хора, извергаемый акустическими системами...

Мгновение спустя дьякон принял решение. Это было нелегко, но трудность выбора не имела никакого отношения к фактору времени.

Он выстрелил, уверенный в том, что стреляет последний раз в жизни.

В каком-то смысле так оно и было.

«Абакан» коротко рявкнул.

* * *

Равиль Бортник, чудом вернувшийся из страны безумия, отодвинул тяжелый засов и распахнул дверь коттеджа.

Ветер с силой ударил ею об стену. Вывеска зазвенела; вниз посыпалось стеклянное крошево. Небо так и не прояснилось. Сырой воздух облепил лицо.

Равиль увидел именно то, что ожидал увидеть. Часть поля зрения занимал дробовик, которым он водил из стороны в сторону. В пределах досягаемости не было ничего, что напоминало бы о пережитом страхе.

Возле третьей колонки действительно стоял дальнобойный «КрАЗ» с прицепом. Контейнеры, размалеванные черепами и знаками радиоактивности, были из тех, которые трудно вскрыть даже автогеном. Грузовик был заляпан грязью, но под ее толстым слоем угадывалась боевая раскраска некоронованного Короля Дорог. Бортник узнал его. Это была шестисотсильная зверюга Жвырблиса.

Радиаторная решетка напоминала распахнутую пасть дракона. По бокам черной кабины расплескались языки багрового пламени. Противотуманные фары были похожи на узкие желтые глаза без зрачков, угрожающе плявшиеся в темноту. На обтекателе чернели шестиконечные звезды – по одной на каждые десять тысяч километров пробега. Абсолютный рекорд в мире, где вдоль дорог бродит слишком много свихнувшихся ублюдков с оружием... Лобовое стекло со стороны пассажира было затянуто металлической шторкой с голой грудастой красоткой. От этого кабина казалась изданием перекошенной рожей пирата. Крылья ощетинились наваренной арматурой, которая пропарывала шины приближающихся тачек при попытке взять грузовик в клещи. Непристойная надпись на широченном бампере отсылала всех встречных-поперечных туда, откуда все мы появляемся на свет (а еще Равиль знал, что было нарисовано на задней

стенке контейнера). Лебедка, которой можно было взломать замковые ворота, торчала спереди, как покривевший и вывалившийся изо рта язык повешенного. С огромных зеркал заднего вида свисали кроличьи лапки на счастье – кусочки меха с остатками сухожилий и следами крови... С траурных покрышек стекала грязь. От капота поднимался пар; ветер относил его в сторону города.

А рядом неподвижно стояли шестеро псов Равиля, взявших грузовик в кольцо. Это были хорошо натасканные собачки. Они не издавали ни звука перед тем как напасть. Они ждали движения.

Зверюга удовлетворенно урчала, но когда Бортник объявился на пороге, двигатель «КрАЗа» мощно взревел. Из чудовищных выхлопных труб вырвались клубы жирного дыма. С труб свисало что-то похожее на крылья гигантской летучей мыши, но скорее всего это были просто камеры. Опустилось боковое стекло.

– Спишь, козел?! – загремел Жвырбелис хриплым басом, выставив рыло в образовавшуюся щель.

В ту же секунду один из волкодавов прыгнул. Равиль услышал скрежет когтей по металлу, звук приземления тела и фантастический мат дальнобойщика.

– Назад! – хрипло заорал Бортник и на всякий случай приготовился пальнуть в воздух.

Псы нехотя отступили. Он читал немой упрек в их взглядах, брошенных исподлобья. Упрек – и еще кое-что неописуемое. («С какой части тела...») Он держал их на строгой диете. Они всегда были ЧУТЬ-ЧУТЬ голодны. Особенно по ночам. Это было небезопасно. Но по ночам Бортник крайне редко высывал нос из своей избушки.

Он сделал несколько шагов, отдавая отрывистые команды и пытаясь отогнать волкодавов к вольерам. Сегодня его голос звучал не слишком убедительно. Он никогда не ощущал полной власти над псами, а сейчас и подавно.

Отогнав их шагов на двадцать, он махнул рукой водителю. И все же Бортник кожей ощущал смутную угрозу – его густой волосяной покров был наэлектризован по всему телу. В ядовитом свете противотуманных фар зрачки собак были мутными и абсолютно бессмысленными. Равиль видел однажды такой взгляд – у лисы, зараженной бешенством.

Из кабины вылез Жвырбелис – двухметровый сорокалетний громила с испитым лицом, стальными зубами и неизменным «калашниковым» на брюхе. На нем была маскировочная форма (пустынный вариант), очень дорогие сапоги из змеиной кожи на скошенных каблуках и, несмотря на темноту, очки из небьющегося стекла. Он был помешан на своих глазах. Единственное, чего он боялся, это ослепнуть.

Сколько Равиль его помнил, Жвырбелис хавал трассу без охраны и всегда выходил сухим из воды. Но это было ДНЕМ. Причиной его невероятной живучести было не только умение быстро ездить, хладнокровно соображать и с пользой таращить «машинкой». По слухам, он возил контрабандный кокаин и афганскую траву для Школьника. Со Школьником никто не хотел ссориться всерьез – даже Аристарх Глазные Воронки, а Аристарх был конченый псих. Без руля и без тормозов.

– Когда-нибудь грохну твоих шавок, – сказал дальнобойщик равнодушно.

Равиль не сомневался, что Жвырбелис может это сделать, но никогда не сделает. Ни один водитель, если он в своем уме, не оставит заправочную станцию без охраны. Только под защитой волкодавов можно было расслабиться по-настоящему.

– Ты один? – спросил Бортник, до сих пор не очень веривший в очевидное. То, что днем считалось смелостью, ночью становилось глупостью.

– Нет! С женой, мать твою! – расхохотался Жвырбелис и выволок из спального отделения невероятно грязную, обкуренную девку в рваном домашнем платье и с огромным синяком под

глазом. Ей было лет четырнадцать, не больше. Она пьяно улыбалась, и от нее за версту разило травой. Ее голые ноги были усеяны множеством красных пятнышек, похожих на следы комариных укусов.

Равиль скривился (хотя три месяца без бабы – это, черт подери, не шутка!) и спросил, облизав губы:

– Где ты ее откопал?

– В канаве, старичок, в канаве. Давала за пару пирожков. Тебе – в счет мазута.

Из кабинки доносился рев мужского хора «Хованщина». В штанах у Бортника заворочался его изголодавшийся дружок. Жвырбелис курил, зажав папиросу в стальном капкане своих челюстей.

– Значит, так, – сказал он. – Пиво, бифштекс, полный термос кофе. Это мне. Двести литров фильтрованного – это ему. – Он ткнул большим пальцем в сторону зверюги. Потом перенацелил палец на девку. – И дай этой суке подмыться.

– Нет проблем, – сказал Бортник. – Гони капусту.

– Ты что, старичок? – спросил Жвырбелис ласково, но эта ласка могла понравиться только круглому идиоту. – Совсем рехнулся от воздержания? Ты ж меня знаешь, родной. Как облупленного...

На всякий случай Бортник держал ствол наготове – именно потому, что знал Жвырбелиса как облупленного. Его взгляд был прикован к скощенному рыльцу «калашникова». Он чувствовал себя крайне неуютно оттого, что не мог одновременно держать под контролем водителя и свору.

А псы медленно приближались. Шерсть на их загривках торчала стерней.

Жвырбелис повернулся как бы невзначай – и его ствол оказался направленным в сторону собак. Опытные твари хорошо понимали, что это значит. Равиль цыкнул на них, и псы один за другим растворились в ночи. Однако Бортнику всегда казалось, что из мрака удобнее нападать...

– Я тебя знаю, – заверил он Жвырбелиса. – Но, может быть, ты не заметил, что сейчас темно? Уже ночь, родной. А вдруг кто-то не дотянет до утра? Всякое случается. Плохие времена – сам понимаешь... Так что бабки вперед, – добавил он твердо.

Дальнобойщик высказал все, что он думал о Бортнике, его мамаше, папаше, их вероятных совокуплениях на стороне и этой вонючей дыре под названием «Лесная поляна».

Равиль слушал с наслаждением. Это было куда веселее любого фильма. И намного познавательнее. Всякий раз, общаясь со Жвырбелисом, он значительно пополнял свой словарный запас. Когда тот все же принял отслонивать бумажки, Бортник вкрадчиво спросил, боясь спугнуть удачу:

– Останешься на ночь?

– Нет времени, старичок. В три отвалю. Так что бери бабу и пользуйся, пока я добрый.

* * *

После того как девка помылась в лохани с дождевой водой, Бортник взвесил предложение Жвырбелиса всерьез. На часах было четверть третьего.

Дальнобойщик по-хозяйски расположился в кресле, забросив копыта на стол, сосал пиво и массировал опущенные веки, давая отдых своим драгоценным гляделкам. Они и впрямь отличались удивительной зоркостью, в чем Равиль не раз убеждался. Он был почти уверен, что Жвырбелис может пересчитать лапки таракана, переползшего коридор в десяти шагах от него

(конечно, при условии, что таракан не глюк).

Некоторое время Бортник посвятил разглядыванию специальных водительских очков, которые водитель содрал с головы и нацепил на носок своего правого сапога. Странные стекла. Без видимого напыления и без диоптрий. Очередная хохма яйцеголовых, чтобы им пусто было! Жвырбелис любезно объяснил, но Равиль так ни черта и не понял. Какая-то муть насчет поляризованного света – и все для того, чтобы избежать ослепления фарами встречных машин.

Девка, замерзшая и голодная, стучала зубами в дальнем углу. Большой добряк и рубаха-парень Жвырбелис угостил ее обедками, которых не хватило бы и канарейке. Равиль даже испытал что-то вроде кратковременного приступа жалости. Ныло в паузе. Но уж очень он боялся заразиться. В его положении будет трудновато колоться, не говоря о том, чтобы найти лекарства. И он уже давно дал себе слово, что сдохнет от чего угодно, только не от сифилиса.

Мозгокрут передавал по ящикуочные новости. Передача была не менее странная, чем очки Жвырбелиса. Бортник ничего не знал о пресловутом «двадцать пятом кадре», а если бы и знал, то вряд ли уловил бы смысл. Он был, что называется, мужик без претензий.

Мельтешение теней на экране казалось ему чьей-то дерзкой шуткой. Кинокомедией для высоколобых придурков из правительенной зоны. Наверняка они были умнее его, раз взялись управлять, – и юмор у них был соответствующий.

Жвырбелис зевнул, клацнув железными зубами. Бортник, переживавший невыносимые терзания плоти, зашел к девке с тыла и приподнял стволом подол платья. Та безучастно наклонилась и уставилась в пол. На ее губах блуждала бессмысленная улыбка. При виде ее опухших прелестей у Равиля застучало в висках.

- Она что, немая?
- Ага, – подтвердил Жвырбелис, не открывая глаз. – Вторые сутки молчит. Идеальная баба.
- Дай гондон, – попросил Бортник, теряя терпение.
- Это обойдется тебе в десятку, дружище. За доставку на дом.

Равиль не колеблясь расстался со своим недельным заработком. Купюра липла к его пальцам, и он щелчком переправил ее дальнобойщику, скатав в грязный комок.

Под звуки последней сводки об успешных боевых действиях батальона ассасинов в Скандинавии и репортажа о свадьбе одной из сорока девяти дочерей падишаха Бортник поимел шлюху стоя. Все продолжалось не дольше трех минут; он был тороплив, как мальчик, и после ему показалось, что удовольствие не стоило и четверти потраченных денег. Девка даже не замычала.

Жвырбелис тем временем прикончил третью банку пива. Отдышавшись, Бортник застегнул стоявшие колом джинсы, вручил девке ведро и послал ее за водой для кофе к артезианскому колодцу. Небольшой двор, расположенный за коттеджем администрации, был огорожен забором, но в заборе не хватало четырех досок.

Равиль втайне надеялся, что у девки хватит ума где-нибудь спрятаться. Только бы не нарвалась на волкодавов! Она должна была понять, что он добрый и с ним ей будет хорошо. Жизнь в мотеле уже не казалась ему такой тоскливой.

А Жвырбелис... Что ж, перед Жвырбелисом придется извиниться.

* * *

Охотник-глюк приобретал форму. Для этого он воспользовался эманациями первого же встреченного им крупного животного. Оно обитало в окрестностях мотеля и было привязано к этому месту странной смесью примитивного инстинкта и чего-то похожего на извращенное

чувство долга.

Охотник наткнулся на животное, двигаясь вдоль дороги – извилистой полосы на поверхности геоида, по которой катились призраки экипажей на колесах. Сотни призраков – одни смазанные, другие чуть более четкие, – а внутри них тоже находились призраки, и это было похоже на вложенные друг в друга вселенные...

Для глюка не существовало разницы между мертвым и живым; он улавливал только ничтожные различия в плотности и качестве ИНФОРМАЦИИ. Информация – это был ключ ко всему.

На шоссе и вокруг мотеля глюк не обнаружил никаких следов того, за кем он охотился. Но у него появилась возможность сделать свои поиски гораздо более эффективными. И эффективными, если уж на то пошло.

Глюк познакомился с изнаночной стороной реальности. Иногда его «отключали», и тогда он «видел» то, что можно назвать снами. Это было пассивное созерцание. Возможно, единственный способ удержать охотника от бессмысленного и непрерывного копирования. В противном случае Колония быстро переполнилась бы. Желающих «переселиться» было хоть отбавляй...

Существовали тоннели во времени, пустоты между звезд, провалы в многомерность, раздробленные отражения сознания, странные мутации Земли. И все это было объединено одним: незримым присутствием Еgo. «Сны» глюка не отличались разнообразием. Иногда ему являлся Ангел – объект благоговения и любви, но чаще – карлики-клоны, объекты ненависти и охоты. Экстаз и кошмар были строго дозированы и сопровождали его повсюду, сменяя друг друга в непостижимом порядке.

Несколько дней и ночей – таким был срок его существования. Неопределенного долгий, если не с чем сравнивать. Он был глюком и потому не нуждался в отдыхе. Он уже усвоил, что «сны» – это периоды вынужденного бездействия. И они тоже были посланы ему Ангелом...

* * *

Гурбан был среднеазиатской овчаркой-переростком и в одиночку брал матерого волка. Но то, что возникало сейчас перед ним из мглистого предутреннего тумана, вряд ли было волком или вообще зверем. Прежде всего, оно пахло иначе. Этот запах был неописуем. Его не существовало в природе. Вдобавок Гурбан почувствовал невообразимую смесь угарного газа, аммиака и сучьих выделений в период течки...

Тварь появлялась по частям. Фрагменты ее белесого тела слиплись в единое целое, как будто до этого были лишь отражениями в кривых и мутных зеркалах, расставленных в разных уголках заправочной станции, а их бесшумное скольжение было похоже на потусторонний ветер, передвигающий тени в неподвижном воздухе, – ветер, приносящий запахи дохлятины и рои мух в полуденную летнюю жару...

ОНО приближалось второй раз за ночь, но теперь обрастило плотью и превращалось в волка-альбиноса с красными гноящимися глазами без зрачков – воплощение смерти у всего собачьего племени.

В первый раз кошмар так и остался безликим. Гурбан ощущал только парализующую тоску и вслед за тем – непреодолимую потребность истощнуть из себя вой плакальщика. Он задрал голову к невидимой луне, госпоже ночных пустот и отчаяния. Он присоединил свой голос к голосам других псов... Что-то проникло в его мозг, и Гурбан цепенел от собственного воя. Он продолжал выть, когда кончился воздух в легких, а вдохнуть мешал невидимый обруч,

опоясавший грудь. Какая-то посторонняя, чуждая сила заставляла выбиривать его связки...

Мимо него бежали грызуны и насекомые. Он не представлял, что их может быть так много. На его теле не осталось ни одной блохи. Мышцы превратились в вату; из-под хвоста потекли жидкие экскременты. Рядом предавались тоске пятеро обезумевших братьев. А в коттедже обмирал от ужаса двуногий...

Это продолжалось неопределенно долго. Потом демон удалился; капкан разжался; исчез палец, запущенный в глотку и дергавший туго натянутую басовую струну.

После той, первой атаки Гурбан чувствовал себя жалким щенком, чудом уцелевшим под колесами грузовика. В самой глубокой норе мозга, из которой являются двойники запахов, чтобы возвестить о приближении смерти, поселился неисцелимый страх.

Однако теперь псу становилось еще хуже. Он не мог даже завыть. Тварь не позволила ему шевельнуться. Она приближалась все так же беззвучно и не отбрасывала тени. Ее лапы, опиравшиеся на оголенные кости, остались девственно чистыми после того, как она пересекла лужу мазута.

Тварь была воплощением собачьих кошмаров. Гурбан увидел огромные багровые руки живодера, свисавшие по обе стороны туловища, и еще одну двупалую ручку, торчавшую из живота. Эти конечности держали его мертвой хваткой, пока волк-альбинос не слился с ним.

В ту же секунду воображаемый кошмар, который был всего лишь очередным психическим барьером, воздвигнутым в ожидании «переселения», сменился блаженством. Гурбан был скопирован. Его матрица могла быть воспроизведена или размножена в любой момент. Глюк избавил его от физической смерти.

Потом появились другие волкодавы, и Гурбан присоединился к ним. Невозможно было предвидеть, когда и где глюк использует его двойника.

Глава третья

Я утешу тебя.
Я стану частью тебя.

Пол Саймон

Ей было двенадцать лет, а выглядела она значительно старше. Она сбежала из замка «Черный октябрь» под Старобельском пятнадцать дней назад, но теперь сомневалась, что поступила правильно. За последнюю неделю она лишилась речи, девственности, надежды и, отчасти, рассудка. То есть на простейшие вещи ума хватало, а вот на то, чтобы попытаться удрать от Жвырблиса, – уже нет.

В замке ее звали Любкой. Она прислуживала самому Ильичу. Ильич был импотентом с двадцатилетним стажем и вообще очень занятым дедушкой, так что с этой стороны ей ничего не грозило, кроме обычных телесных наказаний, однако на нее положил глаз личный водитель Ильича и по совместительству местный жрец вуду – здоровенный негр Нельсон.

Нельсон был лысым, жирным, ущербным, его кожа имела пепельно-серый цвет, а рожа напоминала темную сторону луны. Страшнее чудовища Любка никогда не видела и не могла себе вообразить. Он олицетворял все ее детские страхи.

Однажды он приснился ей. Во сне он не делал с нею ничего ОСОБЕННОГО.

Он просто нес ее к длинному черному бронированному лимузину с непроницаемо темными стеклами. По пути он рассказывал ей зловещие сказки своего каннибальского племени... Потом он опустил девочку в черный аквариум, населенный вздувающимися жабами ее фантазий, в котором она начала тонуть... Проснувшись, она обнаружила, что обмочилась. В дальнейшем это повторилось с нею еще трижды.

Наступил день, когда Ильич улетел на вертолете, и приближалась ночь, в течение которой должно было произойти что-то страшное. Любка даже не понимала, что означает в точности выражение «кровь девственницы», но она не раз видела окровавленные куски свиного мяса на бойне и кур, метавшихся по двору с отрубленными головами...

Она убежала тем же вечером, даже не переодевшись, и спряталась в фургоне, перевозившем порослят. Каким бывает наказание за побег, она знала с пяти лет. Поэтому ей пришлось лежать очень тихо, пока фургон не миновал последний шлагбаум во владениях Ильича, а в это время за хилой дощатой перегородкой суетились пороссята. Они наверняка были голодными и знали о ее присутствии. А она, в свою очередь, знала, что будет, если перегородка не выдержит.

Где-то совсем рядом с нею раздавались стуки копытец, хрюпы, шорохи, повизгивание... И еще скрипели рассохшиеся доски... Любке казалось, что страшная поездка длится вечно, но терпеть эту пытку было предпочтительнее, чем висеть на «сучьем кресте»... Любка закрывала ладонями уши, нос и губы, чтобы пороссята не добрались до них. Когда-то кто-то сказал ей, что пороссятам особенно нравятся хрящи...

Ладони были слишком маленькими. И она все время слышала жизнерадостный хруст по ту сторону перегородки. Этот тихий хруст, раздававшийся в абсолютной темноте фургона, Любка запомнила на всю оставшуюся жизнь. А еще, несмотря на испуг, она чувствовала, что тает. Физически. В полном смысле слова. Ее вес действительно уменьшался с каждой каплей холодного пота, стекавшей по лицу и телу...

С того кошмарного часа серый человек Нельсон был только номером вторым в ее личном списке ужасов. Первенство неизменно принадлежало симпатичным розовым пороссятам.

Оказавшись на темном дворе, Любка ощущала привкус крови во рту. Кровь сочилась из прикушенного языка. Любка открыла рот и стала жадно глотать холодный воздух – как ни странно, это создавало иллюзию сытости.

Порывистый ветер задувал под платье, но замерзнуть сильнее уже было невозможно. Ниже пояса она вообще ничего не чувствовала, поэтому не очень хорошо понимала, зачем одинокий владелец маленького придорожного замка недавно так шумно дышал у нее за спиной.

У Жвырбиса закончилась трава, и Любка испытывала нарастающий дискомфорт – будто небо опускалось и придавливало ее своей свинцовой тяжестью. Снаружи тоже было неплохо, только слишком уж сырое и темно. И так трудно двигаться. От усталости слипались глаза...

Но свежий воздух проникал в ее трахею бодрящими порциями. Она преодолевала сопротивление спящих корней. Откуда-то доносилось журчание воды в пластиах осадочных пород...

Внезапно она вспомнила, зачем ее послали. Она боялась, что мужчина с железными зубами снова рассердится – как тогда, неделю назад, когда она чересчур много разговаривала... Водитель грузовика выглядел совсем иначе, чем серый негр Нельсон, грезящий о «крови девственницы», и все же они были в чем-то удивительно похожи друг на друга. Этим глубинным сходством не стоило пренебрегать.

Проходя мимо одной из секций забора, Любка услышала жадное чавканье и глухое рычание. Она не испугалась. Это ее не касалось. Поросята издавали совсем другие звуки...

Под ее ногами был растрескавшийся асфальт, и осколки впивались в босые ступни. Ветер хлестал ее, как мокрая тряпка. Впереди тускло поблескивала какая-то металлическая конструкция, установленная над скважиной. Из круглой тумбы, отполированной дождями, торчал отросток, размерами и формой весьма напоминавший пенис Жвырбиса.

Любка подставила под него ведро и стала соображать, как пустить воду. Ничего не придумав, она начала ощупывать тумбу – ее руки «думали» лучше. Вцепившись в рычаг, она дернула за него. Вода ударила мощной струей, и Любку обдало ледяными брызгами. Она снова застучала зубами, но держала рычаг мертвой хваткой. Она не могла позволить себе огорчить Жвырбиса.

Как только прервался шум водяной струи, она услышала тихий благородный рокот двигателя и вкрадчивый шелест шин. О, вот это были знакомые звуки! Память о них въелась в плоть и кровь. Кожа покрывалась мурашками, а кровь застывала в жилах... Мысли Любки были предельно простыми. Они состояли из трех повторяющихся слов: лимузин серого Нельсона, лимузин серого Нельсона, лимузин серого Нельсона...

Она должна была увидеть его. Точнее, свой приближающийся конец. В глубине души она знала, что так и будет: когда-нибудь серый Нельсон приедет за «кровью девственницы». То, что он, возможно, опоздал, не приходило ей в голову. Он был не из тех, кто упускает что-либо из своих рук и о чем-либо забывает...

Любка встала на цыпочки, но забор был слишком высок. Она оглянулась в поисках возвышенности или предмета, на который можно было бы взобраться. В углу двора громоздилась темная пирамида из ящиков. Любка взлетела на нее, как курица, спасающаяся от ножа. Вода расплескалась; в ведре осталось не больше трех четвертей, но она не выпускала его из руки. Ящики скрипели и раскачивались под ее тяжестью. На самом верху она замерла и затаила дыхание.

Он как раз медленно и торжественно вплывал на стоянку и сейчас больше, чем когда-либо,

казался ей ЖИВЫМ существом. Длинный, припавший к земле черный зверь, безжалостный и безучастный; потрясающе красивый заколоченный гроб на колесах (гроб для шестерых, а четверо могли разместиться в нем с большим комфортом); аквариум, доверху наполненный болотной водой и бездыханным кошмаром трясины... Заостренные крыльшки антенны, рассекавшие воздух, напоминали бumerанг, готовый в любой момент оторваться и отправиться в самостоятельный полет. Панель для номера была пуста и выглядела странно, как... единственный глаз без зрачка. Это бельмо под радиаторной решеткой почему-то особенно сильно беспокоило Любку.

Черный лимузин, по кузову которого скользили отблески тусклого света, падавшего из щелей коттеджа, плавно развернулся. Слепящие лучи фар царапнули Любку, переместились на автопоезд Жвырбиса, озарили дальний частокол деревьев, пустой вольер для собак и наконец уперлись в ангар, где когда-то находилась мойка.

Черный лимузин замер. В его зеркальных боковых стеклах траекратно отразилась закрытая дверь коттеджа. Более того, в них отражались СВЕТЯЩИЕСЯ неоновые лампы вывески над дверью. Голубые нереальные буквы складывались в перевернутую надпись, которую Любка никак не могла прочесть. Для этого у нее не хватало воображения. Ритмичные вспышки холодного огня могли довести до исступления... А ведь все было так просто: сложи слова из букв – и злое наваждение рассеется без следа...

Любка ожидала, что на пороге вот-вот появится мужчина с железными зубами, чтобы отстрелить Нельсону яйца (она не знала зачем, но мужчина часто грозился отстреливать яйца тому, кто ее обидит, – видимо, не переносил конкуренции), или хотя бы тот маленький говнюк с липкими руками – чтобы не дать Нельсону утащить ее в черный гроб на колесах, набитый привидениями, восковыми фигурками, моджо и устланый цыплячьими перьями.

Но никто не вышел из коттеджа, хотя она была уверена в том, что приближение лимузина нельзя не заметить. Это убивало ее. Спасения не было. Бежать казалось ей таким же нелепым, как пытаться спрятаться от собственного страха...

Щелкнул замок. Открылась дверь со стороны водителя. Любка увидела восход луны – серый череп над черной плоскостью крыши, гладкой и блестящей, словно опасная бритва. Нельсон сделал два шага в темноту. Он был одет в белый костюм, который при свете дня выглядел бы ослепительно. Сейчас же он казался белесым силуэтом без ступней, кистей, головы и слабо фосфоресцировал. Над воротником плавали сияющие, но дырявые шарики для пинг-понга. Когда до Любки дошло, что это глаза Нельсона, она перестала дышать и превратилась в мраморную статую.

Она не сомневалась: негр смотрел прямо на нее, хотя не мог никого видеть в глубокой тени дома. Он ЗНАЛ о ее присутствии, и потому его губы раздвигались в улыбке. Между ними появились серые железные зубы, принадлежавшие Жвырбису...

Кто-то скомандовал Любке: отомри! Она беззвучно захихикала. Вот в чем, оказывается, заключалось спасение – в том, чтобы вовсе лишиться рассудка! Кошмар будет продолжаться, но уже совершенно безболезненно для нее.

Существо с рожей Жвырбиса медленно приближалось. В его правой руке обнаружился косяк. Оно рывками затягивалось и с наслаждением выпускало дым из ноздрей... «Жвырбис» пролез через дыру в заборе, о которой Любка даже не подозревала, и оказался в десяти метрах от нее. Здесь, на дворе, было слишком темно, и она не сразу поняла, что происходит. Белый силуэт сломался, скорчился, перелился в новую форму...

Любка кое-как слезла с ящиков и направилась к задней двери. Она шла спиной вперед, чтобы ничего не пропустить.

Она ничего и не пропустила.

«Жвырблик» опустился на четвереньки и полз за нею. Потом белый силуэт распался на несколько копий поменьше. В пяти шагах от двери Любка услыхала то, перед чем меркли и гнев дальнобойщика с его большим членом и узловатыми кулаками, и колдовство Нельсона с его гнусными штучками, и «сучий крест» Ильича.

Она услыхала глухой дробный стук поросячих копытец.

* * *

— Что за херня?! — завопил Бортник, подскочив на месте, когда услышал душераздирающий вопль. Его испуг был наигранным. Он ожидал чего-то подобного с того момента, как за Любкой захлопнулась дверь.

Жвырблик не произнес ни слова. Он остался спокоен, только щелкнул предохранителем. Равиль немедленно погасил свет. На девку ему было плевать, но позаботиться о собственной безопасности — дело святое. Оба направились к задней двери, держа стволы наготове.

Бортник толкнул дверь сапогом и выставил дробовик наружу. Стрелять было не по кому. Он не увидел ни собак, ни растерзанного трупа. Это уже попахивало чертовщиной. Нехорошо попахивало — сортиром.

Он вышел под навес и осмотрелся. На стоянке тихо дремал ублюдочный монстр Жвырблиса. Через заправочную протрусил собачий силуэт. Равиль узнал Гурбана по характерному прогибу спины. В щель между землей и небом на востоке уже просачивалась утренняя заря...

— Куда подевалась эта шлюха? — спросил Бортник у самого себя.

Ответ последовал незамедлительно. Любка выступила откуда-то сбоку, из глубокой холодной тени, оправляя одной рукой платье. В другой руке она держала полное ведро воды. Она улыбалась так же глупо и чуть испуганно, как и прежде.

Жвырблик заржал:

— Тупая сука! Даже в сортир сходить не может. Все еще боится твоих шавок!

Равиль опустил дробовик. Он был разочарован в девке. Она явно предпочитала издевательства Жвырблиса и последующее рабство развлечениям в мотеле. Сплошные огорчения. Плохая ночь.

— Продай ее мне, — сказал он, решив совместить приятное с полезным.

— Не могу, стариочек, — криво ухмыльнулся Жвырблик. — Не обижайся, но ты просто в кассу не попадаешь. У меня в городе есть клиент на малолетку. Человек солидный, при бабках. Так что грузи свою бурду, и я сваливаю.

В три часа восемь минут утра он выполнил свое обещание.

* * *

В три двадцать раздался стук в заднюю дверь. Равиль Бортник, тщетно пытавшийся заснуть под звуки эоловой арфы, испугался меньше, чем можно было ожидать. Он только вздрогнул и схватился за дробовик. Потом неслышными шагами приблизился к двери. Постоял, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Он посмотрел в глазок.

Равиль опустил дробовик и расплылся в глуповатой улыбке. Его рука сама собой потянулась к массивной задвижке. Он опять не задавал себе неразрешимых вопросов. Например: откуда взялась девка? Ведь она уехала с Жвырблисом. И ТА ли это девка?..

Любка вошла в коттедж, опустилась на пол и уставилась на мерцающий прямоугольник, посылавший ей недвусмысленные сообщения. Она больше не дрожала и не лязгала зубами. Старый черно-белый телевизор превратился в алтарь. Она молчала. Зато вновь обретенное божество ГОВОРИЛО с нею.

Бортник не обратил внимания на ее чрезвычайно суженные зрачки. Увидев Любку, он обрадовался и решил дать ей поесть. Девка слишком уж отощала, а он любил, чтобы баба была в теле. Он занялся приготовлением супа, предвкушая «семейную» жизнь. Желания сбывались. Теперь ему точно не придется смотреть тупые фильмы. У него найдется занятие поинтереснее.

* * *

В кабине грузовика глюк оказался частично изолированным от окружающей среды металлическим экраном, зато теперь не нужно было затрачивать ни малейших усилий на передвижение. Он даже подпитывался энергией от двигателя и наслаждался очередным «сновидением».

Ангел висел к югу от точки зенита, раздвинув складывающиеся «крылья» и подставив их еще невидимому с поверхности планеты солнцу. Глюк вкушал от Его электронной плоти. Они вместе пили из животворного потока заряженных частиц, пронизывавшего мертвую мумию мира. Это было прекрасно. Это был экстаз слияния. Глюк испытывал чистейшее блаженство... Потом Темный Ангел снова «включил» его и вверг в тщету трансформаций. Охота еще только начиналась.

Пора было приниматься за работу.

* * *

Жвырбелис знал эту трассу лучше, чем рельеф собственной ладони, и гнал, невзирая на ночь и мокрый асфальт. Он различал своими чудо-глазами малейшие неровности дороги, правда, сейчас его клонило в сон. Жижка из термоса, в которой было меньше кофеина, чем в собачьей моче, никак не возбуждала, а даже наоборот – от этого теплого варева Жвырбелис еще больше размякал. Бортник, должно быть, ворочался на своем топчане от его проклятий.

Оказавшись в зоне приема городских станций УКВ-диапазона, он врубил музыку поэнергичнее. В кабине грузовика была установлена приличная стереосистема. При первых же громоподобных ударах драм-машины сон как рукой сняло, а по спине забегали мурашки. Мощные низы отдавались вибрацией в желудке и наполняли Жвырбелиса щенячим восторгом. Даже девка проснулась и выпрямилась, будто кто-то всадил ей в задницу лыжную палку.

Впереди был сложный поворот. Жвырбелис сбросил газ и положил вторую руку на рулевое колесо. До городской черты оставалось около пятидесяти километров.

Он проходил вираж с небольшим, хорошо рассчитанным и вполне допустимым для водителя его класса заносом. Он крепко держал барабанку, препятствуя ее обратному вращению. Все было чудесно – до той секунды, когда девка начала ни с того ни с сего подвигаться к нему, скользя голыми ягодицами по сиденью. Он не понимал, какого черта ей надо, – до сих пор она старалась держаться от него как можно дальше. Наверное, свихнулась, сучка. Он слышал, что подобные вещи иногда случаются. В любом случае она выбрала неподходящий момент для игр...

Прицеп неожиданно бросило влево, и Жвырбелису понадобилось немалое усилие, чтобы

вернуть автопоезду устойчивость. Колодбина. «Колдоебина» – так звучит даже лучше... «Где были твои глаза, придурок?» – подумал Жвырблик и, покосившись, увидел девку совсем близко от себя. Та уселась прямо на рычаг переключения скоростей.

В другое время Жвырблик нашел бы это очень смешным, но сейчас ему было не до смеха и сексуальных фантазий. Поворот еще не закончился. Впереди был участок дороги с насыпью, все больше оседавшей каждой весной. Жвырблеску предстояло провести грузовик впритирку с покосившимися столбиками.

Это был высший пилотаж, и он наслаждался своей работой. Все оказалось бы не так круто, если бы его зверюга была оборудована фарами с синхронным поворотом. Но он был дальнобойщиком старой школы и презирал эти новомодные штучки для кретинов-молокососов. Поэтому на вираже он не видел большей части дорожного покрытия. Зато прекрасно видел полосатые столбики на обочине встречной полосы, мелькавшие, будто гнилые зубы...

Девка не мигая смотрела на него в упор. Он грязно выругался, послав ее подальше. Он решил, что потом займется ее воспитанием... Хотя нет, не займется. Клиенту это может не понравиться. Товар и без того был изрядно подпорчен.

Внезапно лобовое стекло начало запотевать. Что за черт? Он ехал с вырубленной печкой. Жвырблик потянулся к панели управления, чтобы включить щетки стеклоочистителя. Сочлененное тело автопоезда содрогнулось. Контейнеры угрожающе накренились... Водителю пришлось снова вцепиться в руль. Последнее, что он видел перед «переселением», – это лицо шлюхи, которая рванулась к нему, словно черная птица из плохого сна, летящая навстречу над шоссе, выставив обломанные когти, и сливающаяся с внутренней тьмой в момент пробуждения.

* * *

Глюк проник в голову водителя, не повредив ее на физическом уровне.

Он не перехватывал управления, чтобы получше изучить таинственное вещество.

Регулируя собственное восприятие, он обнаружил полуразрушенную нейронную сеть. Почти такую же совершенную, как эманации Темного Ангела, но безнадежно связанную с биологическим материалом.

* * *

...Оставалось не более двух секунд до катастрофы. Вполне достаточно, чтобы закончить исследование и скопировать матрицу.

Грузовик должен был неминуемо отправиться под откос. Но что-то удержало его на краю насыпи, когда левые колеса уже вращались в пустоте. Та же загадочная сила буквально вытолкнула десятитонный прицеп на проезжую часть и обеспечила сцепление шин с грунтом.

Рессоры прогнулись в результате трехкратной перегрузки. Задымилась раскалившаяся резина. Двигатель натужно взревел. Передачу заклинило. Контейнеры едва не сорвали стопорные болты из легированной стали. Но авария была предотвращена.

После этого охотник снова изменил форму.

Выбив из челюсти обочины четыре кривых зуба, автопоезд вырвался на прямой участок.

* * *

Вначале все шло как по маслу. В лобовом стекле грузовика появилась дыра размером с кулак. Лицо смеющегося водителя непоправимо изменилось. Вернее, у него теперь не было лица. Одна пуля со смешенным центром тяжести снесла ему нижнюю челюсть, а вторая разворотила остатки носа, превратив его в окровавленное и рваное свиное рыло. Часть черепной коробки, застрявшая в перегородке спального отделения, напоминала грязное кофейное блюдце. Дьякону не требовался оракул, чтобы увидеть смерть в разводах серой гущи.

Тем не менее грузовик продолжал двигаться, не снижая скорости. На всякий случай дьякон отступил с обочины и обнаружил, что его ладонь слегка увлажненная – впервые в жизни... Через секунду ревущая тень пронеслась мимо, обдав Могилу грязевой взвесью и потоками смрада.

Его душа оцепенела, как замерзающий куриный эмбрион внутри яичной скорлупы, забытый в сломавшемся инкубаторе, но тело продолжало действовать безупречно. Он развернулся, направив ствол «абакана» в сторону удаляющегося автопоезда, и поставил переводчик стрельбы на автоматический огонь.

И вот тогда взвыли тормозные колодки. То был заунывный, слишком долгий, почти невыносимый для нервов звук. Внутри контейнеров что-то тяжело загремело. Из-под покрышек вырвались клубы дыма. Прицеп занесло и неумолимо разворачивало поперек дороги. Задние колеса сползли в кювет и загребали грунт, разбрасывая земляные фонтаны. Жесткая сцепка переломилась, как спичка.

Дьякон соображал апатично, но быстро. Безумный ублюдок, которому он вдобавок вышиб мозги несколько секунд назад, не только вертел барабанку, но и давил на тормоза. Это было сверхъестественно и отвратительно. Правда, существовало и другое объяснение: кроме водителя, в кабине находился еще кто-то.

Однако возникал гораздо более неприятный вопрос, а именно: что последует за этим? В том, что последствия будут, дьякон уже не сомневался. Он перешагнул через рухнувшее дерево и двинулся к своему мотоциклу, не сводя глаз с ползущего по шоссе грузовика.

Самсон отступал, но не бежал. Он заметил, как внезапно изменилось направление ветра. Этот ветер был абсолютно сухим и закручивался вокруг него холодной спиралью, поднимая в воздух лесной мусор...

Прицеп перевернулся; теперь контейнер со скрежетом вспахивал асфальт, рассыпая искры. Расстояние между ним и Могилой составляло около ста метров. Осветительная ракета догорела; для дьякона наступила гораздо более мрачная ночь, чем была в действительности. Он сорвал с переносицы бесполезные стекляшки и раздавил их каблуком. Ситуация окончательно вышла из-под его контроля.

На всякий случай он перекрестился.

* * *

Могила беспрепятственно добрался до своего девяностопятисильного <кавасаки-мальшева>, оборудованного радиостанцией и круиз-контролем, и снял тяжелый байк с подножки. Он бросил взгляд на портативную дисковую пилу с электрическим приводом, торчавшую из багажного ящика. С помощью этой нехитрой игрушки он вскрывал контейнеры и автомобильные сейфы, как консервные банки. Иногда под диск попадала чья-нибудь глотка – в этом случае дьякон не отказывал усопшему в заупокойной молитве (в конце концов, он просто выполнял свой долг).

Это была так называемая пила трения. Сверхтонкий диск из жаропрочного сплава не

столько резал, сколько плавил материал. Дьякон сам немного побаивался своего инструмента. Тонкий, еле слышный свист диска вызывал ощущение озноба. Холодная волна пробегала вдоль позвоночника, и на какое-то мгновение позвонки смерзались. Это было что-то вроде предвкушения оргазма, только с огромным знаком «минус». По правде говоря, Самсон не мог представить себе ничего более неприятного, чем мысль о СЛУЧАЙНОЙ ОШИБКЕ...

Итак, полюбовавшись пилой, дьякон отказался от своего намерения вскрыть контейнер. Надо было убираться отсюда поскорее, не размениваясь на мелочи. Он и без того уже наделал немало глупостей. Могила слишком хорошо знал, что означали желтые треугольники, которыми был маркирован груз. Кроме всего прочего, они означали, что он нарушил договор с Ассоциацией. А вот каким будет наказание, он не знал. Прецедентов не имелось. Это была чрезвычайно неприятная неопределенность. Но его догадки были еще хуже...

Он завел двигатель, врубил фару на дальний свет и вырулил с проселочной дороги на шоссе. Его подошвы опирались на ребристую поверхность «горшков», а автомат лежал на бедрах. Дьякон был готов ко всему. Ему предстояло проехать мимо остановленного им автопоезда. Любой другой путь был бы неоправданно долгим. К тому же Могила вовсе не был трусом.

За его спиной бледным разбавленным молоком растекалось утро. Дырявая сеть древесных крон безуспешно пыталась удержать рассвет. В низинах скапливались клочья тумана, обещавшего наконец ясный день. Одно густое туманное пятно обволакивало горячий капот и кабину грузовика...

Дьякон осторожно объехал лежавший на боку прицеп. Ему приходилось видеть пораженных лучевой болезнью. Поэтому его интересовало, цел ли контейнер, а главное, целы ли свинцовые игрушки внутри контейнера, – и это было не праздное любопытство очевидца аварии. Собственно говоря, сложилась предельно простая ситуация. Одно из двух: либо он находился в безопасности, либо уже получил свою дозу. На все воля Божья...

Он услышал очень тихий звук, но не со стороны реки. Где-то совсем близко подтекала жидкость. Дьякон открутил ручку газа на себя до упора. Мотоцикл рванулся вперед с таким ускорением, что у Самсона на миг потемнело в глазах. Набегающий поток воздуха сдул капюшон и испортил Могиле прическу.

«КрАЗ» перегораживал дорогу. Между бампером грузовика с выдвинутой вперед лебедкой и обочиной оставалось не более метра – короткий узкий коридор, который на хорошей скорости можно было преодолеть за сотые доли секунды. Байк набрал хорошую скорость.

Дьякон никогда не жаловался на свою реакцию, но на этот раз он не успел даже дернуться. Он мог бы поклясться, что никого не видел ни слева, ни справа от себя. Дверь кабины оставалась закрытой. Вообще ничего не шелохнулось, кроме кроличьих лапок, подрагивавших над зеркалом заднего вида вопреки силе тяжести.

В самом зеркале отражалась какая-то тошнотворная масса. У дьякона не было времени понять, на что это похоже, хотя масса весьма напоминала человеческий мозг.

Кто-то невидимый нанес ему сбоку сильнейший удар в голову, от которого не спас бы и шлем. На голове дьякона не было даже вязаной шапочки.

Он слетел с мотоцикла и рухнул на обочину, потеряв сознание. Огромный кровоподтек появился на правой стороне его лица и почти мгновенно охватил скулу, щеку и висок. Один глаз сразу же заплыл. Кожа на руках оказалась содранной до мяса. Но в течение некоторого времени это не имело для Самсона ни малейшего значения.

Его мотоцикл промчался еще метров девяносто, врезался в придорожные деревья и заглох. Снова наступила тишина, в которой рождались и умирали лишь природные звуки. Весенний лес медленно пробуждался.

Глюк скопировал информацию – всю, вплоть до ничтожнейших деталей. Поэтому в кармане у него оказалась Библия с неполным текстом в Синодальном издании двухтысячного года. Он не знал, для чего нужна столь архаичная вещь, и решил выяснить это на досуге. Его досуг начинался тогда, когда он прерывал охоту.

Зато в руке у него появился предмет, назначение которого не вызывало сомнений. Это была портативная дисковая пила с лейблом фирмы «Солид элой энд даймонд инструментс» – квинтэссенция эманаций очередной жертвы. Гнездо для подключения пилы к автомобильному генератору было пустым. Тем не менее, как только глюк нажал на пусковую кнопку, диск начал разгоняться с нежным свистящим звуком...

Извлеченная из полудохлого животного информация впервые оказалась полезной и существенно облегчила поиски.

Глава четвертая

*Спроси у зеркала на стене,
Кто самый большой дурак?*

Грэм Эджс

Спустя десять минут дьякон Самсон Могила открыл глаза.

Он был крепким мужиком и хорошо держал удар. Вряд ли кто-нибудь другой на его месте очухался бы так же быстро. Добрая половина хиреющих человекообразных не очухалась бы вообще.

Дьякон отлежался, вдыхая запах сырой земли и рассматривая одним уцелевшим глазом щебень со следами собственной крови. Рядом висели клочья того же белесого, липкого на вид и подозрительно стабильного тумана. Шея была будто сдавлена колодками. Голова раскальвалась от боли, и отчаянно хотелось опустить ее в ледяную воду. Хотя бы и в отправленную реку Уды...

И все же Могила соображал, что делать дальше. После удара автомат оказался отброшенным в сторону и лежал на расстоянии пяти метров. Для дьякона в его положении это было все равно что пять километров. Но он изменил бы своим правилам, если бы не имел при себе несколько игрушек на черный день. Похоже, черный день наступил.

Он шевельнул пальцами. И только теперь почувствовал, как запылали руки, словно он опустил их в бак с серной кислотой. Однако этой боли было далеко до той, настоящей, замешанной на безысходности, – боли в пробитых гвоздями кистях, особенно когда крест ставят вертикально и они частично принимают на себя тяжесть тела...

Дьякон вычистил из сознания смешную щекотку, терзавшую его ладони, и превратился в полноценного стрелка. Его правая рука забралась под плащ и нашупала Библию в металлическом переплете. Открыв ее, он начал перелистывать страницы, пока пальцы не наткнулись на «иглоукальватель» – маленький, легковесный, но достаточно эффективный при стрельбе в упор ПСМ калибра 5,45.

В середине прошитого блока была вырезана ниша для хранения пистолета. Для этого пришлось пожертвовать Книгами Царств, Паралипоменон, Ездры, Неемии, Есфирь, Иова и большей частью Псалтиря. Дьякон считал это небольшой потерей по сравнению с тем, чего он мог лишиться сейчас. Многие места из вышеперечисленного он знал наизусть.

Обхватив пальцами плоскую рукоятку пистолета, Самсон уже решил было, что его шансы выжить существенно возросли.

Он перекатился на бок и мгновенно нажал на спуск. Он не слишком доверял этой чертовой детской погремушке. ПСМ «разговаривал» невразумительно... Дьякон стрелял по движущемуся человеческому силузту. Но утро наступало неотвратимо – и так же неотвратимо возникало в сумерках ЛИЦО.

После первого выстрела раздался странный звук, лишь отдаленно похожий на тот, с которым лопается яичная скорлупа... Самсон выстрелил еще трижды и не сомневался, что все четыре пули с безоболочечной головной частью достигли цели. Достаточная порция даже для имбэцила или мутанта с гипертрофированным спинным мозгом. Поскольку клиенты дьякона часто оказывались в бронежилетах, он приобрел полезную привычку стрелять только в голову.

И он действительно увидел эту голову, будто разорванную на части четырьмя попаданиями, отчего она казалась только отражением в неспокойной воде.

(«Отражение» – это был ключевой образ. Дьякон еще не подозревал, до какой степени

близок к истине.)

Его искусство стрелка не оказалось никакого влияния на движение массивной фигуры. Она приближалась, ступая бесшумно и уверенно. Приглядевшись к ней, дьякон начал молиться. Про себя. Его молитва снова была своеобразным кощунством. В ней попадались матерные слова.

От удара Самсона слегка контузило, в противном случае он бы уже слышал красноречивый звук, напоминавший свист зубоврачебного бора, только грозивший ему гораздо большими неприятностями... Он не сразу узнал свое лицо, но когда все же узнал, то мгновенно понял причину зловещей трансформации.

Зверь явился ему – зверь в новом образе, предпринявший тщетную попытку свести его с ума. Тварь «надела» его лицо – точную копию, вплоть до сложного рисунка шрамов на щеках и подбородке. После выстрелов оно почти мгновенно восстановилось, бесследно и безо всякого вреда для себя поглотив кусочки свинца. Разбитая пулями мозаика снова сложилась единственным возможным образом; это не имело отношения к биологии; тут скорее попахивало каким-то жутким и самоубийственным искажением человеческого восприятия, изменой органов чувств... Дьякон даже потрогал собственную, заросшую щетиной и опухшую рожу, чтобы убедиться в том, что кожа все еще на месте и никто не содрал ее с его головы, как были содраны с ладоней кресты и «линии жизни». Содрал и сделал зловещую маску...

Могила расстрелял обойму до конца – с тем же результатом. От кошмарного двойника его отделяло не более трех метров. Холодный рассудок не сдавался. Теперь дьякон надеялся на то, что все это окажется сном. Дьявольским наваждением. Искушением. Обещанием бессмертия. Новым способом вегетативного размножения...

Но даже во сне он вытащил из ножен свой нож с клинком, имевшим полуторную заточку, которым можно было без труда рубить кровельные гвозди. Дьякон крайне редко пользовался этим инструментом. Обычно он решал все проблемы с помощью пилы.

Он старался не смотреть «себе» в глаза. Потом его взгляд невольно притянула дисковая пила в правой руке глюка. Диск вращался с немыслимой скоростью. Подшипникам полагалось испариться. Диск казался прозрачным и сверкал чистым, ярким светом, будто был сделан из тончайшего отполированного алмаза. Сквозь него дьякон видел пальцы двойника, абсолютно похожие на его собственные. На них остались следы от сведенных наколок. Когда-то он пытался исправить ошибки юности.

...Что делать, если твоя ненависть, безжалостность и неумолимость оборачиваются против тебя же? Если предопределенность и твой приговор написаны на твоем же лице и ты вдруг осознаешь, что мог бы справиться с чем угодно, только не с ЭТИМ? («Проклятие! – подумал Самсон. – Сейчас ОНО меня выпотрошит!») Это капкан судьбы, окончательная ловушка, самая грязная шутка, которую может сыграть с тобой твоя извращенная природа. Особенно если помочь ей, сотворив идеальное отражение...

Двойник улыбался. Дьякон ударил, разделив улыбку пополам и зафиксировав нож только внизу живота. Вместо крови из разреза хлынул поток слепящего света. Чистейшее сияние солнца в летний полдень...

Самсон зажмурился, чтобы свет не выжег ему глаза. Когда он открыл их, двойник частично слился с ним, перетекая из формы в форму, словно масса, состоящая из расплавленного золота. Руки... Вначале соединились их руки.

Он подозрительно долго не чувствовал боли, как будто конечность была поражена гангреной. А может быть, время чудовищно растянулось. Что это? Медленное изменение сущности? Не иначе, ему предстояло стать плотью мышей, змей, лисиц, листьями травы и придорожной пылью. Или прахом в полном смысле слова. Исчезнуть бесследно. Очиститься. Пройти фильтрацию в теле матери-земли. И обрести жизнь вечную. Разве не для этого был

предусмотрен круговорот веществ в природе?..

Из глаз двойника был слепящий свет. Дьякон ударил его левой рукой, и кулак врезался в стеклянную голову, разлетевшуюся на тысячи осколков, как ваза, но каждый осколок летел по невероятной орбите, возвращавшей его в место пересечения и слияния. За сотые доли секунды лицо было слеплено снова – из идентичных фрагментов, тканей, ДНК, атомов...

Это очень напоминало цепенеющему дьякону чертов детский конструктор.

У его шестилетнего сына был именно такой. И он сам не раз собирал дурацких роботов-трансформеров из тысячи и одной детали...

Все случилось настолько быстро, что дьякон не был уверен, произошли ли в действительности распад и слияние. Он мог быть уверенным лишь в том, что его руки, одна из которых все еще сжимала рукоятку ПСМ с пустой обоймой, уже не вполне принадлежат ему. И только тогда возник зуд, будто нервы реагировали с заметным опозданием на проникновение извне чего-то чуждого.

Несмотря на запредельную, испепеляющую боль, дьякон молчал, сцепив зубы, и был снова и снова. Неуязвимый двойник уже не обращал внимания на его удары. Это было похоже на бой со связанными руками против тени или голограммы, только тень, несомненно, нарастила плоть. Более того, она держала эту самую плоть под немыслимым контролем, который Могиле и не снился. В сравнении с этим любая магия или телепортация были детским лепетом...

Зверь одерживал верх. Самсон почувствовал себя голым, как младенец.

Это было иррациональное ощущение растворения одежды, а затем и самой кожи.

Податливая нагота, полная беззащитность... Он прекрасно помнил, что сам не раз цитировал Иова, просвещая своих тупых прихожан: «...нагим я вышел из чрева матери моей, нагим и возвращусь. Господь дал, Господь и взял...»

И вот, спустя секунду, он действительно услышал СВОЙ шепот – глухой и тяжелый, восторженный и торжественный, осыпавшийся, словно влажная земля, но, несомненно, принадлежавший ему.

«Нагим я вышел...» – прошептала тварь, будто УТЕШАЛА его, и слилась с ним полностью.

Самсон завыл. Глюк был внутри него и совершил странные эволюции. Это слегка напоминало перетекание искрящейся жидкости внутри сообщающихся сосудов. Охотника особенно интересовало все, что могло иметь отношение к клонированию.

Пока он оплодотворял яйцеклетки, извлеченные из женской матрицы, у дьякона было время подумать о том, куда же подевалось его совершенство? Его неуязвимость? Его воля к жизни? Бумажная броня его спокойствия?.. Все забрала себе эта тварь. Высосала вместе с остатками воздуха из легких. «Отражение» – главное слово, мать его так! Тварь была зеркалом, впитавшим отражение и уничтожившим зазеркалье. Дьякон только что «переселился». Он сам стал матрицей.

И тут на него снизошла неземная отстраненность, благодать бесчувственности, которую можно было ошибочно принять чуть ли не за святость. Он смирился с непоправимыми вещами. Он разделил восторг зверя, почти пресытился ненавистью к греху, почти постиг СМЫСЛ своего изменения... Но не до конца.

Утолив информационный голод, глюк занялся всем остальным. Глазными яблоками, зрительными нервами, слуховыми рецепторами, речевым аппаратом, насосом, перекачивающим кровь...

Глюк не удовлетворился этим. Освободив дьякона, он отправился к автопоезду и вскрыл оба контейнера при помощи дисковой пилы. Были и другие способы, но он берег энергию.

То, что находилось внутри, превзошло все его ожидания.

* * *

Охотник мчался по шоссе в сторону города. Под ним ровно рычал лаково-черный «кавасаки-мальшев» – довольно дурацкое и шумное средство передвижения, хотя и не лишенное определенной эстетической ценности. Вокруг клубилось седое утро. Холодный огонь сверкал впереди.

Глюк воспроизводил странные образы, вспыхнувшие в мозгу последней матрицы перед самым «переселением». Он не понимал, почему в сознании матриц иногда оставалась беспредельная, гнетущая ненависть к Ангелу вместо любви и благоговения; почему всякая мысль о Нем сопровождалась мраком отчаяния и безысходности.

По мнению охотника, Темный Ангел вовсе не был темным. Он излучал даже слишком много света. Его сияние ослепляло. Он был поистине светоносным. Его эманации были настолько многообразны, сложны, всепроникающи и вездесущи, что узреть истинный лик Создателя казалось абсолютно невозможным. Его суть была растворена во всем, но сам Он ускользал от прикосновений. Он таился в блеске своей славы.

...Остановившись на вершине холма, глюк обвел взглядом изломанную линию горизонта. На западе лежал тревожный отсвет. Ветер терзал тополя, растущие вдоль дороги...

Охотник поднял лицо к небу. Он знал: за плотным занавесом туч были ледяные россыпи утренних звезд. Где-то там, среди них, находилось невидимое, но всевидящее око Ангела, распростершего крылья над миром. Охотнику этот мир казался верхом совершенства. В нем было все, что нужно смертному: Бог, вечность, время, судьба и тайна.

Он двигался налегке, оставив дьякону его смешное оружие. Не было смысла в декорациях. Клоны – его потенциальные жертвы – сами выбирали способ казни, сюжет гибели, мотив уничтожения и... путь к спасению. Каждое существо носило закодированный в сознании рецепт своей смерти. Почти все пути оканчивались тупиками. Повсюду стерегли призраки счастья. Иллюзии, фальшивые ценности и ложные фетиши заставляли бросаться в бессмысленную погоню, растерянно блуждать или вовсе замирать в тупой неподвижности. Но глюк знал один путь, который точно вел к свету.

* * *

...Невозможно описать то, что он почувствовал, когда увидел город. Лабиринт, где ему теперь предстояло охотиться и освобождать. Место, полное чуждой жизни. Черная луна, погруженная в тень большой планеты, висела над ним, как старое запылившееся зеркало. Из щелей в стенах лабиринта просачивалось замороженное сияние...

Внизу были огни, тоже указывающие путь, но разительно отличающиеся от тех, недоступных, сияющих вверху, в вечной мерзлоте открытого космоса. Жуткие башни – иногда пустые, иногда пронизанные неестественным излучением, – торчали на горизонте. В геометрически правильных пещерах копошились примитивные организмы, объединенные в непостижимо сложный механизм. И еще в сердце города была энергия, так похожая на энергию Светоносного. Глюк ощущал ее. Это было как птичий гомон, несмолкающий, сводящий с ума; налет

невидимой стаи; атака сотен тысяч клювов, одновременно долбящих по черепу. Но он быстро научился ставить защиту.

И еще одно: теперь он стал в десятки раз сильнее. Он больше не нуждался в непрерывном формирующем излучении «Абраксаса». Он сделал первый шаг на пути регресса. При необходимости глюк мог совершить почти мгновенную обратную эволюцию от энергетического сгустка до любого биологического существа.

Ему достался практически неисчерпаемый источник энергии, который мог обеспечить его автономное функционирование в течение невообразимо долгого срока. При всем том источник имел смеютворно малые размеры. Он был похож на очень тяжелую сигаретную пачку. На всякий случай глюк взял себе несколько таких «пачек». Этого должно было хватить ему примерно на шесть миллионов лет.

Он был бы рад поделиться своей добычей с Ангелом. И когда-нибудь обязательно сделает это. Таким способом он вернет создателю ничтожную часть долга. Это будет его жертвоприношением на алтарь их цивилизации.

...Двоє, составляющие одно. И больше никого в целом мире. В новом мире. Это касалось исключительно его и Ангела.

Если только им не помешают проклятые клоны!..

Глава пятая

Пройдись по разрушенной улице и посмотри на смятенных владельцев развалин... Разбей земляного идола, чтобы увидеть лица других идолов.

Джалаледдин Руми

Вечером они пересекли границу исламских и православных территорий Черноморской коалиции. Старик сразу же почувствовал себя лучше. Спокойнее, что ли, хотя вряд ли опасность миновала. Скорее наоборот. Приближалась запоздалая кульминация, а для многих вслед за кульминацией мгновенно наступает развязка. Развязка жизни – это, как ни крути, смерть. У старика и без того было стойкое ощущение, что он получил десяток лет взаймы. Он все еще предпочитал «западные ценности», но не вполне отдавал себе отчет в том, что же это такое. Может быть, он просто рассчитывал, что православные казнят его более гуманным способом?

Его спутники вообще ничего не почувствовали. Граница была воображаемой линией, абстракцией, существовавшей лишь в захламленных человеческих мозгах. Однако многие умирали из-за подобных абстракций. Мальчик знал это прекрасно, несмотря на отсутствие личного опыта. Он получал информацию от своих медиумов и поэтому жил, не совершая пагубных ошибок.

Третью была девушка, которая шла в двадцати шагах впереди мальчика, – его недавнее приобретение. Медиум номер два. Старик неизменно оставался номером первым. Генетическая память обеспечила ему преимущество. Пока мальчику хватало этих двоих. Роли были распределены: старик – гид, ходячий путеводитель по городу и окрестностям; девушка – телохранитель и исполнитель приговоров. Мальчик был не жаден до живых игрушек. Но никто не знал, насколько велик аппетит его «брата».

В этой троице было что-то противоестественное. Они не могли составить полноценную семью, и в их отношениях не было и намека на равноправие. Посторонний вряд ли понял бы, кто на самом деле возглавляет группу. На первый взгляд они двигались хаотически. На тот же первый взгляд они были бродягами и случайными попутчиками. Ни один из них не тянул на преступника или изгоя. Но все трое были подозрительно чисты и здоровы – по крайней мере внешне.

Мальчик выглядел лет на шесть. Очаровательное лицо было свежим и покрытым пухом, как спелый персик. Большие серые глаза смотрели пытливо и открыто, а маленькие губы часто складывались в трогательную и обманчивую гримасу беззащитности. Это был развитый ребенок. Вероятно, даже слишком.

Он думал о конце света больше иного пророка. Изведал он тоже немало.

Он уже знал, что это такое – забрать жизнь из сострадания. Еще он знал, как манипулировать людьми. И не только людьми. Его научили всему – лишь бы он дошел и сделал то, для чего был послан.

Старик, который фактически являлся его «отцом», подозревал, что на самом деле мальчику около тридцати лет. Так выходило, если Земля все еще крутится вокруг Солнца, а в году триста шестьдесят пять дней. Но старик не был УВЕРЕН в этом, потому что с некоторых пор не был уверен ни в чем. Точнее, с тех самых пор, как мальчик, бросая игральную кость, выбросил шестерку сто раз подряд. На спор или просто так. Похоже, все-таки на спор. Это случилось давным-давно, в каком-то притоне под Зенджаном, и чуть не стоило им жизни. Мальчик

действительно был тогда слишком юным, наивным и не мог удержаться от дешевых фокусов.

«Но что ты скажешь о его фокусах сейчас, старая задница?» – подумал стариk, не жалея яда.

При этой мысли его охватила жуть, и он обрадовался. Жуть он испытывал от того, что был свидетелем всего происходящего вокруг мальчика, а обрадовался тому, что был способен издеваться над собой. Стариk цеплялся за самоиронию, как иные в его возрасте цеплялись за кислородную подушку. Для него самоирония являлась одним из признаков того, что он еще не до конца превратился в ходячий труп.

У мальчика не было человеческого имени. В монастыре Ордена «Револьвера и Розы» клонам присваивали арабские имена звезд. Того, который вел старика в город, называли Мицаром. Когда-то стариk имел глупость придумать ему имя попроще. Но теперь даже в своих скудных воспоминаниях он называл мальчика не иначе как «мальш». Это было похоже на примитивную попытку бороться с ураганами и демонами, давая им ласковые прозвища... По правде говоря, слово «Мицар» просто стерлось из памяти старика – еще одна бесполезная абстракция, от наличия или отсутствия которой ничего не менялось. Более того – старику становилось не по себе, когда он вспоминал о своем отцовстве. Рядом с мальчиком он давно казался безмозглым младенцем.

Сейчас мальчик был точной копией его чудом сохранившейся детской фотографии. Что же это, если не чрезвычайно замедленный процесс старения? Монахи убеждали старика в том, что продолжительность жизни клонов составит самое меньшее двести лет (о недоразвитых сиамских близнецах никто не мог сказать ничего вразумительного). Все они были стопроцентно стерильны. И каждый нес «генетическую бомбу», которая могла быть активизирована в любой момент при помощи специального кода. Стариk не знал кода; зато его знал сам мальчик.

Стариk догадывался: что-то пошло не так, как хотелось бы этим чертовым реформаторам. Потрясатели основ, черт бы их побрал! Все было не так, начиная с неконтролируемого деления клеток и заканчивая исчезновением клона Мегреца, посланного в город на поиски Терминала. Тот не выходил на связь уже больше полугода. Возможно, был похищен или мертв... И вот теперь Мицару предстояло осуществить чужую миссию и найти исчезнувшего клона. Терминал был необходим, чтобы реанимировать Куколку (стариk не надеялся увидеть метаморфозу). Еще неизвестно, что важнее... Старика отдали мальчику, как в древности снабдили бы посланца хорошей лошадью или колодой карт для гадания. Монахи ничего не потеряли. В монастыре хранилось достаточно генетического материала.

Монастырь находился в Святой земле. То, что люди из Святой земли могли трагически ошибаться, не добавляло старику ни веры, ни оптимизма. Движение – вот и все, что у него осталось. Но он встречал многих, кто не мог похвастаться даже этим.

* * *

(...Из вечерней беседы Низзама, шейха Тарика, с клоном, немым свидетелем которой был когда-то стариk.

– Демон стар и слаб, – говорил Низзам. – Когда он одряхлеет окончательно, мы попытаемся уничтожить его. Для этого предназначена Куколка.

– Разве Демон может умереть? Разве Дух Бездны не вечен? – задавал мальчик свои вопросы.

– Демон вечен. Именно поэтому мы должны стремиться к недостижимой цели. Цель каждого человека – покончить с ним внутри себя. Потом он вернется снова. Он всегда

возвращается...

— И мы снова убьем его?! — спросил мальчик обрадованно. Он увидел некую надежду в самой возможности победить Демона — пусть ненадолго и неокончательно.

— Глупый сопляк! — засмеялся Низзам. — К тому времени даже ты умрешь. Это будет не твоя забота.)

* * *

У клона был чистый незагоревший лоб. Из-под неизменно поднятого капюшона свисали на глаза длинные и мягкие волосы. Золотистые, как у ангелочки на дешевой открытке. Единственной недетской чертой в его облике были длинные ногти, отросшие на пальцах.

Он был одет в черные джинсы «мэдок» и куртку фан-клуба группы «Одной ногой в могиле». Куртка отличалась огромным количеством зипперов. Два, вшитые горизонтально, имелись и на капюшоне (старик дорого дал бы за то, чтобы никогда не увидеть их расстегнутыми). Прочные ботинки на полтора размера больше требуемого оставляли рельефные следы, похожие на отпечатки протектора велосипедной шины. За плечами мальчик нес сморщененный кожаный рюкзак с запасом консервированной пищи и воды.

Старик обычно плелся рядом с мальчиком или в шаге позади него — беззубый пес, который больше всего на свете боится потеряться.

Редкие седые волосы обрамляли узкое, морщинистое и коричневое лицо, похожее на горную страну, какой та представляется на рельефном глобусе. Волосы потемнее выбивались из ушей и ноздрей. Казалось, если старик откроет рот, то станет очевидным, что волосы растут и на языке, и на деснах, и в глотке.

Старику исполнилось пятьдесят семь, и он выглядел изможденным до святости. Из-за слишком светлых глаз и шатающейся походки его можно было принять за слепого. На самом деле он прекрасно видел без очков и контактных линз — на свою беду. Он давно не брился, и грязно-белая щетина старила его еще больше.

Сухая ломающаяся фигура, похожая на богомола, была закутана в плащ защитного цвета. На тощем заду болтались широкие и когда-то белые джинсы — как тряпка, сигнализировавшая о капитуляции. Старик не ощущал ни жары, ни холода. Иногда ему снилось, что его тело постепенно мумифицируется (это был самый нейтральный из его снов). Он убеждался в обратном, когда питался илиправлял нужду.

Сны были едва ли не главным его достоянием. И, вероятно, единственным. Сны придавали смысл его долгому изгнанию, пребыванию в плену, возвращению на родину, движению через земли с выскобленной маткой от мертвых городов к еще живым. Молодость, история, зловещие причины и убийственные следствия — все это подвергалось реанимации в сновидениях. Старик и сам ожидал в них.

Мицар пользовался этим. Когда ему требовалась информация, он без особого труда погружал старика в более или менее глубокий транс. Наяву старик превращался в маразматика. Ничего удивительного — мальчик медленно похищал его разум и память. Иногда старику было дано ощутить это — на какие-то кошмарные мгновения. Он начинал думать, что клон, вероятно, страдал комплексом Махди^[2]. Это было бы хуже всего. В таком случае последний поход старика обернулся бы фарсом.

Девушке вряд ли приходили в голову подобные опасения. Она с радостью рассталась бы с большей частью своих воспоминаний. Например, о том, что сделали с нею в банде Аристарха Глазные Воронки. Но клон действовал избирательно. Он был дьявольски изощрен, этот ужасный

карлик! Он понимал ее одержимость и никогда не уничтожил бы основной мотив. Вероятно, у девушки вообще не могло быть других спутников мужского пола, кроме существа с непонятной физиологией и старика импотента. Эти двое спасли ее, а клон не дал свихнуться окончательно.

До близкого знакомства с Аристархом девушка стреляла сносно. Потом ей казалось, что она справится с этим великолепно – если доберется до огнестрельных игрушек. После своеобразной терапии, проведенной клоном, ее способности стали феноменальными.

Она превратилась в идеального палача, и если бы сознавала это, то не имела бы ничего против. Она ценила покровительство клона, как бы оно ни называлось на языке свободных. Он легко мог стереть ее – всего лишь оставив наедине со своей темной половиной.

Девушка была одета слишком тепло даже для прохладной весенней ночи. В теплое апрельское полнолуние ее короткое и просторное мужское пальто смотрелось нелепо – особенно в сочетании с узкими кожаными брюками, облепившими стройные тощие ноги. Единственное разумное объяснение заключалось в том, что она прятала под пальто какой-то предмет. Ботинки армейского образца на толстой подошве и с высокой шнурковкой делали ее сантиметра на три выше.

Обычно взгляд старика рассеянно блуждал по сторонам. Но когда он натыкался на девушку, в нем проявлялась какая-то призрачная эмоция – мучительная попытка что-то вспомнить. В перегоревшем мозге возникали мысли.

Старик с горечью думал о том, что жизнь скоротечна, а юность вообще эфемерна. (Он кое-что знал об этом. Для него время совершило почти немыслимый фокус – оно притормозило после того, как старику стукнуло пятьдесят. И это тоже объяснялось скорее всего вмешательством клона Мицара.) Он сомневался в том, что девушка доживет хотя бы до тридцати, но не был огорчен этим. Он не мог представить себе ее улыбающейся, расслабленной, удовлетворенной, кормящей ребенка грудью. Кто-то похитил ее юность – и все, что должно было последовать за нею. Ей оставили только ее биологический возраст. Издали она и выглядела на свои семнадцать. Но вблизи становилось ясно, что судьба сыграла с нею плохую шутку.

У нее была бледная чистая кожа, как у мертвой невесты Дракулы, и глаза старухи, выжившей из ума. В результате небрежно выполненного брэндинга правая щека девушки была изуродована ожоговым шрамом в виде личного клейма Аристарха Глазные Воронки. И все-таки она казалась старику красивой. Это была печальная красота зверя в клетке, упадочного портрета, луны, закатившейся в сточную канаву... В редкие моменты просветления старик начинал сочувствовать девушке, а потом она становилась ему безразлична. Какая мелочь – ее личная трагедия – на фоне всего, что творилось вокруг!..

Они шли вместе четвертый день – с тех пор, как клон чудом поставил ее на ноги. Она происходила из семьи чешских эмигрантов. Старик называл ее Мартиной (когда внезапно вспоминал это имя). В остальных случаях вполне подходящими оказывались словечки типа «дорогуша», «женщина», «этая сучка» или просто «эй, ты!».

Клон никак ее не называл. Он был знаком с нею слишком близко. Их личности были сплетены сильнее, чем старик мог это себе представить. А еще Мицар отдавал приказы им обоим.

Но кто руководил Мицаром?

* * *

Солнце утонуло в багровой луже, расплескавшейся на западе. Пространство на востоке застывало черным вулканическим стеклом вокруг лунного жерла. Какие-то бледные точки

напоминали о звездах.

Возможно, в эту ночь погода изменится. Ветер и дождь – они были бы совсем не лишними. От малыша пахло потом, даже от старика пахло, хоть его тело и напоминало высушенный труп, а у девушки вдобавок началась менструация.

Тroe сделали привал на заброшенной ферме. Клон выбрал место для ночлега – внутри башни ветряной электростанции. Городские дауны в первую очередь лезли туда, где могло храниться продовольствие. Не то чтобы клон боялся кого-то. Просто он избегал лишнего шума – насколько возможно. Его стихией было безмолвие внутренних пространств и кажущиеся голоса, сталкивающие с рельс разум.

Ферма выглядела вычищенной до предела, но и голодные бродяги попадались все чаще. Ветряк не годился под продовольственный склад. Издали он напоминал грубейший крест с косой перекладиной. Для старика это был символ... всего. Непоправимой дисгармонии в человеческом сознании, природной асимметрии, покосившегося мира, искаженного порядка вещей, возврата к дикости.

Ветряк был сломан. Лопасти заклинило; остатки изоляции сожрал грибок. В углах башни попискивали мыши. Ржавая дверь, сорванная с петель, валялась у входа.

Клон вошел первым и сел на землю лицом к проему. Он видел четкий прямоугольник, разделенный пополам линией горизонта, – небо в кровоподтеках и землю в пятнах зеленого лишая. Акации. Или почти акации. Чем бы ни были эти деревья, они демонстрировали удивительную жизнеспособность.

Мартина привалилась к стене у входа и безучастно уставилась на мальчика. Потом расстегнула брюки и без тени смущения вставила самодельный ватный тампон. Старик сходил за башню и вернулся, раздраженно дергая заедавший зиппер на джинсах. Он видел то, к чему никак не мог привыкнуть. Может быть, к этому вообще нельзя привыкнуть?

Только что он стал свидетелем поспешного исхода мышей из башни. Зверьки бежали точно на юг, будто их серые тела были нанизаны на невидимый луч...

Клон извлек из рюкзака банку консервов и передал девушке. Та достала из-под полы большой универсальный нож и вскрыла банку сильными, почти злобными ударами.

Клон съел примерно половину. Со специями на консервной фабрике явно перестарались. Он запил соленое и острое мясо водой из пластиковой бутылки.

Старик вяло поковырялся в банке пальцами-сучками, стараясь не думать о том, кем были эти консервы раньше. Попискивали ли они, например...

Мартина ела без удовольствия и без отвращения – она просто восстанавливала силы. Она РАБОТАЛА даже тогда, когда сидела неподвижно или спала. Благодаря Мицару она в полной мере овладела искусством перераспределения энергии. Старику нравилось смотреть, как она бездумно облизывает свои остроконечные пальчики, особенно смертоносный указательный. Это было очень сексуально.

Когда она опустошила банку, старику отвернулся. Он встретил взгляд мерцающих глаз клона и почти мгновенно задремал. Его маразматическое кино на сегодня закончилось. Легчайшее дыхание не колебало даже волосков в ноздрях.

Девушка не насытилась, но и не жаловалась. Она заснула, не меняя позы, только руки засунула под пальто.

Малыш глядел на них обоих некоторое время с непостижимым выражением. Он не чувствовал себя уставшим. Он отдохнет после. А сейчас ему предстояло сделать кое-что важное. Извлечь информацию. Клон ненавидел соответствующую процедуру. Это было как... как переливание крови. Может быть, отчасти это напоминало и пересадку мозга.

До населенной зоны оставалось не более пятидесяти километров. Правительственный

сектор имел статус закрытого – это означало, что скорее всего у них возникнут трудности с проникновением.

Клон переместился к выходу из башни. Он сел на пороге, обратившись спиной к тусклым звездам Козерога и Водолея, а лицом – во мрачное, затхлое и замкнутое пространство, в котором находились старик и девушка.

Мицар тоже закрыл глаза. Он очутился в мире спящих. Он преодолел грань уязвимости. У него был ключ от нематериальной двери, за которой хранилась родовая память. Нечто неописуемое, но реальное, как само прошлое.

Работа мальчика отдаленно напоминала восстановление облика динозавров по их скелетам. К тому же чаще всего ему попадались неполные «скелеты». Нельзя было ручаться за абсолютную достоверность его реконструкций. Но всегда оставалось время, чтобы исправить возможную ошибку в новой реальности.

Медленно, будто в состоянии самогипноза, Мицар поднял руки. Ногти блестели в лунном свете, как панцири майских жуков. Он расстегнул горизонтальную змейку на капюшоне с тихим зудящим звуком. Из темной щели выбились пряди волос, похожих на пух. Что-то было под волосами на затылке – там, куда не заглядывала луна. Что-то худшее, чем кошмар. Лицо недоразвитого клона Алькора.

Во всяком случае, старик заскулил во сне. Лицо девушки жутко, разительно изменилось, будто внутри полой куклы внезапно образовался вакuum. Кожа туго облепила череп. Глазницы опустели. Под губами, ставшими тонкими, как папиросная бумага, можно было пересчитать передние зубы...

Клон примерял на себя ее спящее сознание – словно содрал кожу с руки и натягивал еще живую трепещущую перчатку, сплетенную из нервов, на холодный металлический протез.

Глава шестая

Молчи – овладеешь языком бессмертия.

Джалаледдин Руми

– ...Вылезай, радость моя! – нежно позвал ее Аристарх и дернул за антикварную никелированную цепочку от унитаза. Цепочка была соединена со строгим ошейником, на каждом из металлических звеньев которого имелся шип, отогнутый вовнутрь.

Застонав, она очнулась. Батьке надоело ждать. Шипы заново пропахали засохшую корку на шее, разодранной до крови.

Это заставило ее быть послушной девочкой.

Мартина вылезла из-под лавки трейлера, в котором безуспешно пыталась отоспаться четвертые сутки, на яркий солнечный свет. Выспаться ей не давали кошмары, учащенное сердцебиение и невероятная потенция Аристарха.

Девушка стала его вещью всего две недели назад, и вещь уже приобрела сильно потасканный вид.

Мартина скользнула по горячим металлическим ступенькам и больно ударились локтями об асфальт. Зажмурилась и услыхала, как кто-то заржал. Звякнула брошенная в нее пивная банка.

Вещь с трудом раздвинула слипающиеся веки. Прямо перед носом оказался заплеванный и размягченный солнцем тротуар. Она подняла голову. Стена полуразрушенного дома отбрасывала дырявую тень. Вдалъ тянулось железобетонное ущелье со ступенчатыми краями. Ущелье называлось «улица Героев Сталинграда». Это место было Мартине смутно знакомо. Передвижной командный пункт батьки находился тут с позавчерашнего дня.

Изнутри и снаружи трейлер был выкрашен в беспросветно черный цвет. На его антенне болтался столь же радикальный флаг анархии. Однако анархией в банде и не пахло. Аристарх был настоящим самодуром.

Из открытой двери ближайшего канна-бара ощутимо тянуло травкой. Но сегодня этот запах вызывал у девушки тошноту. По правде говоря, все вызывало у нее тошноту – даже собственные обрывочные мысли. Вокруг было полно волосатого потеющего мяса, обтянутого черной кожей и обвшанного горячим железом. Байки, похожие на стадо механических антилоп (в ее воображении возникла тусклая, как бы смазанная картинка из учебника исторической зоологии для третьего класса – рогатые четвероногие, пасущиеся где-то в африканском раю, воссозданном приверженцами Расти), сверкали никелем и ядовитой краской...

Мартина не понимала, для чего ее потревожили. Скорее всего хозяин просто захотел, чтобы она слегка поджарилась.

Повернув голову вправо, она увидела его тяжелые сапоги, линялые джинсы, красноречиво вздувшиеся спереди, голый бугристый живот и мощную мускулистую грудь, на которую мастер-косоплет нанес изысканный рисунок из полос надрезанной кожи. Справа – скрещенные серп и молот, слева – магический пентакль Соломона. Аристарх был ходячим шедевром боди-арта. Кое-кто по ту сторону Блокады мечтал набить из него чучело и выставить в музее. Мечты так и оставались мечтами...

Она предпочитала не смотреть на его рожу и ни в коем случае не заглядывать в глаза. Сочетание бульдожьей нижней части с верхней, позаимствованной у античного бога, создавало впечатление дичайшей дисгармонии. Последняя деталь – маленькие глазки, от которых не

ускользала ни одна мелочь. И взгляд. Как будто ничего особенного. Но через пару секунд Мартина начинала чувствовать себя неуютно. Через пять обнаруживала, что ее подташнивает, а через десять расслаблялись все мышцы ниже груди. В лучшем случае это означало слабость в ногах и ощущение ватной непослушной плоти. В худшем она могла испачкать нижнее белье. Впрочем, нижнего белья на ней уже не было.

Глазки Аристарха были бледно-голубыми, глубоко запавшими, а взгляд – почти ласковым. Взгляд домашнего врача, который досконально изучил ваше тело, ваши болезни, вашу физиологию и психологию. Взгляд доктора-извращенца, который лучше всех знает, как сделать вам больно. Как превратить эту боль в немыслимое, непереносимое страдание, а истязание плоти – в пытку для сознания.

Вот и сейчас она не могла заставить себя поднять взгляд выше складок на его подбородке, усыпанных обильными всходами рыжих волосков.

– Вперед, птенчики! – приказал батька. – Слушайтесь Головастика – он сегодня босс.

Он швырнул трубку сотового телефона мутанту с огромным лбом, похожему на гидроцефала. Однако тот продемонстрировал прекрасную координацию движений и соображал, видимо, тоже неплохо. Аристарх любил превращать все в какую-то паршивую игру. Но до сих пор ни разу не проигрывал.

Мотоциклы взревели, окутавшись сизым дымом, от которого саднило в горле. Из громкоговорителей, установленных на крыше трейлера, заглушила шум двух десятков мощных двигателей, грянул «Моторхэд». У батьки был свой пункттик – он обожал старую классическую бодягу вроде тех же «Моторхэд» или Мэрилин Мэнсона (а особенно любил прокатиться на байке под шумок и с ветерком). Песенка, звучавшая сейчас, называлась «Маршируя на войну». Это было, что называется, по теме.

Мартину не сразу осознала, что осталась с батькой наедине. Аристарховцы отправились на дело, прихватив с собой всех своих «дырок». С чего бы это? Она и в тени плохо соображала, а на солнце ей было трудно удержать даже самую примитивную мысль. Это не избавляло ее от постоянного чувства оскверненности – как будто безликий пожарник поливал ее нечистотами из брандспойта (явный комплимент члену и сперме батьки – она успела изучить эти гнилые фрейдистские штучки в начальной школе).

...Она все еще стояла на четвереньках, влипнув ладонями и коленями в податливый раскаленный асфальт. Из одежды на ней была только длинная и рваная мужская рубашка.

В этот момент затрещал другой сотовый. Аристарх пнул Мартины сапогом под ребра. Внутри ее тела оборвалось что-то, будто сваренные потроха перевернулись в кровавом бульоне. Она издала крякающий звук и повалилась на бок, безуспешно пытаясь вдохнуть или выдохнуть – лишь бы протолкнуть пробку, забитую в глотку.

Но если батька думал, что отключил ее, то он ошибался. Он сел на верхнюю ступеньку трейлера и поднес трубку к уху. Состоялся, что называется, конфиденциальный разговор. Аристарх буркнул «слушаю» и больше не произнес ни слова.

* * *

(Звуковой фон на пороге слышимости... В этом месте гипнотического транса клон сделал то, что он в шутку называл «стоп-кадром». Это была злая шутка. Мартине «снился» застывший студень, в котором остановились события и время. Бесплотный двойник клона отделился от ее сознания; он потерял доступ к зрительным образам и памяти. Зато он услышал голоса тысяч радиопризраков, которыми был переполнен эфир.

Ему удалось определить местоположение источника сигнала. Передача велась из закрытого правительственного сектора. Проникнуть дальше ему помешали фильтры и защитные поля, которые могли стереть его с такой же легкостью, с какой мощный электромагнитный импульс уничтожает информацию на металлизированной пленке. Вполне вероятно, что проснулся бы он уже идиотом. Если бы вообще проснулся... Клон предпочел не рисковать. Он вовремя вернулся, не обнаружив своего присутствия в системе.

В эту минуту сеанс едва не прервался. Мицар ощутил внешнюю угрозу, возникшую на другом уровне существования. Но это была не его забота. Легкая разминка для Алькора...

Малыш продолжал спать, переваривая пищу и восполняя затраты энергии.)

* * *

...Боль и отчаяние превратили ее в одномерное существо. Осталась только одна цель – убраться подальше от Аристарха и только одно направление – в тень, глубокую черную тень, отбрасываемую стеной. Наконец ее легкие судорожно затрепетали; она выплюнула загустевший сгусток слюны и крови. И поползла, извиваясь на асфальте, как раздавленный червяк.

Цепь натянулась... Шипы ошейника впились в горло... Мартину продолжала ползти. Ей казалось, что ее жалкая и обреченная на провал попытка спастись заняла целый час. Время чудовищно растянулось...

На самом деле Аристарх не обращал на нее внимания в течение двенадцати секунд. Ровно столько понадобилось ему, чтобы перезвонить Головастику и слово в слово повторить то, что он услышал от неизвестного работодателя. Он произнес:

– Шестнадцать ноль-ноль. Девяносто первый километр семнадцатого шоссе. Двадцать охранников. Свидетелей не оставлять.

Мартину ни черта не поняла. В этом тексте для нее было не больше смысла, чем в вороньем карканье... Она уже хрипела, полузадушенная, когда цепь, небрежно брошенная Аристархом на сиденье его байка, поползла вслед за нею, как никелированная змея. Сантиметры вязкого битума складывались в мертвый рельеф, который она изучила на ощупь, осознав губами и обожженной щекой. Тень была близко – она представлялась девушке пропастью, куда можно упасть в забытьи. Но исчезнуть ей не дали.

– Цып-цып-цып, – раздался позади нее голос Аристарха. – Одну минуточку! Куда же ты, моя славная? Папочка за тобой соскучился!..

Этот голос пригвоздил ее к месту. Затем она испытала принуждение уже где-то за пределами боли. Батька медленно подтянул ее к себе, наматывая цепь на руку. В другой его руке блеснул на солнце какой-то предмет, отдаленно похожий на очки. Но лишь отдаленно. Предмет был целиком сделан из платины и казался очень дорогим.

Аристарх вертел его на пальце, с добродушной улыбкой наблюдая за реакцией Мартиной. Он хотел убедиться в том, что она вспомнила все. Когда это произошло, ее зрачки расширились от животного ужаса. И уже не нужно было прилагать усилий...

Он расстегнул джинсы и вытащил на свет божий свой толстый помповик, украшенный татуировкой, которая наглядно демонстрировала пробуждение Кундалини. Изображение осталось незаконченным – у мастера явно не хватило времени на проработку деталей.

Мартину оказалась перед выбором, но на самом деле выбора не было.

Воронки болтались на пальце Аристарха в двадцати сантиметрах от ее лица.

Они были похожи на половинки глазных яблок, высушенные и стерилизованные солнцем, – все, что осталось от чужого растаявшего лица. Девушка могла различить даже маленькие

«зрачки», обращенные в душный мрак внутри трейлера. Зрачки, через которые заглядывают в жалящую слепоту. А если все будет продолжаться достаточно долго, то можно ощутить мучительную эрозию серого вещества...

Когда-то это уже случилось с нею. Или не с нею? С другой стервой?.. Она даже не пыталась вспомнить. В любом случае ответственность за эту неопределенность целиком лежала на мальчике.

До нее стало доходить, что Аристарх уже все решил. Она умрет сегодня; вполне возможно, до того, как вернутся его люди. Или же те затрахают ее до смерти. Закономерный конец, однако до сих пор она жила только настоящим. Понимание просачивалось в нее, минуя рассудок, подобно жидкому льду, сразу же застывавшему вокруг сердца. И вскоре оно оказалось заключено в ледяной панцирь. Если раньше Мартина испытывала ужас перед непрерывной и нескончаемой болью, то теперь ею овладел полновесный, убедительный, несомненный страх смерти.

Ее сознание неожиданно прояснилось. Оно даже оказалось способным родить черный юмор. «Знак доверия – вот что это было», – подумала она. Они остались вдвоем, и со стороны Аристарха это был знак доверия. Насколько она знала, такое случалось чрезвычайно редко. Она услышала разговор, из которого не поняла ни слова, но все равно подписала себе смертный приговор.

Сейчас она была Шехерезадой, рассказывающей языком и губами свою последнюю сказку. Эта сказка не могла быть слишком долгой. Девушке становилось безразлично все, кроме двух платиновых воронок. Она находилась в той стадии, когда тупо расстаются с любыми ощущениями. Сознание заполнял шлак; оно воспроизводило одно и то же, как склеенная в кольцо магнитная лента. Воля мальчика заставляла Мартина двигаться по кругу – от начала зависимости до сцены предельного унижения. Но это был лишь незначительный фрагмент ее сказки...

Тень промелькнула над нею и повисла слева, заслонив солнце. Она скорее догадалась о прикосновении твердого теплого предмета к коже над ухом, чем ощутила его. Покосившись, Мартина увидела рукоятку своего собственного пистолета, зажатую в лапе Аристарха. Батька поглаживал ее стволом – примерно так же, как ласкают собаку.

Девушка задрожала. Ей вдруг стало очень холодно. Прибытие на конечную станцию оказалось намного страшнее и хуже, чем ожидание. Все приобрело ужасающую многозначительность, будто в детстве. Небеса снова были бездонными, а грязь превратилась в бриллиантовые россыпи...

Мартина почувствовала, что Аристарх близок к оргазму, а сама она стремительно приближается к смерти. В тот момент, когда началось извержение, его палец сдвинул с места спусковой крючок. Она попыталась отшатнуться. Судорога пронзила желудок. Она стала корчиться, захлебываясь, но он крепко держал ее за волосы.

А потом ее время вышло. Она должна была умереть.

Но за мгновение до выстрела клон каким-то образом ЗАБРАЛ ее оттуда.

И значит, это тоже было «переселением».

* * *

Мир заново рождался из сумерек. Предметы обретали цвет и третье измерение. Они набухали, как весенние почки, и начинали отбрасывать тени. Башня ветряка, подпиравшая небо, протянула в направлении запада длинный черный палец. Указующий перст...

Едва забрезжил рассвет, руки Мицара, лежавшие на бедрах, дрогнули и медленно поползли вверх. Застегнули змейку на капюшоне. В ту же секунду клон открыл глаза. Переход от сна к бодрствованию был почти мгновенным. Мицар не зевал и не моргал, привыкая к бледному свету. Он поднял температуру тела, ускорил сердцебиение, бодро вскочил на короткие ножки и вышел отлить.

Погода не изменилась. Слабый западный ветер принес облака, но не пролилось ни капли дождя. Во все стороны тянулись унылые холмы. В пыльных наносах остались собачьи следы. Клон не обратил на них внимания. Кажется, ему пришлось уничтожить стаю... Все, что случилось около полуночи, было сном, да и тот приснился не ему. То был сон для его темной стороны; лучше, чтобы он там и оставался.

Клон был слегка разочарован. Мартина не оправдывала надежд и затрат энергии. Она не помогла ему. Ее роль оставалась пассивной и сводилась к медленному самоуничтожению. Не обязательно физическому. Она была глупой слабой сучкой. Все самое важное осталось за порогом ее восприятия. Она уделяла слишком много внимания собственной боли и позволила Аристарху раздавить себя. Впрочем, Мицар понимал, что мало кто был способен на большее.

До «встречи» с ним она была всего лишь жертвой, – чего же требовать от жертвы?.. Настроение Мицара постепенно улучшалось. Он с удовлетворением подумал о том, как сильно он изменил это жалкое существо. Теперь оно стало почти безупречным медиумом. Препарируя его воспоминания, клон извлекал из них то, о чем оно не подозревало. Например, информацию о человеке без имени и даже без достоверного голоса – голос в телефонной трубке наверняка был синтезирован. Аристарх тоже не знал этого человека в лицо, хотя и получал от него приказы. Мицар мог бы добраться и до Аристарха. Наверное, это было бы любопытно – все равно что исследовать помойную яму, – но явно преждевременно. Сначала нужно попасть в город и выяснить, что случилось с Мегрецом.

Клон подводил итоги.

Прошла еще одна ночь, а он все еще не обнаружил следов присутствия другого клона. Мегрец направлялся в город и почти наверняка достиг цели; Мицар ничем не отличался от него. Следовательно... «ПОЧТИ ничем», – подумал он. Невозможно забыть о жутком существе, похищающем половину времени и физических сил...

Вряд ли в городе станет легче. Шумное место, зловонное место... И все же мальчик зашагал на северо-запад, предоставляя медиумам возможность ползти следом. Клон знал, что будет в течение ближайших часов: бессмысленная гонка за укорачивающимися тенями, послеполуденная жара, затянувшийся отдых в тени...

Еще один шанс для глупой слабой сучки.

* * *

Старик открыл глаза и не сразу понял, где он находится. Теперь ему казалось, что он провел ночь в наглухо запертом шкафу, в который не просачивались даже обрывки сновидений. Или, лучше сказать, в холодильнике. Темном, отключенном от сети холодильнике, хранящем только один неистребимый запах – старости. Молью – вот кем был старик. Молью, умирающей в нафталине...

Неловко ступая затекшими ногами, он перешагнул через порог и внезапно остановился. Потом обернулся и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, на котором всю ночь просидел мальчик.

Там лежали жирные белые личинки. Они не были раздавлены, несмотря на то что

утрамбованная земля казалась очень твердой. Свет восходящего солнца действовал на них, как растекающаяся лужа раскаленного металла. Личинки съеживались, чернели и рассыпались в пыль...

Старик завороженно смотрел на высыхающие влажные пятна – отпечатки маленьких ягодиц мальчика. Личинки были только тут – и что это означало? Очередной бессмысленный фокус клона? А может быть, тот просто расширял круг своих странных увлечений?

Старик протянул руку к одной из личинок. Он вряд ли соображал, зачем делает это. Когда он нагнулся пониже, в глаза хлынула темнота, будто он погрузился в нефтяное озеро... Старик выпрямился и торопливо заковылял вокруг башни в поисках уединения. Иногда в нем просыпалась ложная стыдливость.

Он опорожнил мочевой пузырь возле желтеющего кустарника, чтобы хоть его влага не пропала даром.

...Две фигуры удалялись от него, двигаясь по безжизненной шахматной доске, расчерченной на квадраты межами заброшенных полей. Одна – стройная, как офицер, другая – маленькая, как пешка. Но то была ПРОХОДНАЯ пешка. И когда она дойдет до места назначения, кое для кого партия закончится. Старик не понимал, но предчувствовал это. Он был фигурой, предназначенней в жертву. Хорошо, если не напрасно. Вполне возможно, что люди из Святой земли были никудышными игроками...

По мере того как клон удалялся, тоскливо чувство усиливалось, превращаясь постепенно в физическое неудобство, а затем и в острую боль. «Что они со мной сделали?» – спросил старик у своей тени, а затем у неба. Он чуть не заплакал от боли.

Небо ответило ему всплеском слепящей голубизны и хрустальным звоном в пустоте...

* * *

(Неожиданно его память совершила прыжок в прошлое. Это был приятный, полезный каприз – как вспышка света в темной ванной, усыпанной битым стеклом, по которому надо прокрасться босиком.

Другая беседа с Низзамом. Когда-то Низзам изводил его своими дурацкими парадоксами. Да и происходило ли то на самом деле?.. Во всяком случае, он помнил декорации: оазис, окруженный песчаными дюнами; закат; неподвижные верблюды; неоновый свет над караван-сарам. И даже заунывное треньканье какого-то щипкового инструмента...

– Что это? – спросил Низзам с поддельным комическим испугом, указывая на жирную тень, которую старик топтал ногами. Тот знал, как надо отвечать.

- Это тень Демона.
- Всего одна?
- У Демона миллион теней. Самая большая накрывает Землю.
- Самая большая – это червяк, который жрет понемногу твой мозг.
- Нет, – сказал старик простодушно.
- Приложи ухо к голове – и услышишь очень тихий хруст.
- Чье ухо? К чьей голове?
- Твое ухо, твоя голова, глупый старик!..)

* * *

Он шел по следам клона и девушки, пока полуденное солнце не начало плавить ему макушку. Старику казалось, что он действительно слышит «очень тихий хруст»... А потом снова был привал, сон без сновидений в прохладе погреба, стоны девушки и ужасный взгляд из-под капюшона – к счастью, направленный мимо него.

Глава седьмая

*Ярость проникает глубоко в нас.
Это – эра видеонасилия.*

Лу Рид

...Рикша довез ее до пересечения Нейтральной с Ущельем и наотрез отказался топать дальше даже за двойную плату. Правильно, жизнь дороже. Получив монету, парень сразу же припустил в сторону Блокады, стуча подковами по булыжной мостовой. Здоровенный даун – но без оружия у него не было шансов.

Чтобы не привлекать к себе внимания, надо было двигаться. Мартина медленно шла по тротуару, и ночь окутывала ее влажной простыней. Прохлада и страх... Томительное ожидание... Ощущение опасности было острым и почти приятным, как секс на грани садомазохизма... Фонари горели лишь кое-где, обозначая входы в забегаловки. Выше второго этажа не было видно ни единого огня. Между островами света попадались участки, залитые чернильной тьмой.

Вскоре Мартина могла различить отдельные человеческие силуэты. Мелькали красноватые искры сигарет, дважды сверкнула бутылка и один раз – совсем рядом – белки чьих-то огромных выпученных глаз. Она услыхала шепот из подворотни – грязный, влекущий, угрожающий... Она и сама не понимала, зачем рискует. У нее были дурные предчувствия, и она смирилась с неизбежным. Что случается с безмозглыми бабочками, когда заканчивается их сезон? Она узнала это той же ночью.

Возле кабака Карлоса-Мухомора ее облапали патрульные. Идиоты. Она никогда не держала при себе оружия в пределах карантинного пояса. Если верить Кисте, а та была тертой сукой, опасаться следовало не прыщавых курсантов из ментовского лицея, а тайных агентов охранки.

Мартина оглянулась. Следили ли за нею? В темноте могло происходить все что угодно. Она свернула в знакомый проходной двор. Не очень благоразумно, зато «стерильность» гарантирована. Здесь пришлось пробираться на ощупь. Ее ладонь поглаживала кирпичи, вторая рука была выставлена вперед – на всякий случай. Иногда местные развлекались, делая больно курочкам вроде нее, – для этого достаточно стоять у стены и держать бритву на уровне лица. И все равно Мартине было гораздо интереснее здесь, чем на уроках в средней школе... Она споткнулась обо что-то мягкое, но массивное. Перешагнула через труп и с облегчением увидела впереди изломанный серый просвет.

Выход был забаррикадирован мусорными баками, однако девушка знала запасной маршрут – через дыру в заборе, автомобильный отстойник и кухню муниципальной столовой. Сейчас в столовой питались только крысы и тараканы. Когда под ее тяжелым ботинком что-то вкусно захрустело, Мартина зажгла миниатюрный фонарик. Тонкий луч выхватил из темноты разбегающихся зверьков. Отражения вспыхивали в зрачках, как звезды...

Она отодвинула решетку водостока и пошарила в подполе. Нащупала тяжелый сверток и вытащила из тайника любимые игрушки, тщательно завернутые в три слоя целлофана. Мартине повезло: несмотря на то что она была одной из самых молодых сук в банде, ей достались солидные железки. Пушка была крупнокалиберной, трофейной, с клеймом «Генералов», а нож взят из разгромленного оружейного магазина на Земской. Вот только на байк она себе еще не «заработала»...

Мартина сунула ствол за пояс, а нож – в рукав. Теперь достаточно было резко разогнуть

руку в локте, чтобы наборная рукоять скользнула в ладонь. Она тренировалась практически ежедневно и с завидным упорством.

Она задвинула решетку, подняла голову и ощутила сквозняк, которому неоткуда было взяться. Внутри тонкого светового шнуря плясала потревоженная пыль.

Одна крыса замерла, будто парализованная светом. Тварь была лысой и почти прозрачной. Внутри мутно-белого мешочка переливались внутренности.

Мартина помнила все, о чем назойливо таращел поп на своих уроках. Крысы – тоже Божьи создания, и она должна любить их. А если они – глюки, порождения Демона, то их не существует. Она знала, как следует относиться к отраве, льющейся в уши, прилипчивой мрази, обманывающей глаза, нюх и заставляющей осаждать неосаждаемое... Она протянула руку и прикоснулась к крысе.

Что-то было не так. Возможно, та была отравленной или больной. Или Мартине довелось увидеть крысу-имбэцила. При мысли о том, что очутилась в крысиной психушке, девушка улыбнулась. Она поднесла зверька поближе к лицу. Теперь крыса начала дергаться. Она скалила стеклянные зубы, царапала лапками воздух и обвила запястье Мартины гладким, чуть розоватым хвостом.

В этот момент Мартина поняла, в чем заключается несуразность. Луч фонаря, который она держала в другой руке, не преломлялся и не рассеивался, проходя сквозь жирную мутную плоть.

Она подбросила крысу в воздух, и та начала таять – с хвоста. Мартина схватила нож и ударила по ней, но к тому моменту, когда лезвие должно было рассечь тело крысы пополам, на траектории падения осталась одна голова. Потеряв равновесие, девушка шагнула вперед. Голова стукнулась об ее ботинок, покернела и прилипла к коже, стала наростом на носке в виде черепа без нижней челюсти; от него отделились два глазных яблока, укатившихся в темноту с металлическим дребезжанием.

Бросив взгляд на часы, Мартина заторопилась.

Через заднюю дверь кухни она выбралась в переулок, впадающий в Нейтральную, и оказалась в свободной зоне. Здесь не имел силы даже карантинный кодекс. Стопроцентная демократия. В самый раз для любительниц острых ощущений...

Переулок кончался тупиком. В том году Нейтральная разделяла зоны влияния аристарховцев и «Сук». Граница проходила точно по осевой. Мартина находилась на своей территории.

В переулке было темно, будто внутри зарытого гроба. На небе – ни одной звезды. Мартине это показалось странным, но не более чем многое другое. В утробе майской ночи раздавались полупереваренные звуки.

Девушка завернула за угол и увидела далекий красный фонарь под навесом канна-бара «Чертово колесо». Сквозь щели металлических жалюзи пробивался мерцающий свет. Внутри бара кто-то истошно орал под пыткой.

Сегодня «Суки» праздновали захват заложника. И, значит, пахло большой разборкой. Еще не поздно было смыться. Но у Мартины никогда не хватало сил сопротивляться искушениям.

На тротуаре перед баром стояла дюжина байков и два джипа, один из которых принадлежал Плаценте – роскошная тачка с наворотами и фальшивыми номерами, угнанная из гаража какого-то миддла. Тут же вертелись десятилетние щенки, торговавшие собой и планом вразнос.

Мартина нырнула в подворотню за пятьдесят метров от бара и зашла с черного хода, как обычно ходили свои. Возле двери скорчился безногий нищий. При появлении девушки он переместился поближе к ступенькам. Его голова в струпьях оказалась на уровне ее развилки. Он захихикал и высунул неправдоподобно длинный язык. Колебательные движения кончика напоминали трепыхание крыльышек колибри. О колибри она знала из учебного фильма.

– Это будет стоить тебе всего гривенник, дорогуша, – прошамкал нищий.

Мартина приготовилась пнуть его под дых ботинком с металлическим кантом. Безногий предусмотрительно и резво отодвинулся.

Она постучала в запертую дверь. Открылось окошечко, в которое с трудом можно было просунуть руку. Драная тридцатилетняя кошка по кличке Киста уставилась на Мартину подведенными глазами.

– Подайте жертве Джихада!.. – заблеял нищий с панели.

– Пошел в задницу! – рявкнула Киста. – С таким прибором – и без капусты?! У тебя ж член до земли достает!

– Чтоб ты забеременела от своего большого пальца! – заорал калека, убираясь подальше и активно работая колодками.

– Привет, сука! – сказала Мартина. – Открывай. Тут не жарко.

– Шевели жопой! – огрызнулась Киста и загремела засовами.

Все это была декорация для лохов. Из бара имелось еще два «аварийных» выхода – на случай неотразимого наезда. До сих пор ими ни разу не пользовались.

Мартина миновала предбанник, в котором стояло кресло-качалка и мерцал десятидюймовый экранчик – Киста смотрела «Лебединое озеро» в постановке труппы трансвеститов по кабельному каналу, – и сразу попала в заднюю комнату бара.

Тут «Суки» забавлялись с Кровяником – одним из лейтенантов Аристарха. Тот уже не орал, а задушенно хрюпал. Мартина засмеялась. Ей нравился угар. Атмосфера была наэлектризована до предела. Даже безжалостно яркий свет голой стоячной лампы действовал возбуждающе. В соседнем помещении гремел улетный рок.

По здешним меркам забава оказалась утонченной. Кровяник в одежде новорожденного был распят на бильярдном столе. Перед ним вертелась голая Ветла – бывшая центровая из публичного дома «На Рымарской», – изредка надавливая на его чувствительные места каблуками, а еще две девки охаживали его распухшие и кровоточащие телеса мокрыми кожаными ремешками. Лейтенанту светила по меньшей мере импотенция. Сама Плацента нежно держала Кровянику за голову и ласкала своими треугольными накладными когтями, которыми можно было вспороть живот рыбе, – следила за тем, чтобы мужик не закрывал глазки и не закатывал зрачки. Судя по его виду, экзекуция продолжалась достаточно долго.

Вокруг стола топтались под музыку еще с десяток полураздетых телок. Некоторые целовались взасос. Почти каждая была при оружии.

– Всем сукам привет! – сказала Мартина и направилась к столику, заставленному стаканами и пивными банками. Ветла показала ей средний палец, не переставая вертеть задом над потеющим Кровяником. Плацента посмотрела мутными, налитыми кровью глазами. Она отличалась тяжеловесной красотой, сангвеническим темпераментом и прославилась тем, что откусывала котятам головы, а мальчикам – головки. Первое – на спор; второе – для собственного удовольствия.

– Смотри, сосулька, – то ли предложила, то ли пригрозила Плацента. – Пропустишь самое интересное!..

Мартина была здесь одной из немногих «натуралок» и потому не пользовалась всеобщей популярностью. Две трети банды составляли лесбиянки; фанатичных феминисток было еще больше. Мартину вся эта половая хреня мало волновала. Главное, чтобы жить было весело. В своем квартале и школе для миддов она подыхала от скуки.

Пиво оказалось теплым и пенным, как дермо из огнетушителя. Мартина захватила с собой пару доз «пурги» в растворимых пленках, но решила потерпеть до утра, когда все суки поголовно начнут валиться с копыт от усталости. Кровяник интересовал ее не больше чем

болонка, угодившая на живодерню. Она жаждала настоящей потехи: рано или поздно Плацента захочется «покататься».

Но увидеть «самое интересное» в тот вечер Мартине так и не довелось.

* * *

Она поняла, что случилось непоправимое, когда Ветла внезапно перестала двигаться и округлила глаза. Кровяник злорадно заржал – громко и от души, как смеются в последний раз. Плацента среагировала мгновенно – ее рука дернулась к поясу. Со своей позиции, да еще сквозь сизый дымок, Мартина могла разглядеть немногое, но увидела достаточно, чтобы испугаться.

В соседнем помещении, где обслуживали клиентов, сидела молодая тощая сучка в кожаном прикиде и болтала с Бибиком – ди-джеем из «Цитрона», которого здесь терпели из-за голубизны и хороших манер. Девка вела себя раскованно. Судя по всему, оба уже успели вмазаться.

Мартина узнала себя не сразу. Появление глюка застало ее врасплох.

Она слыхала о таких вещах, но впервые с нее самой «сняли кальку». Искать живого сканера было некогда, да и незачем. Скорее всего им был Кровяник. Времени на то, чтобы прикончить его, все равно не осталось. И ничто не могло изменить ее участи. Она внезапно вспомнила о крысе-глюке. Если даже Мозгокрут играет на стороне Аристарха, то помоги Бог всем сучкам! Она явно ошиблась, выбирая команду.

Каковы будут действия «Сук», Мартина знала точно. Отличить прототип от копии невозможно; глюк наращивает абсолютно идентичную плоть. В подобных случаях единственный надежный способ избежать фатальной ошибки – это убить обоих.

Мартине не хотелось подыхать в цветущем возрасте. Но она отдавала себе отчет в том, что для Плаценты это будет небольшой потерей. Поэтому она нырнула под стол раньше, чем рыло сорок пятого повернулось в ее сторону. В тот же момент глюк взорвался. Взрывчатое вещество составляло чуть ли не половину массы его тела.

Тушка Бибика отправилась прямиком на небеса, но долетела только до второго этажа и частично застряла в перекрытии. Мощный взрыв потряс здание. Ударная волна вышибла перегородку и зашвырнула в заднюю комнату половину стойки, десяток бутылок и чью-то голову. Ветла, нашпигованная стеклянной шрапнелью, завизжала и рухнула на бильярдный стол поверх Кровяника. Свет вспыхнул ярче полицейского прожектора и погас. Наступил дымный пыльный ад.

Мартина не задело осколками; столик стал на дыбы и прижал ее к стене, послужив щитом; в результате удара дюралевой плоскостью у нее были расквашены нос и губы. Оглушенная, она сползла на пол, очутившись в ненадежном укрытии. На зубах скрипела осыпавшаяся крошка. В темноте страшно кричала Ветла. Загремели частые выстрелы – Мартине показалось, где-то далеко, на самом же деле рядом. Потом кто-то забросил в бар осветительную шашку.

Из своей щели Мартина видела покосившийся пол и наклонившиеся стены.

Все предметы плыли у нее перед глазами, словно отбросы по реке. Довольно блевотное впечатление, особенно когда обнаруживаешь, что «отбросы» еще живые и пытаются плавать. Некоторые без рук, другие без ног, третьи с вывалившимися кишками. У Плаценты, например, была отрезана правая грудь, а вместо оторванной нижней челюсти свисал язык, казавшийся серым и огромным. Королева Марго, державшая бар, сидела у стены и плакала кровавыми слезами. Причиной было бутылочное горлышко, торчавшее в глазнице, словно окуляр. Кровяник корчился в агонии – его основательно порвало при взрыве.

Мартина ошелело водила глазами по сторонам. Все они, тупые суки, попали в

примитивную ловушку. Осталось только выяснить в чью. Если бы она была постарше и поопытнее, то без труда узнала бы «почерк» Аристарха.

Однако она не понимала даже, каковы могут быть последствия. Она ни разу не попадала в крутую переделку. Голова трещала, как сущеная тыква под давлением. Тело налилось свинцом, а бедра и колени горели, будто кто-то прошелся по ним шлифовальным кругом...

Но существовал вполне доступный способ взбодриться. Она пошевелила правой рукой и убедилась в том, что рука в порядке. Ногтем большого пальца отодрала от левого предплечья имитацию татуировки в виде мохнатого мотылька и прилепила пленку к пересохшему языку. Пожевала, чтобы выделилась слюна. Ощутила кисловатый привкус. Всего через пару минут «пурга» начала действовать.

Перед глазами замелькал разноцветный снег. Лежа под сломанным столом, Мартина беззвучно засмеялась. Вокруг продолжалось трехмерное кино – слегка замедленное, что позволяло рассмотреть персонажей во всех подробностях и создавало иллюзию безопасности.

Уцелевшие «Суки» отстреливались, укрывшись за морозильными камерами, но у них не было шансов. В результате взрыва образовался провал в наружной стене. Через него в бар ворвался охваченный огнем мотоцикл с полным баком.

Этот сыплющий искрами болид привел Мартину в восторг. Прогремел новый взрыв – она услышала майский гром. В заднюю комнату ввалилась горящая и вопящая фигура – это Глюкоза исполнила последний в своей жизни стриптиз. Когда еще три суки сгорели заживо, остальные начали сдаваться.

Труднее всего было выкуриТЬ Кисту из ее бетонного аппендиекса. Лебедка «джипа» проломила заднюю дверь бара. Бампер прижал Кисту к стене и раздробил ей оба колена. Несмотря на болевой шок, она еще успела повернуться и расстрелять сидящих на переднем сиденье. Потом потеряла сознание.

Марго тоже была упрямой сукой. Мысль о том, что она лишилась не только глаза, но и своей забегаловки, оказалась трудноперевариваемой. Разъяренная стодвадцатикилограммовая баба проползла пару метров на четвереньках и схватила валявшийся на полу винтовочный обрез.

Мартина давилась со смеху, будто смотрела комедию, – до болезненных колик в животе. Обрез в лапах Королевы выглядел миниатюрной игрушкой. Мартина хотела позвать Марго на помощь, потом передумала. Та была обречена, а у нее еще оставался шанс отлежаться в своей щели. Во всяком случае, так ей казалось...

Какой-то нетерпеливый сосунок с двумя пистолетами возник на пороге. Марго всадила ему пулю в живот с такой быстротой, что тот не успел удивиться. Мальчишку выбросило наружу. Толстушка с трудом поднялась на ноги и направилась в глубь бара.

Ядовитый дым от горящего пластика застилал место бойни. Марго смахивала на огромного зверя, заблудившегося в тумане. Точнее, на розовую свинью, топтавшуюся по битому стеклу и производившую слишком много шума. И мясник не замедлил появиться.

Именно тогда Мартина впервые увидела Аристарха, о котором слышала предостаточно. Тот зашел с тыла – могучий мужик с бульдожьей мордой, голый по пояс, но казавшийся одетым из-за узловатой мускулатуры. Кроме того, торс и руки этой бритой гориллы были покрыты густой вязью «резьбы». На груди болталось ожерелье из человеческих зубов, большей частью пораженных кариесом. Собственных зубов у Аристарха катастрофически не хватало – особенно справа, и все оставшиеся съехали набок, будто застигнутые в падении костяшки домино.

Марго начала разворачиваться, но сделала это слишком поздно. По сравнению с мясником она выглядела неуклюже и явно проигрывала тому в скорости. Генетическое недоразумение уже находилось в шести шагах от нее...

Аристарх держал в руках двустволку, больше похожую на сдвоенный гранатомет. Что-то

экзотическое. Эксклюзивная модель. Чудовищный калибр для стрельбы в упор. Бесполезная штука на расстоянии свыше тридцати метров, однако Аристарх и не считал ее серьезным оружием. Это было его наглядное пособие, которое он применял исключительно в воспитательных целях.

Марго так и не успела вынести ствол на линию огня.

– Сюрприз! – объявили ухмыляющийся «бульдог» и спустил оба курка.

Мартину стала свидетельницей того, что случается с человеком, в которого попадает заряд картечи из двустволки Аристарха. Эффект был такой, словно с Марго сдуло кожу. Она превратилась в парящее облако фарша. Все вокруг было заброшено каплями крови и кусочками мяса. Потом желеобразная масса, оставшаяся от самой толстой суки во всей округе, с влажным звуком шлепнулась на пол.

Мартина почувствовала, что ее вот-вот вывернет. Дым выедал глаза и абразивной крошкой застревал в горле... Ей оставалось продержаться всего несколько минут – до ухода аристарховцев или до контрольного выстрела в голову. Был еще третий вариант, самый неприятный: смерть от удушья.

Сквозь заносы «пурги» все казалось призрачным, отстраненным и в то же время увлекательным. Человеческая суeta, нелепый танец холодных механизмов среди космического льда, затянувшего землю. На существах и предметах лежал мистический фиолетовый отсвет. Боль отдалась и превращалась в острые стеклянные скалы и развалины пирамид на горизонте – не представляющие никакого вреда, если не приближаться. Мартина и не собиралась приближаться к ним еще несколько часов. Ей было хорошо в наполненной дымом норе. Даже смерть выглядела какой-то театральной, ненастоящей. Как и жизнь. Это придавало существованию почти невыносимую легкость...

– Кто это у нас тут? Иди ко мне, цыпленочек! – вкрадчиво позвал Аристарх.

Мартина сжалась, испытывая огромное желание исчезнуть, провалиться в темный подвал, но оказалось, что обнаружили пока не ее. Батька выволок из-под обитой металлом стойки почти не пострадавшую Милку.

Та была еще моложе Мартины, но занимала в иерархии банды куда более высокое положение – по причине того, что к ней благоволила Плацента. Главная сука обожала таких пухлых голубоглазых крошек с золотистыми кудрями и ангельскими ротиками, вмещавшими не больше полной чайной ложки матерных слов.

Вечеринка продолжалась при свете пламени пожара и в скрещенных лучах фар. Веселье разгоралось по новой. Из шарабана с аккумуляторным питанием доносился рев «Цапа Видбувайло», который жаловался на то, что его «баба появилась слишком поздно, когда толпа легавых перекрыла кислород». Никто не пролил над трупом Кровянику скупой мужской слезы.

Пока люди Батьки по очереди совершали заходы на Милку, Аристарх пополнял свою коллекцию зубов новыми экземплярами. Из верхней челюсти Плаценты он щипцами выдрал клык на память.

Аристарх действовал методично, как всякий настоящий маньяк. Он исследовал все трупы по очереди и даже части тел. Ничто не могло отвлечь его от любимой работы...

Мартина охватывала отвратительная слабость. Шансов на то, что Батька ее пропустит, не было.

И он ее не пропустил.

Аристарх приподнял дешевое дюралевое надгробие.

Он ничего не говорил. Он просто улыбался, не прекращая жевать. От его улыбки и патологического взгляда Мартину пробирал озноб. Она ощутила гипнотическую силу чужого безумия.

У Плаценты тоже было не все в порядке с головой, но до Аристарха ей было далеко. Во всяком случае, она не хрустела отрезанными ушами, как будто это были свежеподжаренные тосты.

Батька рывком поставил Мартину на ноги. Девушке все еще казалось, что ее голова болтается где-то в разреженных слоях атмосферы, а руки свисают до земли. Она пыталась схватить оружие этими слишком длинными и тяжелыми руками, но Аристарх мгновенно пресек жалкие попытки обороняться. Он врезался своим античным лбом в ее переносицу, и она завизжала от боли. Ей показалось, что одновременно с хрустящим звуком лопнули глаза.

Через секунду визг захлебнулся. Аристарх припал огромными жирными губами к ее лицу и принял сасать кровь, хлынувшую из разбитого носа...

Она чувствовала себя так, будто погрузилась в болото гниющего мусора. Или как если бы кто-то напялил на нее маску противогаза, только что снятую с двухнедельного трупа. Ее желудок отчаянно трепыхался, словно рыба, пожираемая изнутри ленточным червем, и начал выворачиваться наизнанку...

Аристарха это нисколько не смущило. Он жадно облизал ее, а она поняла, что запомнит прикосновение этих чавкающих губ-присосок на всю оставшуюся жизнь и вряд ли когда-нибудь снова почувствует себя чистой. Слюна психопата казалась несмыываемой, эта едкая жидкость проникала в поры кожи, въедалась в слизистую оболочку, стекала под низко вырезанный кожаный жилет и холодеющей липкой струйкой пробиралась между грудей...

На фоне этого было почти незаметно то, что он проделывал с ее руками. Мартина осталась без оружия; хуже того – она осталась голой, потому что Аристарх распорол на ней одежду ее же ножом. От холода она покрылась гусиной кожей, приобретавшей мертвенно-серый оттенок, и теперь сильно напоминала ощипанную остывающую курицу...

Батька скептически оглядел ее, потом поручил заботам какого-то педика из числа самых младших по кличке Буква Гэ, а сам отправился в темный дымящийся бар, чтобы закончить свои дела.

Буква Гэ пристроился сзади и заставил ее нагнуться. «Стой так, я все уложу», – глумливо прошептал он ей в самое ухо, после чего начал насиливать ее стволом револьвера. Судя по всему, единственным чувством, которое она в нем возбуждала, была ненависть.

Вскоре у нее открылось кровотечение, но жаловаться было бессмысленно и еще вреднее для здоровья. Она молча корчилась в углу, пока ее внутренности терзал холодный твердый предмет, и впервые в жизни молилась о том, чтобы ее обошло стороной чужое внимание. Ей повезло, что Милка приняла на себя главный удар...

Тем временем люди Аристарха занялись сколачиванием «сучьего креста» из обломков стойки. Мартина охватило тупое оцепенение. «Пурга» должна была взбодрить ее на ближайшие пару часов, но теперь энергия иссякла, как вода, вытекшая из опрокинутой бутылки. Она не знала, для кого предназначен крест. Кандидатов было всего двое. Следовало признать, что Милка имела значительно больше шансов дожить до рассвета. На мужиков ее имидж порочного ангелочка действовал безотказно. Вдобавок эта сука умудрялась при любых обстоятельствах получать удовольствие.

Аристарх вернулся, похрустывая печеньем, наклонился над Милкой, лежавшей на столе, и поцеловал ее поочередно в оба глаза. «Хорошенькие голубые глазки!..» – просююкал Буква Гэ, и все заржали. Батька принял с чувством декламировать дурацкую детскую считалочку. Его

толстый, испачканный в крови палец тыкал то в Милку, то в Мартину. Происходящее весьма напоминало беспредел в школе для умственно отсталых. Но надежды на то, что появятся большие дяди и разберутся со всеми расшалившимися приурками, не было.

Кому не повезло на сей раз, Мартина поняла после мучительно долгой паузы. Палец Аристарха завис неподвижно. Милка отчаянно завизжала и забилась в грязных лапах. Бесполезно. Два здоровенных кретина швырнули ее на крест и начали приматывать к нему липкой упаковочной лентой. Зафиксировали руки, ноги, шею; наложили тугую повязку вокруг головы, не обращая внимания на густые золотистые кудряшки. Потом заклеили рот, чтобы жертва не верещала. Через минуту та оказалась спеленутой, будто мотылек в своем коконе. Теперь она стонала, выпучив глаза. Из носа брызгали сопли, когда Милка судорожно выдыхала...

Кто-то притащил снаружи богато инкрустированный ящик из черного дерева размером с коробку для сигар и канистру с надписью «Осторожно! Концентрированная серная кислота». Мартина, которую раздирала пополам боль в пау, все же наблюдала за происходящим с каким-то извращенным любопытством. Не моргая... Близость смерти завораживала – тем более что это была и ее смерть. Не каждому удается присутствовать на репетиции.

Батька открыл ящик. Его люди, усталые и довольные, столпились вокруг, тяжело дыша и распространяя кислый запах пота. В углублении зеленого бархата покоился их фетиш. Даже Буква Гэ перестал двигать револьвером. Мартина невольно вытянула шею. Тогда она впервые увидела любимый пыточный инструмент Аристарха.

Издали предмет напоминал какую-то деталь. У него был тусклый металлический блеск. Серебро? Сталь? Платина. Только плата имела специфический бледный отлив. Вблизи инструмент был похож на нелепые очки. А еще на штампованный лифчик для древнеиндийской статуэтки...

Мартина душило что-то, пока она рассматривала две воронки, соединенные дугообразной перемычкой. Отверстия в узких частях воронок были совсем крохотными. Аристарх любовно прочистил их иголкой, хранившейся в том же ящике.

«Я иду к тебе, куколка, – заблеял Батька. – Я иду к тебе, любовь моя!..» Он склонился над Милкой и опустил воронки ей на глаза, воспалившиеся до красноты и чудовищно выпущенные. Мартина видела, что та пытается дернуться, но не может даже шевельнуть головой. Она подумала, что предпочла бы задохнуться, прежде чем...

Аристарх вдруг вспомнил о ней. Не оборачиваясь, он схватил Мартина за нижнюю челюсть и подтянул к себе. «Я сделал то же самое со своей шлюхой-мамашей», – зачем-то сообщил он ей достаточно дружелюбно, будто поверял семейную тайну. Слезы уже прожигали ей веки, будто кислота...

Между отверстиями воронок и глазными яблоками Милки оставался небольшой просвет, и сбоку можно было видеть, как образуется жидккая линза, а затем набухает и срывается капля... На роже Аристарха появилось такое же выражение, какое бывает на лице ребенка, наблюдающего за мухой, которой он только что оторвал крыльшки. Он открыл канистру и осторожно налил кислоту в обе воронки. После этого прилег рядом с жертвой. Его люди заревели гимн банды, в котором практически не было печатных слов.

Судороги пробежали по спеленутому телу – настолько сильные, что затрещал наспех сколоченный крест. Носовые звуки перешли в непрерывный вой умирающего от голода слепого котенка...

– Кап! – сказал Аристарх с искренним восторгом.

Как только он произнес это, первая капля кислоты упала на широко открытый от ужаса глаз Милки. Мартина почувствовала, что вот-вот провалится в черноту. Ее стошило, но блевать

было нечем.

Потом, когда она увидела слабенький дымок, поднимающийся из-под воронок, она все-таки отключилась.

Глава восьмая

*Ничто не реально, кроме девушки.
Ничто не реально, кроме меня.*

Группа «Блонди»

«Я сотру тебя, детка!» – подумал Мицар с холодным неудовольствием. Он никогда не испытывал сильных эмоций, но ему осточертело плохое кино. Сеанс продолжался слишком долго и требовал огромных затрат витальной энергии, а он все еще не нашел то, что требовалось. «Дай мне ключ. Дай мне хотя бы намек, тупица, и мы сможем двигаться дальше...» Его захлестывали волны ее жалоб, ее бессмысленного и бесполезного ужаса. Еще немного – и ему придется подыскивать себе другого медиума.

И все же он предчувствовал, что она мельком видела «ключ»; информация о Мегреце хранилась где-то в ее подсознании, а он пытался выудить дохлую рыбку из абсолютно темной ямы. «Я помогу тебе, животное, – решил он спустя несколько минут. – Помогу в последний раз. Не вздумай благодарить меня – ведь даже я не знаю, что ОН с тобой сделает...»

Мальчик напрягся, совершил над собой значительное усилие, чтобы снова сдвинуть с места застывшие в прошлом фигуры. Почти одновременно он почувствовал, как активизируется мозг сиамского близнеца. После окончательного пробуждения «брата» поток, транслируемый медиумом, претерпел сильнейшие искажения.

В определенный момент Мицар поймал себя на том, что его собственное восприятие стало бесполезным. Все органы чувств лгали. Ему оставалось только отключиться. Он пока еще дорожил своим рассудком...

Клон Алькор начал действовать. Он был настолько силен, что во время сеанса ему не требовался физический покой. Он извлекал информацию независимо от состояния медиума. Он проделывал это с бодрствующими так же легко, как и со спящими. Правда, он редко оставлял после себя материал, пригодный для дальнейшего использования...

Девушка закричала, уставившись перед собой невидящим взглядом.

* * *

...Мартина очнулась от того, что кто-то зубами вырвал кусок ее правой щеки. Она рванулась, но плоть уже успела испариться. Сквозь ошеломляющую боль пробился запах горелого мяса.

Никто и не думал кусаться. Ухмыляющийся урод отнял от ее лица клеймо, на котором обугливались кусочки кожи. От раскаленного металла шел тошнотворный дымок...

Мартина почувствовала себя уничтоженной. Казалось, что справа обнажился череп и в дыре пылает газовая горелка. И все же она предпочла бы, чтобы ее клеймили по всему телу, лишь бы не оказаться на «сучьем кресте» с воронками Аристарха на переносице.

Вспоминания нахлынули немедленно; она помнила практически все до того момента, когда ее саму положили на крест. Она должна была разделить участь Милки. Липкая лента, воронки, кислота, судороги...

Впрочем, этого не случилось. Мартина потеряла сознание и пришла в себя на голом асфальтовом дворе. Рядом с нею пыпал костер, разведенный в мангале. Где-то поблизости

вертолетные лопасти месили воздух, и пыль пополам с песком летела ей в глаза. Затуманенным от слез взглядом она посмотрела вокруг. Увидела темную рамку стены, очертившую небо, сторожевые вышки с прожекторами и пулеметами и внезапно вспомнила, где находится. Более того, она вспомнила, зачем она здесь. Вероятно, ей снился сон, но даже во сне присутствовал сводящий с ума эффект дежа вю. И вдобавок слепило безжалостное солнце...

Это место называлось «Главная усадьба». За спиной возвышался замок помещика Вольдемара Подсохи. Здесь все принадлежало ему – кроме людей Аристарха, их мотоциклов и пленных сук. У Мартиной были основания опасаться того, что в отношении нее все может очень скоро измениться.

Вертолет, поднявший пылевую бурю, наконец взлетел и взял курс на запад. Это был транспортный «Ми-12» с правительственные опознавательными знаками. Груз на посадочной площадке представлял собой ящики, по внешнему виду ничем не отличающиеся от тех, в которых обычно хранят и перевозят автоматическое оружие. Это могло навести на размышления, если бы Мартина сохранила способность думать о чем-либо, кроме своего жалкого положения.

Еще через минуту она обнаружила себя стоящей в неровном ряду клейменых рабынь, голой, если не считать ошейника, и до сих пор зрячей – в отличие от большинства сук, находившихся рядом. Цепь тянулась от ошейника к длинной коновязи. Мартина слегка повернула голову, и это было примерно то же самое, что вертеть заржавевший кран.

Милка стояла справа от нее – ужасающая карикатура на ангелочка с выжженными глазницами. Оказывается, уцелели еще две суки, застигнутые врасплох на стоянке возле каннабара, – Смола и Пещера. Первая – мощная баба с примесью черной крови, вторая – жирная, коротконогая, чем-то похожая на жабу. Обе были ослеплены любимой игрушкой Аристарха. Свежие клейма розовели на щеках.

Мартина начала мелко дрожать. Не потому, что замерзла, – было довольно жарко. Она дрожала при мысли, что у нее еще все впереди. Колени подогнулись. Она бы хлопнулась в обморок, если бы не смертельная боязнь вызвать раздражение Аристарха. У нее не было иллюзий. Она попала на рынок и знала, что за редчайшим исключением отсюда возвращаются только те, кто продает или покупает.

Гул вертолетных турбин затих в отдалении; наступила гнетущая деревенская тишина – не отсутствие отдельных звуков, а отсутствие постоянного фона. В этот момент Мартина почувствовала, как сильно меняется ее отношение к происходящему. Ее охватило безразличие ко всему, включая собственную судьбу. Появилась дурацкая уверенность в том, что ничего окончательно плохого случиться не может. Это было бы легче объяснить, если бы она верила в разную поповскую чушь вроде души. С нею приключилась пугающая вещь – она отделилась от своего изуродованного тела. Было очень похоже на то, что кто-то быстренько вынул из нее эту самую «душу» и отправил на орбиту вокруг дрожащего куска мяса, поддерживаемого костями скелета. Но кусок мяса имел органы чувств – и возникло непередаваемое ощущение, что ими воспользовался посторонний.

Мартина впервые испытала отчаяние слепого существа, связанного с неким зловещим поводырем жгутом нервных волокон. Только вскоре этот «поводырь» немыслимым образом оказался внутри нее.

Шизоидный двойник интересовался чем угодно, кроме сохранности оболочки. Вторая, чужая сеть накрыла мозг, и посторонний метался там, как дикий кот. Глаза Мартиной бешено вращались, и при этом независимо друг от друга. Запахи, цвета, звуки вдруг приобрели ошеломляющую интенсивность и миллионы оттенков – столь же легко различимых, как цифры, написанные на бумаге...

Потом дрожь прошла. Девушка похолодела, будто рептилия на закате солнца. Она смотрела, слушала и вынюхивала воздух, различая самые ничтожные мелочи.

* * *

Замок был окружен противотанковым рвом. Мост представлял собой сварную стальную плиту, опускавшуюся на дно. Внутренний берег рва переходил в бетонированный склон высотой около пяти метров с размещенными на нем долговременными огневыми точками. Огромная голая равнина перед замком была разделена на сектора и сегменты заборами из колючей проволоки, между которыми имелись узкие проходы, оборудованные скрытыми ловушками. Все это безжизненное пространство простреливалось пулеметами с вышек и больше напоминало концентрационный лагерь или военную часть, какими их показывали в старых фильмах, чем ферму.

За границей оборонительных сооружений начинались обширные поля, на которых по шестнадцать часов в сутки вкалывали дауны, ни на что другое в этой жизни, по мнению хозяина, не способные. Но сельское хозяйство и селекция были второстепенными увлечениями Подсохи. Основное «производство» целиком размещалось в разветвленных многоярусных ката комбах под главным зданием.

Мартина посмотрела в другую сторону. На этот раз она сумела повернуть голову, не обращая внимания на шипы ошейника, вонзавшиеся в кожу. Она с трудом узнала фургон-скотовоз, на котором доставлялся живой товар. На пологом склоне была оборудована специальная стоянка, огороженная металлической сеткой. Там же она увидела и аристарховцев – всего около десяти человек во главе с батькой – и членов других банд, съехавшихся на ежемесячный базар. Особо выделялись яркой раскраской педики с Основы, называвшие себя «Нежными», и ряженые в багровые балахоны клоуны из Национального Фронта. Имело место кратковременное перемирие с туманной целью «пополнения ресурсов». Почти все сосали пиво и гоняли по двору подносивших продукт крестьянок.

Где-то внутри замка ударил гонг.

На базарной площади появился Подсоха, одетый в ослепительно белый халат с шитыми золотом погонами. На поясе у него болтался «сони-уокмен». Из наушников тощей струйкой истекали песни Шуберта. На чалме сиял полумесяц; пальцами помешник перебирал нефритовые четки. Тонкогубым лицом он больше всего смахивал на немца. Бесцветные змеиные глазки прятались за стеклами пенсне.

Подсоха никогда не улыбался. Он не был психом, ни разу в жизни не вышел из себя и не убил лично ни одного человека. Поэтому его могущество и не снилось таким, как Аристарх. Мартина открыла для себя, что человек может воплощать в себе жесточайший порядок пострашнее хаоса. Болезнь, которую позже назовут «манией фараонов».

Вольдемар медленно спускался по ступенькам. Следом появилась его царственная супруга Оксана в сопровождении своих евнухов-телохранителей. Чуть позади семенил мавр Раззам – главный у Подсохи по кадровым вопросам.

Появляясь на базарной площади, помешник рисковал меньше, чем могло показаться. В окнах и на крыше «Главной усадьбы» торчали снайперы, которые могли перещелкать «диких» в течение нескольких секунд. Среди тех нередко попадались придуры, но самоубийц, как ни странно, не было.

Подсоха остановился на нижней ступени бетонной лестницы, мельком взглянул на шеренгу голых клейменых баб и развел руками.

— Аристарх, ты больной, мать твою! — сказал он лениво. — Зачем портишь товар? Им надо веки зашивать. Тихо и аккуратно. После тебя у них полгода руки трясутся...

Батька отдался от толпы и, ухмыляясь, направился к лестнице. С его нижней губы капала и немедленно испарялась то ли слюна, то ли пивная пена.

— А это чтобы им ничего не хотелось. Тебе же меньше хлопот.

Он оттопырил десять своих сосисок и пошевелил ими в воздухе:

— Зато какие пальчики! Бери, не пожалеешь!

До Мартиной начало кое-что доходить. Женщин ослепляли и содержали в изоляции до тех пор, пока кожа на подушечках не приобретала сверхчувствительность. По этой же причине среди клейменых не было никого старше девятнадцати лет. Трудно представить, какая работа ожидала их в подземелье замка, — видимо, что-то «интеллектуальное».

Мартина невольно посмотрела на свои руки. Они не привыкли к изящным ремеслам, и все же это были тонкопалые руки совсем молоденькой девушки...

Подсоха кивнул, и Раззам принялся за дело. Дел у него оказалось по горло. Как выяснилось, он был здешним венерологом, а заодно гинекологом и дерматологом. Начался обход, сопровождаемый бесплатным медосмотром. Раззам натянул хирургические перчатки. Смола была им забракована, и раздраженный батька немедленно выстрелил ей в затылок. Он не любил обременять себя балластом, хотя среди аристарховцев наверняка нашлись бы желающие взять ее напрокат.

Поравнявшись с Милкой, Раззам велел той лечь на землю и раздвинуть ноги. Потом долго и тщательно изучал пальцы у нее на руках.

— Такими щупальцами можно микробов оперировать, — прокомментировал Аристарх.

— Двести, — буркнул Раззам.

— Двести пятьдесят.

— Мы не торгуемся. Пора бы тебе запомнить.

— Краями.

— Эту — на сборку, — бросил Раззам своему помощнику, тут же сделавшему пометку у Милки на лбу татуировочным «паркером».

Затем Раззам остановился перед Мартиной. Его черный ус брезгливо пополз вверх. У него было много вопросов.

— Какого хрена? Что за дохлятина? Это баба или транс? Где у нее задница? Где все остальное?

— Не гони, — сказал Аристарх. — У нее другие таланты. — Он красноречиво оттопырил щеку кончиком языка. — Хозяину понравится. Клянусь мамой.

На Раззами реклама не произвела никакого впечатления. Он расплылся в ущербной улыбке, глядя на Аристарха с нескрываемым презрением, как на низшее существо.

— Я знаю, что ему понравится. Уж ты мне поверь, дикий.

Батька нацелился в него средним пальцем и дернул подбородком. Шею Мартиной немедленно захлестнула колючая петля, после чего у нее надолго сперло дыхание. Лейтенант Гундосый выдернул ее из строя и подтянул к коновязи. В поле зрения попал труп Смолы с развороченным черепом. Над раной уже роились мухи.

Теперь и Мартина ждала пули в затылок — с тем же невероятным безразличием, будто кто-то собирался сломать игрушку, ей не принадлежавшую. Существо, присутствие которого причиняло ей не больше неудобств, чем, например, собственные внутренности, сделало очередной ход в игре.

До сих пор она воспринимала жизнь как жалкое барахтанье в бурной подземной реке. Позади – болезненная темнота, в которой уже потеряны причины; впереди – тоже мрак, в котором еще неразличимы следствия. Прошлое и будущее одинаково бессмысленны; настоящее причиняет больший или меньший дискомфорт. Надо уметь удовлетворять себя; никто другой этого не сделает. Течение несет тела, хаотически сталкивая их или разделяя навсегда, и цель у всех только одна – удержаться на поверхности как можно дольше. Лучший способ общеизвестен. Это также можно уподобить канализационному стоку, потому что вместе с живыми река несет трупы, которых даже больше, чем живых.

Однако Мартина не могла представить себе раздвоение русла. Через мгновение произошло именно это. В одной реальности ее снова запихнули в душный фургон для перевозки скота, который затрясся по направлению к городу. И продолжение было ей известно. Ее ценность как вещи равнялась нулю. Аристарх будет обращаться с нею соответственно.

В другой реальности, которая вовсе не была сном, ее «поводырь» столкнулся с мощным противодействием. Настолько мощным, что она попала в ловушку на запретной тропе прошлого и оказалась среди кривых зеркал, раздробивших ее отражения и исказивших их до неузнаваемости.

Но Мартина оставалась всего лишь статистом. Настоящая война разразилась между теми, кто использовал ее сознание. Для «поводыря» не было сомнений относительно того, с чем он имеет дело. Темный Ангел впервые отреагировал на его присутствие...

Это была абсолютная, законченная, идеальная шизофрения. Мартина приобрела две параллельных жизни – никакая «кислота» не могла разделить ее личность столь радикально. Позже нечто подобное произойдет с нею еще раз – за несколько секунд до того, как Аристарх прикончит ее выстрелом в голову. Но сейчас она была потрясена и раздавлена. Так же беспомощна, как клинический псих, натыкающийся на невидимые углы и шатающийся от призраков.

Ее призраки были вполне реальны. И двойственное существование не продлилось долго.

Мартина первая заметила то, что стало очевидным для других немного позже, – когда новые искажения, внесенные Мозгокрутом, достигли порога восприятия.

Сверкающий клин приближался с юга, двигаясь до некоторого момента совершенно бесшумно. Потом клин распался на серебристые силуэты, в которых не было ничего природного. Они воплощали в себе чистую техногенную угрозу.

Мартина закричала, тыча рукой в южном направлении. Вместо крика у нее получился сдавленный хрип – петля все еще туго перетягивала горло. Силуэты стремительно увеличивались в размерах, отбрасывая слепящие блики... Она вдруг осознала, что находится на голом клочке асфальта и здесь негде спрятаться даже кошке.

«Дикие» бросились врассыпную. В поднявшейся суматохе снайперы успели застрелить несколько человек, однако остальные получили незначительную отсрочку. Ослепленные рабыни ползали у них под ногами, визжа от ужаса...

Если это и был капкан, то явно устроенный без участия Подсохи. Помещик выглядел в высшей степени растерянным, а все происходящее – слишком неправдоподобным для облавы. У

Вольдемара и его жены было около пятнадцати метров форы, но это их не спасло. Атака последовала скоро, и она была сокрушительной.

Эскадрилья правительственные штурмовики заходила на цель на малой высоте. Мартина наблюдала за ними, завороженная их красотой и совершенством. Чем не ангелы? Она могла разглядеть опознавательные знаки и номера, присвоенные в небесной канцелярии. Солнце отражалось от фонарей, головных частей ракет и вертушек бомбовых взрывателей. За остеклением кабин не было видно пилотов, и от этого смерть казалась только неизбежным следствием законов механики и гравитации...

Первое звено сбросило бетонобойные бомбы, превратившие в непроходимое месиво южный склон холма на подступах к Главной усадьбе. После второго захода и бомбометания надземная часть замка начала оседать, складываясь, словно карточный домик.

К этому моменту погибли почти все, оставшиеся снаружи. Аристарху пришлось помучиться перед смертью. Под ним взорвался бензобак его мотоцикла, и он прожил еще несколько минут, лишившись жизни и своего татуированного великолепия. Подсоха, Раззам и трое «Нежных» оказались погребенными под обломками рухнувшей стены. Царственной Оксане насквозь пробило грудь автомобильным глушителем. На месте коновязи, к которой были привязаны слепые суки, осталась только шестиметровая воронка.

Где-то на нижних этажах взорвался газ, и над руинами расцвел пылающий факел. Судя по всему, подземный завод перестал существовать. Никто не сумел уйти на безопасное расстояние...

Издали и сверху убежище Подсохи было похоже на мышеловку, оплетенную колючей проволокой, в самую середину которой кто-то нанес несколько сминающих ударов огромной кувалдой. Отбомбившись, штурмовики прошли над развалинами на бреющем и отвалили в сторону города.

Этого Мартина уже не видела. На сей раз ей повезло, если, конечно, считать везением легкую, быструю и безболезненную смерть. Последний подарок цельнометаллических ангелов... Она мгновенно превратилась в пыль в эпицентре объемного взрыва.

Ее «поводырь» оглох, ослеп и онемел. Передача информации прервалась. Этот канал был потерян навсегда. Единственный «допрошенный» свидетель и очевидец исчез. Отныне путь к замку Подсохи был закрыт для медиума. Алькор вынудил Ангела уничтожить след Мегреца. Подробности уже не имели решающего значения. Мицару предстояло заменить погибший клон.

Но смерть медиума оказалась только следствием искажения. Существовал альтернативный сценарий.

В этот самый момент Мартина, лежавшая на заплеванном полу фургона, испытала неожиданное облегчение. Она мгновенно излечилась от уникальной болезни. «Шизофрения» прошла внезапно и без всяких последствий.

Кошмар продолжался наяву.

* * *

Сквозь дрему старик слышал, как кричала девушка. Он пытался открыть глаза, но не мог. Веки были фиолетовыми изнутри, будто предгрозовое небо. На этом фоне кружили птицы, уделом которых были странствия и постоянная тревога...

Несколько минут (или часов?) он прожил в полной уверенности, что птицы по кусочкам склевывают его мозг, как будто тот был черным вспаханным полем с ровными рядами параллельных извилин. Стас требовалась целая вечность, чтобы собрать верхний плодородный

слой и унести его за горизонт. Но и птиц было слишком много; их тела и крылья застилали небо... пока не появилось пугало. Живое пугало.

Оно кричало, шагая наискосок через глубокие борозды, и размахивало руками, отгоняя голодных птиц. Поначалу старику было трудно «разглядеть» его. Потом, когда пугало приблизилось, он узнал в нем девушку, только лицо ее оказалось черным, будто опаленным солнцем (но что было солнцем в стране его мозга?). Вместо глаз зияли металлические воронки, по которым ползали мухи. За девушкой тянулся след, напоминающий царапину, рассматриваемую через увеличительное стекло...

Стая медленно уплывала за горизонт – туда, где обитали все прочие тени прошлого. Девушка исчезала в противоположной стороне, направляясь в будущее. Старику почувствовал жуткую неизбежность падения вдоль этой двухмерной оси, не оставляющей возможности пребывать в неподвижности и удержаться в точке покоя. Его стремительно несло к пробуждению.

Наконец он открыл глаза и в течение нескольких секунд не мог понять, где находится. Вместо неба над ним нависал низкий потолок, исчерченный параллельными полосами. Пол был металлическим, и только с одной стороны его освещал сияющий квадрат.

Старику вспомнил, что именно так выглядели внутренности послеполуденного укрытия, найденного мальчиком, – старого контейнера, стоявшего на краю леса. Девушка сидела рядом с ним и по-прежнему издавала громкие стоны, но его взгляд оказался прикованным к маленькому хозяину кошмаров...

Он увидел детское лицо с закрытыми глазами, обычно безмятежное, но сейчас перекошенное и уродливое. Впервые на своей короткой памяти он проснулся раньше клона. Однако это было верно лишь наполовину. Потому что, если мальчик, которого он знал, действительно спал, то тот, другой, прятавший лицо в капюшоне, несомненно, бодрствовал. Старику догадался об этом по расстегнутым змейкам и характерным подрагиваниям конечностей. Руки мальчика с пухлыми пальцами и длинными ногтями были неестественным образом вывернуты. Примерно так же, как руки куклы, которую с умыслом или по ошибке собрали «задом наперед».

Старику хотелось сбежать, но он знал, что вынужден будет вернуться, не пройдя и сотни метров. Их судьбы были связаны неразрывно, как жизни белой акулы и рыбки-лоцмана. Старику знал и то, ради чего держится рядом с мальчиком – прежде всего, ради пищи и безопасности. Не так уж мало. Однако целью их симбиоза было еще кое-что, кроме выживания. Терминал. Небесполезная реликвия. Святыня. Артефакт. Старику имел самое смутное понятие об этом предмете...

Мальчик открыл глаза. Очередное быстрое пробуждение, после которого он необратимо изменился. И суть изменения заключалась не в форме, а в функции. Будто невидимая рука развернула голову «куклы» на сто восемьдесят градусов... Мицар улыбнулся старику, и того охватила пьянящая радость. Они были как два сообщающихся сосуда. Эмоции, переполнявшие первого, с небольшой задержкой перетекали и во второго – это превосходило даже родственную близость и являлось настоящим проклятием для старика, душа которого утратила обособленность. Его зависимость была худшей из всех возможных.

Он уже понимал: их путешествие подошло к концу. Неожиданное ликование клона означало, что тот отыскал дорогу в призрачных ландшафтах прошлого, продолжавших существовать лишь в измерениях человеческой памяти – крайне неустойчивых и, самое главное, подверженных неконтролируемым искажениям. Старику испытывал невольную радость, однако с приближением цели явно укорачивался остаток его жизни.

Он был так увлечен собой, что не заметил, как проснулась девушка. Просто она внезапно

перестала кричать. Повернувшись к ней, старик наткнулся на пустой взгляд. Чего-то не хватало в ее лице (так иногда не хватает минутной стрелки на циферблате часов), и кое-что было лишним – свет и тени пробегали по нему; свет и тени, которым было неоткуда взяться...

Глава девятая

*Верните мне мою разбитую ночь,
Мою тайную комнату, мою тайную жизнь.*

Леонард Коэн

Под утро гостиница «Одинокий всадник» чем-то напоминала морт, обставленный если не по высшему, то по первому разряду.

Ночной портье Христиан Раковский, страдавший воспалением мочевого пузыря и плоскостопием, вышел из туалета и, шаркая подошвами разношенных туфель, вернулся к своей конторке. Здесь он принялся заполнять карточку «собачьего» тотализатора. Он позволял себе играть по маленькой (всегда по маленькой!) – одна из немногих радостей в жизни пожилого, скучного, ничем не примечательного холостяка.

Из лампового радиоприемника, стоявшего на массивной деревянной этажерке за его спиной, доносилось пение Марианны Фейтфул: «...И этот укол, наверное, станет последним...» Старушка знала, о чем пела! Что-то невыразимое таилось в звуках ее безжизненного надтреснутого голоса. Христиан мог бы и сам порассказать о сомнительных преимуществах печального опыта. Но сейчас он просто слушал, и душа его отдыхала.

Ночной портье обожал эту станцию. Как приятно было слышать голоса с того света! И заметьте – без всякой спиритуалистической чепухи. При этом Раковский чувствовал себя старьевщиком, сладострастно ковыряющимся в тряпье, извлеченном из бабушкиного сундука и присыпанном нафталином, – тряпье, которое когда-то, возможно, было чьим-то свадебным нарядом.

Музыка прошлого века позволяла ненадолго забыть о настоящем. Успокаивала, как партия в шахматы со старым другом. Или как укол морфия, если уж на то пошло. Но дело в том, что у Христиана Раковского не было старого друга. У него был только старый радиоприемник. А от пагубных привычек он, слава богу, давно избавился.

Порой ему почти удавалось убедить себя в том, что музыку передают вообще с другой планеты, населенной молодой и жизнеспособной расой, и планета эта находится не в ином времени, а в ином пространстве. Вот только добраться до нее все равно невозможно, как невозможно вернуть собственную юность. Ему не дано было снова ощутить порывы свежего ветра на своем лице, ловить ртом капли пьянящего весеннего дождя, целовать девушку, испытывать чистую радость существования, но он мог хотя бы «видеть» сквозь неразрушающее, постепенно теряющее прозрачность стекло усталости и близкой старости, как клонятся верхушки деревьев и трепещут отдельные листья в ландшафтах его грез, озаренных закатным солнцем.

...Вскоре Марианна запела печальную «Балладу Люси Джордан». Легкая музыка. Легчайшая. Ничего серьезного, Боже упаси! Иногда даже от легкой музыки хотелось выть на луну. Но сегодня портье испытывал лишь приятную ностальгию.

В звенящей тишине холла и впадавших в него коридоров резкий женский голос звучал как последняя человеческая песня на Земле. В иные ночи Христиану казалось, что «Одинокий всадник» населен призраками. Это было не так уж глупо. Случалось, здесь умирали при невыясненных обстоятельствах. Бывало и такое: люди, прошедшие мимо конторки портье и с улыбкой вручившие ему ключ от номера, не возвращались вовсе, а чуть позже он находил их счета оплаченными, а заказы – аннулированными.

Раковский до сих пор не знал, кому принадлежит гостиница и на кого, собственно, он работает. Его наняли через агентство четыре года назад; в первых числах каждого месяца он неизменно обнаруживал в специальном отделении конторки конверт с оговоренной в контракте суммой. Большинство постояльцев были записаны под явно вымышленными именами; часть номеров сдавалась в аренду мелким юридическим конторам и частным детективным агентствам, каких полно в каждом квартале карантинного пояса.

Единственное отличие «Однокого всадника» от сотен подобных заведений состояло в том, что это было невероятно спокойное место. За четыре года – ни одного налета, ни одной полицейской облавы (хотя Христиан наблюдал немало любопытного). Феноменально... Первое время ночной портье ни на минуту не смыкал глаз, стараясь пореже отводить их от двери и почти не вынимал правую руку из кармана, в котором лежал его допотопный «наган» времен Первой мировой. Позже до него дошло, что к концу жизни он случайно обзавелся высокими покровителями. И он расслабился – настолько, что позволял себе слушать ночную станцию, передававшую музыку его юности...

Баллада закончилась; раздался дребезжащий голос ведущего ночной программы. Тот был местной знаменитостью, почти культовой фигурой – человек, в свое время скрывавшийся от всесильного КГБ под псевдонимом Морковная Корова. Христиан знал его лично, хотя и был на двадцать пять лет моложе.

Морковной Корове недавно стукнуло сто; от гривы длинных волос на голове остался жиденъкий хвост, зато седая борода до живота и неизменная трубка в зубах, набитая турецким табаком, по-прежнему были заметны издалека. Несмотря на почтенный возраст и слабеющие ножки, великий старец рок-н-ролла без охраны совершал почти ежедневные прогулки от радиоцентра до клуба, носящего его имя, с веселым спокойствием дервиша принимая все плохое и хорошее, что случалось по пути. Кстати, плохое случалось гораздо чаще, но Морковная Корова не терял равновесия.

Сейчас он доверительно сообщил ночному портье, что луна идет на убыль, силы тают, творческая потенция снижается. Черт возьми, как это верно подмечено, Ватсон! Сил у Раковского осталось ровно столько, чтобы дошаркать до туалета при следующем болезненном позыве, ну а о потенции и говорить нечего. Столетний монстр решил поднять настроение всем страдающим от идеальной бессонницы кинксовской «Ты меня достала» в оригинальном исполнении. В те дни немногие уцелевшие после Великой депрессии старики находили особый кайф в потрескивании виниловой пластинки. Христиан Раковский принадлежал к их числу...

Видимо, он увлекся. Может быть, он на время закрыл глаза. Более чем вероятно, что и со слухом в его возрасте возникают кое-какие проблемы. Во всяком случае, он заметил человека в армейской плащ-палатке, наброшенной поверх дорогого вечернего костюма, только тогда, когда тот уже находился в двух шагах от стойки.

Ночной портье невольно вздрогнул и бросил взгляд на дверь. Сквозь узкие окна, расположенные под самым перекрытием, просачивался утренний свет.

Дверь была на месте, колокол, возвещавший о появлении гостей, тоже.

На мгновение Христиану стало нехорошо. С большим опозданием его лицо обдало порывом сырого и прохладного ночного воздуха. Резкая боль вспыхнула в пау, напоминая о необходимости каждые два часа возвращаться из страны старческих грез и сожалений в прозаическую реальность – к алтарю из белого фарфора...

Человек в плащ-палатке опустил капюшон. Ночной портье улыбнулся. Это было частью его работы. Необходимым условием. Он умел профессионально улыбаться, когда кошки скребут на душе. Он безукоризненно улыбался клиентам во время дежурства в день похорон своей

матери... Сейчас он поймал себя на том, что впервые за много лет улыбается с искренним облегчением. Итак, к его букету старческих недугов можно было добавить расшатанные нервишки.

Раковский знал этого постояльца в лицо. В течение четырнадцати месяцев тот снимал триста шестнадцатый номер. Одноместный люкс. (По понятиям портье, это стоило целое состояние. Но у него были весьма скромные понятия.) В журнале вместо фамилии стояла неразборчивая закорючка, похожая на крест с приделанным снизу рыболовным крючком. Человек всегда приходил один и ни разу не задерживался в номере дольше, чем на два-три часа. Раковский привык видеть ячейку с табличкой «316» пустой. Ни писем, ни бандеролей – ничего.

Христиан был опытным портье и понимал ситуацию. Он приучился не задавать дурацких вопросов даже самому себе. Он хотел, чтобы все оставалось по-прежнему: размеренная жизнь, спокойные дежурства, звенящая тишина по ночам, пустые коридоры «Однокого всадника» и Морковная Корова в эфире со своей музыкой мертвых – ненавязчивым напоминанием о золотых денечках молодости, канувших в ненасытную глотку прошлого...

Обезображенное шрамами лицо постояльца всегда было трупно-бледным – вне зависимости от сезона и погоды. В тусклом сиянии лампы дневного света оно соперничало в белизне с воротником сорочки, который казался острым как бритва. Седые волосы напоминали тончайшие сосульки, смерзшиеся на ледяном ветру.

Раковский считал себя неплохим физиономистом, однако этот человек ставил его в тупик. Он был неразрешимой загадкой. Шифром, к которому нет ключа.

Очень часто постоялец имел при себе футляр от скрипки (в наше-то время!), только вряд ли он зарабатывал на жизнь тем, что возил смычком по струнам... При портье он ни разу не произнес ни звука.

Человек, одетый как банковский клерк (менеджер? дирижер симфонического оркестра? проповедник? торговец роскошными гробами?), протянул руку. Христиан избегал на нее смотреть. Он знал, что увидит, если опустит глаза: ожоговые шрамы, пятна сведенных наколок, а на трех пальцах – следы вырванных ногтей. Бр-р-р! Бедняга. Интересно, есть ли у него язык и тот предмет, который позволяет мочиться стоя и не прикасаться ляжками к белому фарфоровому алтарю?..

Вежливо улыбаясь, Христиан вручил ему ключ от номера. Человек не глядя сжал пальцы. Мало у кого был такой отсутствующий взгляд. Постоялец смотрел на портье и одновременно – сквозь него. Раковский испытал совершенно иррациональное чувство, будто не только он сам, но и стена позади него внезапно исчезла. Этот взгляд мог кого угодно заставить усомниться в том, что его принимают всерьез. Однако у ночного портье не было амбиций. Он и не хотел, чтобы его принимали всерьез, особенно – опасные люди. Он хотел лишь одного – чтобы странный клиент поскорее убрался из холла.

Тот направился к пассажирскому лифту, бросив внимательный взгляд на аквариум с рыбками, сонно парившими в зеленоватой мгле. Портье смотрел ему вслед, а когда лифт тронулся – на стрелку указателя, ползущую вдоль цифр, которые обозначали этажи. Раковский очень надеялся, что сменится до того, как бледнолицый вернется.

Стрелка замерла против цифры «3».

* * *

Глюк вошел в триста шестнадцатый номер, закрыл за собой дверь и сбросил пятнистую шкуру. Логово убитого (спасенного!) им двуногого животного оказалось обставленным

стандартной гостиничной мебелью без малейшего намека на индивидуальность. Дьякону здесь принадлежала только одежда, висевшая в шкафу, и портативный компьютер, запертый в секрете... Это была всего лишь перевалочная база. Промежуточная станция. Пункт связи. Что-то в этом роде.

Прекрасно. Охотник был готов сыграть с НИМИ в их скучную игру и даже стать приманкой – на некоторое время. Он порылся в памяти дьякона и нашел соответствующую идиому. Это называлось «ловить на живца».

...Несмотря на отсутствие напряжения, экран телевизора начал мерцать, когда он приблизился к нему на расстояние пяти шагов. Несколько минут глюк наблюдал за чередующимися вспышками люминофора, застыв посреди комнаты. Темный Ангел крутил для него «кино».

Это было потрясающее откровение. По экрану плыли цветные полосы, похожие на раскрашенные безумным ребенком-дальтоником штриховые коды. Передача была исполнена глубочайшего, сакрального смысла. Если бы глюк существовал не в единственном экземпляре, он, пожалуй, счел бы необходимым скопировать сообщение для себе подобных. Причем он сделал бы это совсем не так, как принято у приверженцев варварских культов. Он имел возможность сравнивать – примитивная копия в металлическом переплете по-прежнему лежала у него в кармане...

Он включил компьютер, подсоединился к сети и перевел на счет Ассоциации некоторую сумму. Он знал о правилах игры все, что знал дьякон, а дьякон называл это «оплатой страховки и взносами в пенсионный фонд». Ложная дичь оставила первый след.

После этого глюк добросовестно совершил предписанные традицией нелепые человеческие ритуалы. Он побрился бритвой «жиллетт», принял ванну с тонизирующим каштановым экстрактом и натянул на себя новые тряпки – светлый, хрустящий нижний слой и темный, шершавый верхний. Завтрак он решил отложить. Миниатюрные контейнеры, переместившиеся из карманов в область желудка, сняли все проблемы с энергоснабжением.

Глюк покинул номер, надев черный блестящий плащ – форму священников, сделавшую его фигуру похожей на гладкую отливку из темного металла. Он вошел в роль пастыря. Ему предстояло найти, идентифицировать и уничтожить одну-единственную овцу. Это было бы совсем просто, если бы овца не затерялась в стаде, насчитывающем более двух с половиной миллионов голов.

Кроме того, некоторая часть стада была надежно защищена.

* * *

Луна продолжала убывать. Сил оставалось все меньше.

Через пару дней ночной портье почувствует себя плохо. Настолько плохо, что ему придется пропустить дежурство – впервые за сорок с лишним лет. Вызванный им на дом участковый врач не сумеет поставить вразумительный диагноз. Христиан Раковский не будет в претензии. Откуда недоучившемуся участковому врачу знать симптомы вялотекущей лучевой болезни?

Глава десятая

*Я видел правду. Я видел свет.
И я пошел по новому пути.*

Группа «Блэк Сэббэт»

Новообращенный член секты «Сжигатели денег» по кличке Мормон, с успехом заменившей ему имя и фамилию, занимался своим любимым делом. Он смотрел, как горят бумажные деньги. На его глазах, сиявших веселым фанатическим блеском, скверна превращалась в дым.

Денег было немного – всего около трехсот купюр разного достоинства. Это означало, что сегодня он сам стал чуть свободнее, а кто-то другой, возможно, сохранил здоровье и жизнь, не говоря уже о бессмертной душе. Во всяком случае, прервалась цепочка грехов, совершаемых во имя обладания символами позорной и грязной власти. Кстати, некоторых догм Мормон не разделял. Например, он до сих пор не мог уяснить, как можно «погубить» душу, если она и впрямь бессмертна.

Он развел костер на заднем дворе заброшенной церкви, выстроенной на деньги еврея Гольдберга два века назад. Иногда здесь проходили собрания секты. Сейчас, в шесть часов утра, поблизости не было никого, кроме, может быть, парочки бездомных даунов. Забор был размалеван граффити. Судя по надписям и рисункам, развитие местных пачкунов застопорилось в анальной фазе. Над забором торчала голова каменного Петлюры.

Купола без крестов, разбитые витражи, вездесущий голубиный помет... Больной, гниющий мир. Болезнь была настолько запущена, что требовалось срочное хирургическое вмешательство. Мормон видел себя если не хирургом, то, во всяком случае, «медицинским братом», подающим инструменты.

Он сложил аккуратный штабель из деревянных обломков, присыпал сверху купюрами и поднес к ним конфискованную золотую зажигалку «данхилл»...

Деньги горели весело, с еле слышным потрескиванием. Легкий ветер разносил седой сморщенный пепел. Мормон бросил в огонь оставшиеся бумажки и смотрел, как разноцветные портреты на какие-то мгновения становятся прозрачными, будто озаряются внутренним светом, – но тут же чернеют, и на их месте расползается дыра, окаймленная баухромой из пепла. Если же горение начиналось по краям, то лица на портретах съеживались в кольце неумолимого огня и начинали беззвучно вопить. Это было забавно.

Мормон трудился добросовестно. Он испытывал такое чувство, словно удалял злокачественную опухоль, причем делал это сам, своими руками. Вместе с проклятыми бумажками сгорали еще не совершенные мерзости, запретные наслаждения, темные помыслы, непроросшие семена человеческого безумия и неукротимой алчности. Хорошее дело, славный костер!..

Устроив внеплановое аутодафе, Мормон несколько нарушил заведенный в секте порядок. Прежде всего, он сделал это без ведома и одобрения дьякона. Но уж очень он торопился избавить от дьявольского изобретения свою молодую жену, которая не имела решимости сопротивляться искущению. Он случайно обнаружил пачку банкнот, которую сердобольный папаша подбросил в ее сумочку, узнав, что его единственная дочь беременна. А та, конечно, не нашла в себе сил отказаться. Она, видите ли, беспокоилась о ребенке! Мормон еще не решил, глупость это или наглость, учитывая, что существовал Тот, который побеспокоится обо всех и обо всем. Впрочем, чего ожидать от дочери middla, привыкшей к роскоши вроде теплой воды,

микроволновой печи, биде и личного врача? Пастырь велел прощать, и Мормон простили ей. Но что касается денег, он остался неумолим.

Покончив с ними, он взял из тайника оружие, вышел в переулок, оседлал свой антикварный «харли» модели «фэтбай» и помчался в сторону Тротуара Нищих.

Теперь у него появилась новая проблема – где достать немного еды?

* * *

Спустя пару часов он вошел в квартиру, неся в руке пластиковый пакет с продуктами. Это были не очень качественные продукты. В них было мало витаминов, и они имели не слишком привлекательный вид, не говоря уже о свежести и запахе. Зато он добыл их честным трудом, не осквернив себя использованием проклятых бумажек. Кстати, изъятые по пути бумажки лежали в другом пакете – предназначенному для мусора.

Телевизор был включен. Передавали мыльную оперу. Ленивая сучка, конечно, уже дремала на диване. Мерцание экрана действовало на нее усыпляющее.

А возможно, это был голодный обморок.

Единственным ее достоинством была физическая верность. Муж уважал в ней эту добродетель. Она лежала на спине, и живот выпирал довольно сильно. Мормон наклонился и возложил на него свои руки. Это слегка напоминало прикосновение к баскетбольному мячу. Возникало искушение проверить его упругость.

Потом Мормон поцеловал живот через тугу натянутую тонкую ткань женской рубашки. Молодого мужа переполняли любовь и жажда деятельности. Он любил еще не родившееся существо, которое (как он надеялся) будет жить в новом мире, очищенном от денег, спиртного, шлюх и прочей заразы.

Для этого нужно многое сделать, но и времени в его распоряжении было предостаточно. Тридцать-сорок лет активной жизни. Десять тысяч дней и ночей. Сто пятьдесят тысяч часов без учета сна – и примерно столько же сограждан, которых он «отрегулирует». Это было любимое словечко дьякона, которое Мормон перенял бессознательно. Кстати, для дьякона «урегулировать» драку в баре вовсе не обязательно означало помирить участников...

Женщина, лежавшая на диване, открыла глаза и неуверенно улыбнулась. Ей можно было дать от шестнадцати до тридцати пяти лет. У нее был голодный, затравленный взгляд. Она посмотрела на пакет с едой, который принес мужчина, со смесью жадности и отвращения. Ее подташнивало от голода, а другие желания были весьма противоречивыми.

Почувствовав его руки на своем животе, она испуганно сжалась. Ребенок вел себя сегодня что-то чересчур тихо. Еще не так давно он напоминал о себе довольно болезненными толчками. Когда это было? Ночью? Вчера? Позавчера?.. Она так и не сумела вспомнить. Не хотелось думать, будто ее «диета» может отразиться на его здоровье. Но эта полная неподвижность, этот странный холод... Несколько долгих секунд она пыталась уловить малейшее движение ВНУТРИ себя, испытывая нарастающий ужас...

В этот момент затрещал сотовый телефон. Мормон снял ладони с живота жены и поднес трубку к уху.

– Ты готов последовать за мной? – спросил голос, несомненно, принадлежавший дьякону.

Мормон чувствовал себя не вполне созревшим, чтобы в ответ на брошенный клич повторить отзыв имперских бойскаутов прошлого. Тем не менее это был шанс проявить себя. Настоящий шанс, которого он ждал так долго.

– В любую минуту, – ответил он, возбуждаясь.

– Тогда избавься от нее. Это обуза на твоем пути, – посоветовал голос, начисто лишенный эмоций.

– Она праведна, – осмелился заметить Мормон, испытывая кратковременный дискомфорт. Внутри него произошел конфликт между чувством любви к ближнему и высшим долгом. Долг победил.

– Значит, ей прямая дорога в Колонию. Согласен? – спросил голос и пропал, заставив Мормона размышлять над тем, почему, черт возьми, дьякон подвергает сомнению его преданность.

* * *

Многократное эхо опережало человека в черном плаще. Оно металось между каменными стенами, угасало в тупиках, проваливалось, затухая, в глубокие норы проходных дворов. В мертвой утренней тишине и дымке оно звучало загадочно и приглушенно, как биение огромного сердца. Его сопровождал гипнотический шелест, который навевал образ птицы, летящей сквозь молочно-белый туман на крыльях странной мечты. Но это был всего лишь повторяющийся стук каблуков и тихое шуршание водонепроницаемой ткани...

Глюк шел по середине дороги. Он не видел необходимости прижиматься к стенам, прятаться в тени, следовать извилистым руслам тротуаров. Перед ним катилась незримая и неслышная волна, вспугивавшая птиц и бродячих собак. Ему нравился человеческий город. Это было место, идеально подходившее для непрерывной войны каждого против всех остальных, войны, продолжавшейся с незапамятных времен. Она шла повсюду, в эту самую минуту – в подворотнях, черепах и постелях. Похоже, ненависть и убийства были для этой цивилизации необходимостью – в противном случае она задохнулась бы от перенаселения.

Фонарные столбы, мокрые от прошедшего ночью дождя, напоминали охотнику виселицы, подготовленные для казней. Вдали уходила их бесконечная вереница, и это обнадеживало. Там и тут в изобилии были разбросаны орудия пыток. Одно из них – крестообразное – даже приобрело статус универсального символа. Точно такой символ, уменьшенный в десятки раз, болтался на груди у дьякона...

Также не было недостатка в самых утонченных инструментах насилия, большинство из которых сейчас бездействовало.

Но глюк знал, как разбудить их.

* * *

В то утро безногий калека закончил расписывать восточную стену церковного подвала. Стена представляла собой выход скальной породы, и было ясно, что она простоят незыблемо еще тысячи лет, когда наверху останутся одни развалины...

Свеча догорала, сквозь отверстия в фундаменте просачивался серенький свет, и калека окинул взглядом свою работу.

Сцены войны. Лики ужаса и смерти. Лица, перекошенные в последнем крике. Лица, утратившие все человеческое. Примитивные фигурки солдат. Танки, состоящие из одних углов. Черно-серый авангард. Сумеречное искусство. Купол, опрокинутый во мрак приближающегося безумия. Личная, тайная церковь подземелья. Сажа перегоревшего кошмара. Наскальные рисунки двадцать первого века...

На той войне он потерял способность видеть мир в цвете. Вряд ли архиерей одобрил бы ТАКУЮ роспись. Подвал находился под колокольней. Вход на лестницу был заложен. Сюда никто никогда не спускался. Церковники не знали о его художествах...

Безногий не испытывал удовлетворения, лишь незначительное облегчение. Он выпустил наружу демонов, пожирающих душу. Он заколдовал их, припечатал углем к известке. Теперь они могли сколько угодно кривляться здесь, на шероховатой поверхности; зато лекарствоказалось простым и доступным – надо было только закрыть глаза...

Безногий взобрался на свою тележку и покатил к пролому в кирпичной стене, отталкиваясь колодками от каменного пола и ловко лавируя между грудами строительного мусора. Он ощущал прилив сил, что случалось с ним нечасто. Никто не завывал от голода внутри его черепа; никто не пытал бессонницей мозг в поисках еще здоровых клеток. И даже боль в желудке этой ночью была вполне терпимой и позволяла калеке разогнуться.

Для бездомного хороший сезон – теплый сезон. Сейчас, в шесть часов утра, воздух был тяжелым и влажным, как разбавленная кровь... Художник выкатился с церковного двора и отыскал себе сухое место на тротуаре. Неплохо было бы поесть, а то желудок переваривал собственные стенки. Калека предчувствовал, какой станет боль к полудню. День превратится в кошмар.

Нищий загадал: если утро будет солнечным, ему повезет сегодня. Спустя десять минут солнце позолотило полумесяцы на мечети, выстроенной напротив. Раздался протяжный крик муэдзина. Тогда безногий попросил, чтобы черти занесли на эту улицу случайного прохожего, а уж он-то сумеет разжалобить даже каменное сердце... Он сидел, представляя себе ласкающий уши звук: звон монеты, брошенной на мостовую, а еще лучше – шелест купюры, порхающей, словно осенний лист.

Черти услышали его просьбу.

* * *

– Эй! – сказал хорошо одетый седой человек, в котором нищий узнал дьякона Самсона, служившего в той же церкви. – Ты видел сопляка на мотоцикле?

Калека решил, что не будет большого греха, если он заработает себе на завтрак.

– Этот гаденыш только что был здесь. Теперь мне нечего жрать. Дерьмо, а не человек. Забрал у меня кусок хлеба...

Безногий запнулся. Дьякон остановился прямо перед ним. Нищий увидел заостренные носки кожаных сапог, черные брюки, полы блестящего плаща. Цвет лица и волос резко контрастировал с мрачным нарядом. Это было совсем не то лицо, которое нищий хотел бы видеть, причащаясь перед смертью.

– Что с твоими ногами? – спросил Могила, впервые заинтересовавшись калекой.

– Гниют под Херсоном.

– Джихад?

Калека молча кивнул. Он не любил вспоминать. Это могло разбудить демонов. Не все остались там, на стене подвала, – он знал это точно. Некоторые из них свили себе гнездышки в более податливом веществе.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом, – настаивал дьякон, словно позабыв о сострадании.

– Мои мозги сгнили там же, где и ноги.

– Я освежу твою память, художник, – сказал дьякон с сарказмом.

Калека почувствовал необъяснимое, мучительное неудобство, словно внутри него распускались колючие цветы.

— В тридцать шестом... — начал он.

— Вот-вот, — перебил его дьякон. — С этого места помедленнее и поподробнее.

* * *

Они мирно беседовали в течение нескольких минут. Нищий, которому еще недавно казалось, что он не произнесет ни слова (в конце концов, он же не враг самому себе!), рассказал все как на исповеди. Лишь немного позже до него дошло, что в каком-то смысле так оно и было.

Гипнозом тут и не пахло. Просто он вдруг почувствовал степень опасности. Сработал голый инстинкт. Его внутренний прибор, предупреждающий об угрозе, зашкалил. Он понял: в любом случае будет плохо, но если он расскажет то, что хотел услышать дьякон (какой там к дьяволу «дьякон»!), то, может быть, удастся избежать самого худшего. Безногий, голодный, больной раком желудка нищий внезапно обнаружил, что САМОЕ ХУДШЕЕ существует и находится в двух шагах от него. Он понял еще кое-что: ему хочется снова и снова совершать свой ежедневный скорбный путь между церковным подвалом и папертью, отталкиваясь колодками от выщербленного асфальта, мерзнуть, голодать, испытывать нестерпимые фантомные боли в отрезанных ногах, но иногда видеть солнце, небо и продолжать работу над росписью личного подземелья. Он должен был закончить северную стену. Заключить демонов в замкнутый круг, прежде чем душа отправится в последнее странствие... Он открыл в себе чудовищную сентиментальность — забытую, слежавшуюся, бессмысленную вещь из мира благополучной старости, словно тряпье, зарытое в землю. И вот появился человек в черном плаще — и вытащил все это на поверхность...

Прошлое смердело сильнее, чем гниющие конечности.

* * *

Когда нищий закончил, дьякон вернулся к тому, с чего начал:

— Так ты хочешь жрать?

— Да. Пожрать. Это было бы неплохо. Совсем неплохо. Я не ел уже больше суток...

Безногий с надеждой протянул сложенную лодочкой левую руку, готовый отдернуть ее в любой момент. ЭТОТ дьякон был непредсказуем.

— Хорошо, — сказал человек в черном плаще. — Сегодня же будешь там, где еды всегда вдоволь... Несчастный праведник, — добавил он внезапно, наклонившись совсем низко.

Нищему стало страшно. Он привык ко всему, кроме абсурдных вещей, к которым невозможно привыкнуть по определению. Дьякон Могила, обсуждающий с ним его праведность, безусловно, был частью абсурдной реальности.

Нищий посмотрел на свои пальцы. Они были черны от угольной пыли. Страшные кисти. Обугленные.

— Я обречен на праведность, — горько произнес калека, вытаскивая на всякий случай из кармана опасную бритву. (Он думал, что вытащил ее незаметно.)

Это была хорошо отточенная бритва из легированной стали — может быть, единственный стоящий предмет, принадлежавший безногому. Тело плохо его слушалось — вероятно, мышцы застыли от холода и неподвижности. Он не хотел признаться себе в том, что существовала еще

одна причина оцепенения.

– Нет, – проговорил дьякон. – Ты истинный праведник, потому что борешься с демонами, осаждающими твою душу. Ты заслуживаешь «переселения».

Нищий прошептал какую-то фразу – так тихо, что сам себя не слышал. Он уже никому не верил. Но дьякон УСЛЫШАЛ.

– Все – даром. Или ты думал, что ЭТО можно купить? – сказал дьякон и с молниеносной быстротой перехватил правую руку калеки, в которой тот держал бритву, на полпути к своему горлу.

У нищего были очень сильные руки. В течение одиннадцати лет они выполняли работу, предназначенную природой для ног. Но это ему нисколько не помогло.

Затрещали кости. Нищий заорал. Боль взорвала конечность изнутри. Кисть безвольно повисла; бритва выпала прямо в подставленную руку дьякона. На трех пальцах из пяти не было ногтей. Рубиновые запонки блеснули, как кровавые зрачки...

Могила наступил на сломанную кисть, распластавшуюся, будто раздавленный краб.

– Глупец! – сказал он с презрением. – Я хочу освободить тебя. Я дам тебе то, о чем ты не смел и мечтать. Я избавлю тебя от боли. Я подарю тебе жизнь вечную. Почему ты сопротивляешься? Почему ВЫ ВСЕ сопротивляетесь?!..

Лицо, высеченное из пористого мела, приблизилось вплотную; дьякон уставился на калеку так, будто тот был куском дерева. Его взгляд ничего не выражал. Нищий напрасно открыл рот. Ему было нечего сказать. Впрочем, дьякон уже услышал то, что хотел.

В миг интуитивного озарения нищему стало окончательно ясно, что перед ним вовсе не Самсон Могила, распевающий гимны в церкви по воскресеньям.

* * *

День был солнечным, и ему действительно повезло. Преодолев кошмар, он отправился в Колонию, где не было гнетущих воспоминаний, демонов, нищеты, ощущения собственного бессилия и ущербности.

Там не было даже церкви.

Глава одиннадцатая

*Я жду в этом месте,
Где солнце никогда не светит.
Я жду в этом месте,
Где тени убегают
Сами от себя...*

Группа «Крим»

Дьяконица Лизавета ждала мужа. Когда он уходил по ночам, она тосковала, как собака; когда возвращался – радовалась искренне, в точности как преданное хозяину четвероногое. Утром, отправив ребенка в приходскую школу, она попыталась заняться уборкой, но все валилось из рук.

Вдобавок, когда она оставалась в одиночестве, ее начинала одолевать клаустрофobia. Стены сдвигались – но слишком медленно, незаметно для человеческого глаза... Во всех трех комнатах их мрачноватого номера в общежитии секты не было и не могло быть ни одного окна. После того как фундаменталисты забросали бутылками с «коктейлем Молотова» дом дьякона на Дмитриевской (это произошло около шести лет назад), Могила перевез семью в бывшее бомбоубежище, сооруженное неподалеку от Покровской церкви и имевшее с нею подземное сообщение.

С точки зрения безопасности новое жилище было идеальным вариантом. Автономный склеп на сорок человек, как шутил иногда дьякон. При необходимости можно было задействовать воздушные шлюзы. Запасы консервов, кислорода и подземный колодец позволяли продержаться в полной изоляции несколько месяцев. Лизавета надеялась, что до этого не дойдет, но готовилась к худшему. Безопасность стоила недешево. Дьяконица до сих пор не знала, кто и как оплачивает их счета.

Она бесцельно блуждала по комнатам, несколько минут рассеянно перебирала разбросанные вещи сына. Наткнулась на альбом со старыми семейными фотографиями, которому не находилось постоянного места – может быть, потому, что Лизавета до сих пор не считала эту безопасную бетонную нору домом. Она принялась перелистывать альбом, пока не увидела пересохшую и потрескавшуюся черно-белую фотографию своего отца.

На снимке отец был еще совсем молодым. Он стоял рядом с новенькой черной машиной. Фото получилось не очень качественным, и темный костюм отца сливался с силуэтом кузова, превращая человека в подобие какого-то механического кентавра. Ниже колен карточка была обрезана.

Лизавета долго всматривалась в лицо мужчины на снимке. Она помнила его голос и исходившее от него ощущение спокойной силы. Отец был силен сам по себе; он не нуждался в поддержке Всевышнего. Не то что дьякон Могила...

Ощущив новый прилив тоски, Лизавета перекрестилась. Потом отправилась в Красный уголок и опустилась на колени перед иконами. Она истово молилась в течение получаса, не подозревая о том, что душа дьякона уже находится на полпути в ад.

Потом Лизавета вспомнила о Картафиле. Она была как-никак женщиной, и чуть ли не единственным ее пороком оставалось любопытство. Разве не любопытно, что стало с Картафилом после облучения?

Это было частью многолетнего эксперимента, который проводил дьякон, не делая из своих

«исследований» особого секрета. Любой член секты мог прийти и полюбоваться на узника. Личный человек – подобное «приобретение» уже давно никого не удивляло. Помещики владели тысячами душ, которыми распоряжались по своему усмотрению.

Кое-кто, возможно, думал, что дьякон просто содержит постоянного мальчика для удовольствий; другие были несколько ближе к истине, подозревая, что Могила неравнодушен к медицине; третьим казалось, будто Самсон с его отбитыми в молодости почками заранее побеспокоился о доноре. В любом случае судьба психа никого не волновала. А в том, что Картафил псих, усомниться было невозможно.

* * *

Самсон Могила напал на след Картафилла тринадцать лет назад, и еще пять лет продолжалась тайная охота. Тогда дьякон еще не был обременен семьей и мог позволить себе рыскать по всему Ближнему Востоку с периодическими рейдами в Среднюю Азию и на Балканы.

Картафилла видели то на рынке в Стамбуле, то в окрестностях Орлиного Гнезда, то на яхте египетского гея-миллиардера в Красном море. Он был завсегдатаем в опиумных курильнях Каира. Однажды дьякон опознал его среди торговцев кокаином в Бакинском порту, но тот работал под прикрытием, и Могила чуть было не оказался в десяти метрах под водой с цементными башмаками на ногах. Его спасла быстрая реакция и счастливая случайность. В другой раз физиономия неопределенного возраста промелькнула в телерепортаже о покушении на имама в Эр-рияде, все участники которого были казнены.

В конце концов, дьякону просто повезло. Он столкнулся с Картафилом лицом к лицу в коридоре второсортного публичного дома на окраине Сочи. Картафил был в чем мать родила, но вооружен, а дьякон к тому же не скрывал намерений.

Состоялось небольшое соревнование по скоростной стрельбе. Картафил проиграл, несмотря на длительную практику. Могила проделал ему большую форточку в груди, выпустив из крупнокалиберной охотничьей винтовки две пули «дум-дум», предусмотрительно запрещенные Гаагской конференцией еще в дивно спокойные и гуманные денечки конца девятнадцатого века. В результате разобраться, где у трупа было сердце, не смог бы и опытный патологоанатом.

Это не помешало Картафилу вскоре очнуться в запаянной пластиковой упаковке среди замороженных бараных туш и пакетиков с марихуаной внутри рефрижератора, следовавшего в северные районы Коалиции транзитом через Харьков. Причем Картафил оказался в самом низу, под четырьмя тоннами груза. Он провел несколько суток без воды, пищи и почти без воздуха, если не считать воздухом смесь азота, углекислого газа и сопутствующего дермы. И это было только началом демонстрации чудес воспроизведения.

В общежитии ему была отведена расположенная на нижнем уровне отдельная комфортабельная камера с сортиром, телевизором, персональным компьютером и тренажером. Похоже, Картафил не возражал против того, чтобы немного отдохнуть. Он и раньше был немного не в себе, а в изоляции сделался законченным придурком. За пару тысяч лет он сдвинулся от скуки и все не мог дождаться «человека с крестом».

В остальном это был приятный молодой мужчина, выгляделевший на тридцать с небольшим. Иногда в голове Лизаветы даже возникали очень нехорошие мыслишки насчет того, как там у него обстоят дела с... Ну, вы понимаете. В таких случаях она тут же бросалась в Красный уголок замаливать грехов.

Дьякона же интересовало совсем другое. Он пытался умертвить пленника всеми

мыслимыми способами. Постепенно это превратилось в навязчивую идею. Были испробованы яды, веревка, пластиковая взрывчатка, утопление в ванне с кислотой, нажатие на особые точки, длительное замораживание, барокамера с вакуумным насосом, обезглавливание, расчленение дисковой пилой с последующим сжиганием останков в доменной печи, пропускание через промышленную мясорубку, списанную с колбасного завода, растерзание сворой голодных стаффордширских терьеров... Все напрасно. Каждый раз Картафил воскресал целым и невредимым в том самом месте, откуда отправлялся в последний путь по специальной кольцевой. Иногда «восстановление» происходило мгновенно, иногда в течение суток.

Дьякон нанял биолога, который подтвердил полную идентичность ДНК пленника до и после эксперимента. Выводы можно было делать разные, на любой вкус. Если Картафил был глюком, то это означало, что Орбитальный Контроль существовал как минимум два с лишним тысячелетия. И кем тогда был Сам... Страшно подумать!

Кроме того, возникал неразрешимый в принципе вопрос: где гарантия, что дьякон – не глюк? И все остальные – тоже, просто за компанию?.. Самсон Могила действовал, исходя из отсутствия таких гарантий. Иногда он почти ЧУВСТВОВАЛ себя уродливым порождением чьего-то больного воображения...

А подопытный кролик проявлял потрясающий стоицизм. Чудовищные предсмертные страдания не прошли для него даром, но и не сделали большим параноиком, чем он был до этого. Он смириенно относился к ним как к неотъемлемой части наложенного на него проклятия...

Упорный и неумолимый дьякон раздобыл где-то рентгеновский источник и облучал пленника в течение нескольких суток, экспериментируя с интенсивностью и длиной волны жесткого излучения.

С момента окончания последнего опыта прошло чуть больше суток. Картафил скончался в страшных муках от молниеносной лучевой болезни. По распоряжению дьякона труп был захоронен членами секты в специальном саркофаге на первом городском кладбище (это была одна из его излюбленных шуток – на идиотские вопросы о смысле жизни дьякон неизменно отвечал: «Все ответы – на первом городском»).

* * *

Истомившаяся в одиночестве Лизавета взяла ключи и отправилась вниз.

С Картафилом все, конечно же, было в порядке, Он метался по камере, выставив перед собой руки, уклонялся от невидимой опасности, подпрыгивал, пятился, приседал, а однажды даже украдкой помочился. Время от времени он сгибал указательный палец, криво ухмылялся и произносил: «Маст дай!».

Когда Лизавета увидела у него на лбу транслятор, небрежно прилепленный скотчем, а на столе – початую упаковку «тревеллера», все стало ясно. Ей пришлось ждать довольно долго, пока Картафил прошел очередной уровень и вырубился, чтобы хлебнуть воды.

Заметив дьяконицу, он прилип к ней взглядом (она тешила себя иллюзией, что это был чисто мужской интерес) и спросил с надеждой:

– Пришел человек с крестом?

Лизавете стало не по себе – впрочем, как всегда, когда она оказывалась наедине с психом. Единственным способом сохранить достоинство было унизить проклятого бродягу.

– Он был здесь, – ответила она, выдавив из себя улыбку. – Ты опять проспал, идиот.

Картафил засмеялся. Это был плохой смех – смех человека, который знал, что когда-нибудь

неминуемо окажется по другую сторону решетки...

– Нравится? – спросила Лизавета, имея в виду новый «тревеллер».

– Дерьмо, – отрезал Картафил. – Детский лепет. Подойди ближе, детка... Хочешь услышать сказочку о гладиаторских боях, травлях, критском лабиринте?..

Она отшатнулась, внезапно обнаружив, что стоит в полуметре от решетки. Узнику оставалось только протянуть руки, чтобы сделать в ее черепе пару параллельных вмятин.

У нее похолодело в желудке. Самсон был прав – она слишком легко поддается влиянию... Древние золотистые глаза Картафилы загадочно мерцали. Они сулили ей скорую смерть, обещая это с уверенностью, которую было невозможно опровергнуть.

* * *

Лязг отпираемых входных люков вернул ее к жизни и заставил сердце учащенно биться. Похоже, у этого чувства было название. В какие только норы не заносит случайным ветром семена любви!.. Она бросилась наверх и оказалась в коридоре к тому моменту, когда дьякон появился на пороге.

Он привычно обнял ее и поцеловал в губы. Из его глотки на нее дохнуло подвальным холодом. Неземной свежестью. И дело было явно не в успехах производителей жевательной резинки. Больше смахивало на то, что у дьякона в легких появился морозильник. Ощущение потустороннего сквозняка оказалось не из приятных. Но умереть Лизавете предстояло не от простуды.

...В тот день Самсон вел себя как обычно. Ни малейших отклонений от нормы. Сказал, что был в отдаленном приходе, и лег отдохнуть. Он спал на правом боку. Во всяком случае, у него был вид спящего человека. К вечеру, склонившись над ним, Лизавета увидела то, что впервые заставило ее испытать брезгливость.

Вначале она приняла ЭТО за вату. Дыхание дьякона было чрезвычайно слабым. Ни одна нить не колебалась. Потом дьяконица поняла, чем является «ваты» на самом деле. Паук, живший в щели между потолком и стеной, заплел паутиной левое ухо и ноздри ее мужа.

* * *

Охотнику сразу же не понравилось это место. Глубокая, темная, противоестественно тесная нора. Многослойный железобетонный экран ослаблял эманации Ангела в несколько тысяч раз, и глюк ощущал дискомфорт, которому не было названия. Впервые он оказался полностью предоставленным самому себе. Он мог провести сотни лет под землей в пассивном состоянии (подобные ему когда-то были погребены в древних пирамидах и курганах на гораздо более длительные сроки), но сейчас он переживал период сверхактивности.

Ему не нравилась самка дьякона, назойливо следившая за каждым его шагом и заподозрившая что-то неладное. На этот раз животный инстинкт оказал ей плохую услугу. Охотнику не нравился и детеныш дьякона, путавшийся под ногами и жаждавший внимания. У этого инстинкта самосохранения был недоразвит. В конце концов глюк запер его. Он запер бы и самку, но та просто не поместилась бы в маленькой холодной комнате. Поэтому он ограничился тем, что изменил ее метаболизм.

Он не стал «переселять» ее быстро – это противоречило бы выбранной для нее роли. Семь дней. Он дал ей семь дней и считал, что этого более чем достаточно.

Кстати, об инстинктах. Что заставляло двуногих тварей прятаться в пещерах под землей – инстинкт или проблески эволюционирующего разума? Ответ был не слишком важен. Если охотник не ошибался, он уже растревожил здешний гадючник. Темный Ангел получит то, чего хотел: массовый психоз.

Дьявольская механика... Крайняя неустойчивость каждой отдельной детали означала безостановочное движение и вечную неподвижность целого – как вращение шестеренок внутри статичного корпуса часов. Стрелки скользили по циферблatu, отсчитывая время, оставшееся до конца IX света.

* * *

Как только за дьяконом захлопнулся входной люк бомбоубежища, существо, которое еще совсем недавно было дьяконицей Лизаветой, двинулось к двухкамерному холодильнику «норд», возвышавшемуся в двенадцати метрах от него белой башней. Оно плохо слышало из-за постоянного гула в голове, но зато ощущало вибрацию. Ему хотелось хоть немного остыть. Температура его тела превышала сорок градусов, и это продолжалось третий день.

Попытка дьяконицы добраться до райских льдов была нелепа и почти безнадежна. Она плохо соображала, а двигалась еще хуже. Ноги почти не сгибались, и Лизавета с трудом могла повернуть голову.

И все же она шла к ледяной башне. По пути она искала кого-то – маленькое существо, которое было ее ребенком. Она давно его не видела, но он находился где-то здесь, в убежище. Возможно, прятался. Он выбрал не самое подходящее время для игры в прятки, однако дети часто бывают глупыми и жестокими. Невыносимо глупыми, прости Господи!..

Куда подевались все остальные люди? Двадцать, нет – тридцать челоек. Это даже больше, чем пальцев на обеих руках... Наверное, ровный гул поглощал голоса, если те и звучали где-то рядом...

Лизавета порезалась о валявшийся на полу осколок зеркала. Ее измененная нервная система слабо отреагировала на боль. Она тщетно всматривалась в свое отражение. Ее правый глаз почти не видел, а левый пытался отыскать то, за что можно было бы зацепиться. Цветные пятна...

Слишком далеко... Слишком далеко для наводки на резкость. Чтобы увидеть свою голову, нужно нагнуться, а для этого – перераспределить вес тела. Труд совершенно непосильный и несоизмеримый с результатом... Она двинулась дальше.

Через десять минут ледяная башня, в которой Лизавета хотела найти облегчение, приблизилась на один световой год.

* * *

Прошло четверо суток с тех пор, как его посетила та безмозгшая похотливая наседка (Картафил умел разглядеть похоть, зацементированную и погребенную в толстом слое религиозного фанатизма, обывательской трусости и мнимой супружеской верности), когда на лестнице наконец раздались шаги человека.

Картафил очень ослабел. Чувство голода уже исчезло. Он решил было, что маньяк-дьякон снова решил уморить его – на этот раз самым банальным способом... Все чаще его охватывала эйфория. Безразличие ко всему... Летаргическое оцепенение... Он становился бесплотной

птицей, парившей в мерцающем тумане... Нескончаемый полет вдоль темной аллеи... Недоступные сады шумели на берегу моря...

Шаги вернули его к действительности. Твердая, мужская походка. Кто бы это ни был, он не спешил, но и не прогуливался без цели. Похоже, время оставалось на земле самым дешевым товаром.

Шаги приближались. Очередной придурок появился по ту сторону решетки, чтобы полюбоваться на узника, воскресшего снова. Ни один из посетителей не осознавал, что сам заперт в тюрьме, отбывая пожизненное заключение. То была незыблемая тюрьма сознания. Едва ли у кого-нибудь были шансы сбежать. Кроме...

Картафил повернул голову. Его не могла обмануть оболочка. Внешность не имела никакого значения. Он сразу узнал человека с крестом. В том, что тот принял облик дьякона, Картафил усмотрел оригинальный черный юмор, жизненно необходимый в дни второго пришествия.

Это придало ему сил. Он встал с кровати и, шатаясь, подошел к решетке. Потом медленно опустился на колени. Надо было дать знак верности и на всякий случай изобразить раскаяние.

...Именно таким должен был быть взгляд, который он выдержал не мигая, – взгляд, не выражавший ни одобрения, ни осуждения, не радостный и не печальный. Прикосновение пустоты. Это был взгляд без сопутствующих качеств, без малейших оттенков эмоций. Всё не распахнутые двери в вечность. Картафил уже побывал там, и ему не очень понравилось. Вечность показалась утомительной, как ночь, проведенная в зале ожидания на вокзале, с которого уже не отправляются поезда.

– Повеселимся напоследок? – спросил гость ОТТУДА, приглашая его на свою очередную вечеринку.

Картафил позволил себе улыбнуться.

Глюк протянул ему книгу в черном переплете с мутно-красным медным крестом. Узник поцеловал крест, ощущив языком и губами холод металла и его кисловатый вкус. Ему это ничего не стоило. Последние четыре сотни лет он только тем и занимался, что играл со всевозможными символами.

Гость выпустил книгу из своей руки. Картафил принял дар и почувствовал его необычную тяжесть. Открыв книгу посередине, он обнаружил в ней пистолет. Теперь узник открыто захихикал. Как ему нравились веселые люди, умевшие здорово пошутить! Волхв, старец, сатанист, бесноватый, мадам Б... Но этот, кажется, был самым большим шутником – по миллиону жизней на каждый зуб.

– Я сделаю все, что ты захочешь, – пообещал Картафил, глядя в равнодушные глаза дьякона. Не было необходимости в клятвах. Оба знали, что иначе и быть не может.

Глюк бросил ключи на пол камеры.

* * *

Существо продолжало ползти с упорством заведенной игрушки. Оно уже утратило представление о времени; «эго» растворилось в слепом стремлении; вместе с рассудком улетучились сомнения; оно оказалось способным на самопожертвование. Во имя любви – а что же еще остается в самом конце? Оно по-прежнему пыталось спасти своего детеныша, который находился поблизости, – просто потому, что ему больше было некуда деться.

Внутренний жар пожирал тело женщины, словно пиццу в камере микроволновой печи. Пылали легкие, пылали кишki, пыпал мозг. Мысли, едва возникнув, мгновенно испарялись, как слюна на раскаленном асфальте. У нее даже не получалось сыграть в обычную игру «плохой –

хороший». Образ того, которого она считала раньше безусловно плохим, заслонил весь мир. Он завладел подземным лабиринтом, где закончится ее земная жизнь; он сумел превратить в куклу ее мужа, и он спрятал ее ребенка так хорошо, что она долго не могла его найти. Только бы добраться до ледяной башни и остудить горячую голову! Тогда она сможет связать воедино простейшие вещи...

Она проковыляла мимо темной комнаты, в которой мягко мерцал экран телевизора. То был невыразимо приятный, таинственный свет. Безопасное сияние, сулящее покой... И ОН сидел в той комнате, уставившись на своего электронного оракула и держа в руке фотографию, на которой ее отец был снят рядом с черной машиной...

Шестнадцать часов неподвижности. Шестнадцать часов абсолютного покоя. Лизавета была не в состоянии понять это и не могла определить, на что именно направлен взгляд дьякона. Паук уже начал оплетать ресницы его немигающих век...

Неожиданно белая башня оказалась совсем рядом.

С огромным трудом Лизавета дотянулась до ручки. Ногти противно скрипели, когда она скребла ими по металлу, а пальцы не сгибались. Несмотря на это, она все же сумела приоткрыть дверцу холодильника. Щелкнул замок, потом раздался тихий чавкающий звук.

Стало заметно светлее. На Лизавету дохнуло долгожданным холодом.

Правда, было еще кое-что – какой-то запах, но она уже не воспринимала подобные мелочи. Она заглянула в сияющую, покрытую инеем комнату...

Призрачная эмоция, бледная тень радостной мысли промелькнула в ее мозгу. Она нашла его!

Ее сын лежал в позе зародыша. Он занимал весь свободный объем прозрачного цилиндра, установленного внутри холодильника. У него было очень белое лицо, смерзшиеся волосы и открытые глаза. Они казались стеклянными из-за того, что их покрывала тонкая корочка льда. Мальчик улыбался. Язык, видневшийся в щели между губами, был похож на замороженную куриную печень. Затвердевшая кожа натянулась, как мембрана басового барабана.

Когда она попыталась достать сына из холодильника, чтобы согреть его, то обнаружила, что это не в ее силах. Разбить стекло или передвинуть цилиндр она не смогла. К нему были подведены какие-то шланги и жгуты проводов. Внутри медленно циркулировала жидкость. Маленький человек в позе зародыша оставался неподвижным и не дышал...

Тем не менее неистребимое материнское чутье подсказывало Лизавете, что ее мальчик жив. Эта матрица была погружена в анабиоз. В отличие от матери час сына настанет не скоро. Для чего Дьякон приберегал его? Она была не в состоянии задавать себе даже более простые вопросы.

Она начала беззвучно кричать. Потом появился глюк и снова изменил ее – на этот раз радикально.

Ее мучения закончились. Она стала частью Колонии.

Глава двенадцатая

С помощью доброго слова и револьвера вы можете добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом.

Аль Капоне

Он зажал рюмку между своими запястьями, поднес ее ко рту и неловко опрокинул. Порция омерзительно теплого тридцативосьмиградусного «казацкого напитка» скользнула в желудок, как рогатая улитка. Жирный человек вздрогнул и едва не выронил стакан. Кое-кто из мужчин посмотрел на него с отвращением; женщины отводили взгляд.

Он сидел в кабаке «Дилижанс» и тихо напивался. Прошли те времена, когда он мог позволить себе шумно погудеть и это сходило ему с рук. Теперь развлекались другие; ему оставалось только надеяться, что в него не попадет шальная пуля. Впрочем, он не слишком дорожил жизнью. Может быть, именно поэтому пули до сих пор пролетали мимо.

Когда-то он был неплохим соло, но, видимо, недостаточно хорошим, раз все закончилось именно так. Он пропивал свою пенсию (да-да, самую настоящую пенсию), которую выплачивала ему Ассоциация. Честно и аккуратно, хотя в это и трудно было поверить. Вначале. Потом он привык.

Свое нелепое имя Никифор он постарался забыть как можно быстрее, чтобы, не дай бог, не проговориться во сне. В неблагополучном окраинном районе Бавария он был больше известен как Мурло Ники – из-за своей необщительности и подозрительности.

Он трудно сходился с людьми и никому не доверял, кроме членов своей большой семьи. У него были хорошие шансы со временем возглавить местную группировку «Толстошеих». Те жили в основном за счет того, что обложили пивзавод дополнительным налогом. Плюс дань с мелких торговцев, платный проезд по дорогам – в общем, на жизнь хватало, и даже более чем.

Некоторое время все были счастливы. Мурло Ники готовился переехать в новую, более просторную резиденцию. Но его подставили единоутробные братья, и он «загремел с лестницы». За ним охотились упыри из охранки, а это было похуже, чем поцелуй Крестного. Попади он им в руки – и Ники все равно умер бы, но не так быстро, как ему хотелось бы.

Его спасло хорошее чутье. Почувствовав, что стал четвертым углом в треугольнике, Мурло Ники лег на дно. Ему пришлось сделать срочную и баснословно дорогую пластическую операцию, пересадить кожу на пальцах и изменить пигментацию радужной оболочки. На это ушла львиная доля его наличных сбережений. Остальное было конфисковано братьями.

Сняв бинты, он убедился в том, что его не узнала бы родная мама, и первым делом убрал хирурга. В тот день Никифор бесследно исчез. Вместо него в городе появился человек, на которого не было ничего в базе данных Управления внутренних дел. Еще один призрак, микроб, раковая клетка огромной опухоли, разраставшейся по эту сторону Блокады.

Поскольку легальная работа явно была придумана не для таких, как он, Ники стал соло. Кое-что ему даже нравилось. Пребывание на свежем воздухе благотворно сказывалось на здоровье и аппетите, а с пушкой он ловкоправлялся с детства. Масштабы его новой деятельности были, конечно, не те, что раньше, но он научился довольствоватьсь малым.

Когда с ним связались по телефону люди из Ассоциации и предложили «взаимовыгодное сотрудничество», он понял, что не может им отказать. Они знали о нем все, но не собирались его сдавать. Пришлось поверить им на слово. Ники продолжал в прежнем духе, снова поднакопил деньжат и всерьез надеялся когда-нибудь окончательно смыться из города. А перед

тем, конечно же, навестить дорогих родственничков.

Мурло Ники жил этой надеждой, пока не наткнулся на кислотную мину, заложенную в один из контейнеров. Выплюнувшись под давлением жидкость сожгла ему кисти обеих рук и частично физиономию.

Придя в себя после болевого шока, он обнаружил, что подвергся еще одной пластической операции – на этот раз совершенно бесплатной. Хорошо, что хотя бы оба глаза остались целы. Теперь его не узнала бы не только мама, но и хирург, слепивший ему новое лицо. Для карьеры соло Ники годился не больше, чем трехлетний ребенок. Пожалуй, он сумел бы нажать на спусковой крючок – если тот предварительно обмотать веревкой, а оба ее конца привязать к его уродливым клешням, которые было трудно назвать руками.

Наступили плохие времена – хуже некуда. Новых сбережений хватило ненадолго. Он таскался по задворкам, ожидая, что его прикончит мелкая шпана, пока однажды, проснувшись под трибуной местного стадиончика для игры в лапту, не нашел у себя в кармане повестку из банка. На его счет поступили деньги.

Этих денег не хватило бы на то, чтобы приобрести уединенный домик у моря, нанять слуг и охранников – даже если копить до Страшного Суда, – зато на них можно было напиваться каждый божий вечер, а иногда (довольно редко – от силы один раз в месяц) Ники заходил в канна-бар «Петух» и, рассчитавшись с хозяином, направлялся пряником в туалет.

В одной из кабинок, под заплеванной крышкой сливного бачка заинтересованный человек мог найти все необходимое для экспериментальной проверки теории относительности. Оказывается, в жизни нет ничего действительно важного. Ничего определенного. Ничего постоянного. Во всяком случае, страдание, боль и само время уж точно были весьма относительны. Столь многое зависело от малосенького тычка в вену, что становилось просто смешно при воспоминании обо всех жалких потугах достичь счастья другими способами. Впрочем, смеяться по-настоящему Мурло никогда не умел.

Проблема состояла в том, что Ники ничего не мог сделать сам – даже расстегнуть рукав. Хозяин «Петуха» присыпал смышеного мальчика, чтобы тот помог ему. Обычно мальчика использовали несколько иначе (для этого имелось специальное отверстие в стенке кабинки на уровне бедер), так что красивый маленький умник рад был услужить жиреющему дяде с корявыми багровыми сучками вместо рук, который хотел всего лишь, чтобы ему помогли вмазаться. Это был хороший, вежливый мальчик, только Ники опасался, что по мере взросления у него могут появиться кое-какие корыстные мыслишки насчет инвалида. В том районе взрослели быстро. Зависеть от кого-либо – вот это Мурло Ники ненавидел сильнее всего.

...Он подтянул к себе следующую рюмку. Та скользнула по столу, оставив мокрый след. Справа стояли шесть пустых рюмок, слева – шесть полных. Ники достиг середины долгого вечернего марафона, который, по идеи, должен был завершиться полной отключкой. Но сейчас он находился в непродолжительной стадии возбуждения. Ему хотелось разнести к чертям собачьим этот клятый «Дилижанс», но желания пришли в явное противоречие с возможностями. Вокруг было полно здоровенных парней с пушками, которые только и ждали, пока кто-нибудь много на себя возьмет.

Мурло Ники уставился на дверь налитыми кровью глазами, словно бык, которому отрубили копыта, – никчемная туша, абсолютно непригодная для продолжения жизненной кориды. В его груди клокотала бессмысленная и безадресная ярость.

Он был еще достаточно трезв, чтобы обратить особое внимание на двух новых посетителей, которых никогда не видел здесь раньше. Оба были в одинаковых черных плащах – не очень удобная одежда, если надо быстро достать ствол, а в таких местах это часто становится жизненно необходимым. И все же богатый личный опыт подсказывал Ники, что эти двое – не перепутавшие адрес попы и не правительственные агенты, решившие получить дивиденд со своего статуса неприкословенности.

Парни принадлежали к особой породе, нечасто встречающейся в каменных джунглях, – особенно тот, что повыше, с рожей, смахивающей на череп, который пролежал десяток лет в пустыне. Легкий налет цивилизованности не портил впечатления и не мог замаскировать эту самую породу. Второй был смуглым семитом с длинными выющимися волосами. В левой руке он держал небольшой контейнер кубической формы.

Мурло Ники чуял угрозу за версту. В свое время он досыта наигрался в прятки. Он искал, его искали... На этот раз, кажется, нашли.

Толстый бармен тоже обратил внимание на вошедших и одежду специфического покрова. Плащи были абсолютно одинаковыми, как будто принадлежали одному человеку, и невысокий смуглый красавчик подметал полами заплеванные доски. Бармен знал, кто носит такие черные презервативы. Но если эти двое – священники, то он готов был немедленно признать себя цирковым акробатом. Он еще подумал, что вскоре новым клиентам станет очень жарко. Он ошибся. Жарко стало не им.

Парням понадобилась всего пара секунд, чтобы осмотреться и выделить грузную фигуру Ники из хаоса тел. Они направились к нему, раздвигая толпу у стойки, как два черных ледокола.

Мурло не сводил глаз с высокого – вот уж с кем он ни за что не согласился бы сыграть в игру «кто кого пересмотрит». Ники мог бы поклясться: бледнорожий его в упор не видит. То есть видит, конечно, но не придает его существованию ни малейшего значения. Уверенность в том, что скоро из него начнут вынимать потрох, была столь же неоспоримой. Это казалось в высшей степени логичным. С момента получения первого «пособия по нетрудоспособности» Ники не приносил Ассоциации ничего, кроме убытков.

Инвалида на пенсии еще мог спасти небольшой дебош, по крайней мере он надеялся на это. Ники заорал, перекрывая бурлящий шум и рев музыкального автомата:

– Эй, ребята, тут пара залетных педиков!

Он обнаружил, что умеет визжать, как насмерть перепуганная баба.

Должно быть, он очень старался – его услышали даже вышибалы возле наружных дверей.

– Кажется, сейчас меня трахнут... – добавил Ники почти шепотом. Интуиция всегда была его сильным качеством.

Люди в черном продолжали двигаться с абсолютной невозмутимостью. Тот, который **ВЫГЛЯДЕЛ** моложе, снисходительно улыбался, словно оценил шутку старого приятеля.

Мурло Ники не ошибся – педиков тут не любили, а еще больше не любили залетных. Незваные гости почти мгновенно оказались в центре оголившегося пятака, окруженные поддатыми даунами, всегда готовыми развлечься за чужой счет. Над стойкой бара появился двуствольный обрез – мордоворот с пивным пузом держал нос по ветру.

Это не произвело никакого впечатления на мрачную парочку. Стало значительно тише. Только музыкальный автомат продолжал давить слезу из кабацкой публики.

– Что-то я не припомню вас, любовнички, – сказал бармен, обращаясь к черным спинам.

– Не представляешь, как тебе повезло, – не поворачивая головы, отозвался длинноволосый, которого, видимо, ставил углом ходячий мертвец со шрамами. Другой вариант как-то не укладывался в головах у местных гетеросексуалов. Единственная причина, по которой они медлили, была проста, как дверь: у «плащей» могла оказаться правительенная пайца, и

тогда – прощай выпивка, прощайте говорчевые девочки из «Дилижанса» и все прочие радости жизни!..

Бледнорожий остановился перед столиком у стены, за которым сидел Мурло Ники. Тот чувствовал себя отвратительно трезвым – несмотря на то что счет на рюмочном табло по-прежнему был 6:6...

Трещина в каменной голове, обозначавшая рот, углубилась и сделалась шире, когда глюк скользнул взглядом по багровым кактусам, торчавшим из рукавов жертвы.

Темный Ангел, как всегда, не ошибся. Этот вид был обречен на вымирание. Слишком много уродов – не физических, так интеллектуальных, не говоря уже о мутантах. В общем, деградация очевидна...

– Пойдем прокатимся, – предложил охотник свистящим шепотом, хотя уже понял, что этот кусок мяса практически бесполезен.

– Оставь его в покое! Пусть толстяк отдыхает. Он заплатил за выпивку, – вмешался бармен, но его речь прозвучала не слишкомзывающе.

Что-то внушало ему опасение. Эта неуверенность была ощутима и заразна. Она витала в воздухе, как капли отравляющего спрея.

– Он отдохнет, – пообещал Картафил. – И ты тоже. Веришь мне на слово? – Пошел ты... – прошел «пивной живот» и поднял двустволку. Его достал этот сопляк.

– Вижу, что нет. – Картафил обогнулся столик, чтобы помочь Ники справиться с земным тяготением.

Секундное промедление стоило бармену жизни. Впервые за несколько лет у Картафила появилась возможность размяться «на природе». Он уступал в быстроте дьякону Могиле, но по сравнению с местными губошлепами был просто реактивным...

* * *

За пару дней, минувших после освобождения, он успел разжиться своеобразной пушкой. Точнее, музейным экспонатом – самым старым из всех боеспособных, которые только можно было разыскать. Маленький, вполне простительный каприз художника. Он хотел держать в руках нечто историческое.

Для этого пришлось посетить одного коллекционера, считавшего самого себя и свое собрание надежно защищенными. Визит, нанесенный двумя «священниками», убедил его в обратном, а Картафил приобрел почти то, что искал. У старика были и капсюльные револьверы, но единственный работоспособный оказался хорошим новоделом.

Другая проблема, с которой столкнулся счастливый обладатель антиквариата, заключалась в отсутствии патронов. Впрочем, дьякон сумел достать и патроны – всего около сорока штук. Картафил не мог понять, откуда они взялись, однако не сомневался, что в любой момент получит еще. Если попросит.

Это были очень странные патроны – явно устаревшей конфигурации, снаряженные дымным порохом, абсолютно новые на вид и безо всякой маркировки. Усомнившись в их пригодности, Картафил расстрелял с десяток – и удостоился только мимолетного презрительного взгляда дьякона.

Конечно же, не последовало ни одной осечки.

* * *

...Короче говоря, он извлек на свет самый нелепый револьвер, который когда-либо видели в «Дилижансе», – русскую модель фирмы «Форхэнд энд Водсворт», бессмысленно огромную, тяжелую и неудобную пушку с девятнадцатисантиметровым стволом сорок четвертого калибра и поочередным экстрактированием гильз. Скорость перезаряжания этого исполина была ниже всякой критики, но приходилось считаться с эффективностью огня. На малом расстоянии эффективность оказалась такой, что у Ники свело желудок от восхищения и дурного предчувствия.

Первый же выстрел превратил голову хозяина в окровавленную кочерыжку. Стокилограммовая туша была отброшена назад и протаранила полки, заставленные бутылками. Содержимое черепа расплескалось по зеркальным стенкам и скрыло от Картафилы отражение его собственной ухмыляющейся физиономии. После этого губошлепы проснулись и начали шевелиться. Они были нерасторопны, зато их было много...

Монстр в руке Картафилы успел сплюнуть еще дважды, прежде чем в беседу вступили более современные машинки. Кабак наполнился их трескотней и истошным женским визгом. Голоса, доносившиеся из музыкального автомата, придавали всему происходящему водевильный оттенок. Глюк искренне забавлялся переполохом в этом стаде, застигнутом врасплох. Репетиция оправдала его ожидания.

«Форхэнд» окутался дымным облаком, мешавшим разглядеть, что стало с парочкой, которой вся компания усердно скармливалась свинцовые пилюли. Лучшее место для зрителей оказалось у Ники – он находился совсем близко, и от того, что он увидел, его глаза поползли на лоб.

Когда началась ответная пальба, дьякон закрыл Картафилу своим телом. Этот поступок не имел ничего общего с благотворительностью – глюком руководил исключительно трезвый расчет. Ники не подозревал, что человек, зверь или еще кто-либо может двигаться так стремительно. Это было похоже на мгновенную смену кадров. Нечто подобное бывший соло изредка видел в кино – когда случайно попадал на демонстрацию старого плёночного фильма, а через проектор запускали рваную ленту, скленную во многих местах.

Черный плащ был разодран пулями в клочья, которые разлетелись в дымящемся пространстве, будто вспорхнувшая с дерева воронья стая.

Кое-кто из завсегдатаев «Дилижанса» наверняка дал маху. Но даже если все были косоглазыми, Мурло Ники при желании мог бы насчитать как минимум пять десятков попаданий в корпус священника. Да и дистанция была совсем небольшой. Бледный призрак безболезненно проглотил порцию свинца, способную уложить носорога...

Однако спустя секунду после залпа его плащ снова был цел. Опаленные дыры затянулись, как разрывы в нефтяной пленке. На матовой поверхности ясно и во всех подробностях проступили кости скелета. Это сильно напоминало обалдевшему Ники рентгеновский снимок в полный рост.

Самое страшное, что выражение белого лица нисколько не изменилось. Оно не выразило ни боли, ни ненависти, ни какого-либо другого суетного чувства. Каменная маска бесконечного превосходства медленно (во всяком случае, так казалось оцепеневшему счастливчику Ники, в которого опять каким-то чудом не попала ни одна случайная пуля) повернулась в сторону наэлектризованной до предела толпы...

Лицо дьякона плавало в струях дыма, будто ледяная зимняя луна в тучах. До парней из «Дилижанса» слишком поздно дошло, что сегодняшний вечер закончится для них неудачно. Глюк каждому выдал по льготному билету на тот свет из двух своих стволов.

Ники стал свидетелем фокуса почище дьявольского трюка с плащом. Прежде всего, он не понял, откуда взялись пистолеты. Он мог смело поспорить на свои яйца, что ходячий трупак их

вообще не доставал. Они появились в его полусогнутых руках так же внезапно, как возникают титры на экране. На срезе каждого из двух стволов огромного, несуществующего калибра имелось небольшое утолщение, а чуть ниже дула блестели грязноватые стеклянные шарики. Только очень внимательный человек узнал бы в них глазные яблоки дьякона. Между прочим, зрачки двигались... По мнению Ники, это были пистолеты из какого-то дурацкого комикса для маньяков. Более того: глюк их даже не перезаряжал.

Последовал непрерывный слитный грохот, напоминавший звук одновременной работы десятка отбойных молотков. И на этот раз не было никаких дымовых завес. Патроны кончились только тогда, когда в зале не осталось ни одного живого существа, за исключением кошмарной парочки и Ники, примерзшего задницей к стулу. Несколько самых трезвых и резвых успели выскочить наружу – главным образом, те, кто находился поблизости от входной двери. Но у Ники создалось стойкое впечатление, что бледный ублюдок специально дал им уйти. У него даже появилась робкая надежда уцелеть, однако он поздновато решил стать послушным...

Один из подстреленных рухнул на музыкальный автомат, и тот захлебнулся, рассыпав искры замыканий. Свет в кабаке погас. Мурло Ники увидел последний в своей земной жизни фейерверк. Как загипнотизированный смотрел он на шипящие огненные змейки горящей проводки, которые прочертили тьму, словно элементы безумной рекламы. Потом на него упали две черные тени, и он почувствовал, что не может сдвинуться с места. Липкие щупальца, выросшие прямо из поверхности стола, обвили его клешни.

Ники перестал дергаться. Больше всего на свете ему захотелось превратиться в маленькое, незаметное, ничтожное насекомое. А лучше вообще исчезнуть...

В наступившей тишине раздался звук, который плохо подействовал на его нервы, – гул приближающегося грузовика. То, что Ники неоднократно слышал, работая соло.

От вибрации тихо задребезжали пустые рюмки... Слепящий луч фары скользнул по лицу... Дохнуло сырьим ветром, омерзительным, как миазмы помойки...

Мурло Ники вдруг осознал, что кое-кого интересует вовсе не его нынешняя жизнь, а конкретные эпизоды прошлого. Он дико завопил. Те старые неприятности с партнерами по бизнесу, охранкой и кислотой показались ему детскими шуточками. Сейчас он бы дорого отдал за то, чтобы быстро научиться умирать по собственному желанию. Но он не владел искусством остановки сердца, поэтому «присутствовал» при проведении процедуры слияния до самого конца...

* * *

И даже потом, когда его тело уже было мертвым, прервалась утомительная работа органов чувств и он оказался в нирване чистого существования, Ники не оценил этого. Новый, безжизненный космос был наполнен кремнием. На многие миллионы ангстрем тянулись искусственные ландшафты из пористого вещества, организованного по образу и подобию нейронной сети. Это был чудовищный протез, заменивший тело, мозг, а заодно и окружающую среду. «Ники» испытал беспредельный и нескончаемый кошмар агорафобии. Сознание колapsировало и превратилось в черную дыру. Заставить его совершить обратную эволюцию могла только специальная последовательность электромагнитных импульсов...

Когда все закончилось, Картафил наклонился и поцеловал руку дьякона. Сегодня тот избавил его от смертельной боли.

Снаружи их уже ждали – трое из шестерых, успевших выбраться из «Дилижанса». Неплохое соотношение. Им не откажешь в чутье, подумал Картафил. Шакалы, его вечные спутники. Кто-то же должен был пожирать останки...

Глядя на них, он еще раз убедился в том, что дьякон безошибочно выбирает тех, кому нечего терять. Глюк не нуждался в их помощи; они не обладали ни одним из его талантов. Это были недоношенные ученики, которые разнесут по миру легенды о Черном Дьяконе. И каждый из них был Иудой...

Живодер прислонился к своему фургону, в котором бесновались и выли собаки. За частой стальной решеткой мелькали оскаленные пасти и сверкали налитые кровью глаза. На фургоне были надписи, сделанные цветными самоклеющимися пленками: «Закрытое акционерное общество «Мыловаренный завод». Ловля и отстрел бродячих животных».

Глюк прочел это. Слово «ловля» означало новые возможности, которыми не следовало пренебрегать. Четвероногие отыскивали двуногих по запаху. Дело осталось за малым – нужно было придать им правильный импульс.

В сознании глюка промелькнули сценки из «Восстания домашних животных»: город, ввергнутый в хаос; растерзанные трупы на улицах; стаи собак, осаждающих дома; вертолеты, с которых разбрасывают отраву и поливают тротуары пулеметным огнем... Темный Ангел одобрил его импровизацию.

Двое других уцелевших во время бойни в «Дилижансе» стояли возле проржавевшего «ВАЗ», демонстративно положив руки на капот. Ребята схватывали быстро.

Дьякон поманил к себе водителя фургона. Когда существо приблизилось, глюк частично использовал матрицу Гурбана...

Человек отшатнулся. На мгновение ему показалось, что на лице дьякона появился огромный, черный, влажно блестевший и окруженный рыжей шерстью собачий нос.

Глюк с шумом втянул в себя воздух и уловил исходивший от двуногого густой мясной дух. Он получил представление о чувстве неутолимого голода...

Водитель фургона и сам смахивал на зверя. Его уплощенный в области темени череп был вытянут, а челюсти сильно выдавались вперед. Он с шумом выдыхал через волосатые ноздри; крылья носа возбужденно трепетали. Человек держал в руке плеть. За пояс был заткнут нож для снятия шкур.

– Я призову тебя, когда ты понадобишься, – сказал дьякон. – Будешь ловить людей, а не собак... И наведи-ка здесь порядок.

За поворотом была припаркована черная «победа» – явный анахронизм, неведомо как попавший сюда из музея самого мрачного периода истории. Дьякон сел впереди; Картафил, державший в руках изотермический контейнер с жидкокристаллическим дисплеем на верхней крышке, устроился на заднем сиденье.

Внутри контейнера находилось левое полушарие Ники. Но это было нечто большее, чем бак для отходов. Идея хозяина срастить человеческий мозг с процессором показалась Картафилу с ногсшибательной (хотя он и скромно полагал, что дьякон выбрал не лучшие комплектующие). Он рассчитывал позабавиться с «Ники» на досуге. Однако прежде нужно было закончить

грязную работу.

— Поехали, Лизавета, — сказал дьякон, не прикасаясь к рулю и педалям.

«Победа» мягко тронулась с места. Ее двигатель (если у нее вообще был двигатель, в чем Картафил сомневался) работал совершенно бесшумно. В сумерках машина была похожа на черный призрак, оснащенный хромированными безделушками и резиновыми протезами. Необъяснимым образом она казалась МЯГКОЙ, будто сгусток воздуха со дна колодца или обтянутый кожей диван на колесах — в самый раз для видеосалона, специализирующегося на ужастиках.

Машина скользила по темным улицам, как акула в лабиринте затонувшего города. Даже самые пустынные места были наполнены человеческим шепотом, эхом присутствия, аурами, давно слившимися в единое поле. Людям был знаком только мелкий, естественный страх. Архетипы сверхъестественного находились под поверхностью океана сознания — скалы, которые гасили накатывавшиеся отовсюду волны ужаса и охраняли рассудок. Эта защита представлялась охотнику смехотворной. И все же существовала Блокада... Заплесневелый городишко нуждался в основательной встряске. Клон, контролировавший территорию, должен был понять, что начался настоящий террор.

«Победа» удалялась от того места, где водитель фургона и два его добровольных помощника поливали бензином пол и стены в «Дилижансе».

Глава тринадцатая

Дай мне абсолютный контроль над каждой живой душой...

Леонард Коэн

Неприятное это чувство – когда почва уходит из-под ног. Особенно в фигуральном смысле. Человек, широко известный в узких кругах как Школьник, испытывал нечто подобное в течение последних двадцати четырех часов. Раньше с ним такого не случалось. Причина была очевидна, но Школьник сомневался в том, что сможет быстро ее устраниТЬ. Все зашло слишком далеко.

Он размеренно покачивался, утонув в кресле-качалке, и слушал вариант легенды о Черном Дьяконе, который излагал Муса – его медиум и по совместительству агент «Славщиков» на государственной таможне.

Вплоть до вчерашнего вечера Школьник не жалел о своем дорогостоящем «приобретении». Муса прикрывал поставки оружия, наркотиков и дешевой водки в обмен на белых наложниц для гаремов. Школьник считал это исключительно грязным делом, но не испытывал ни малейших угрызений совести. Для него просто не существовало альтернативы, а совесть – это было что-то слишком человеческое. Люди из «Револьвера и Розы» могли гордиться своим воспитанником. Он раскачивал утлую лодку Коалиции, оставаясь практически незаметным. И, как он надеялся, незаменимым...

Школьник уже был знаком с тремя вариантами легенды – из трех разных источников. Они отличались незначительными частностями и совпадали в основном. Ни один из вариантов не давал ответа на вопрос о происхождении Черного Дьякона, но как раз об этом Школьник мог догадываться.

Не было смысла обманывать себя. Он признал превосходство Дьякона. Тот обладал способностями, которые Школьнику и не снились. По иронии судьбы у них оказалась одинаковая промежуточная цель – хаос и разрушение системы. За короткий срок Дьякон преуспел в этом гораздо больше Школьника. И все же это еще не было полной победой. Кроме того, возникал вопрос: а что потом?

Школьник с отвращением смотрел на мужчину, корчившегося от воспоминаний. Болезненная штука – абсолютная память. Врагу не пожелаешь. Но Муса не был врагом – во всяком случае, сознательным. Понадобился совсем неглубокий транс, чтобы вся грязь всплыла на поверхность и полилась изо рта. Помойка, а не мозг. И это – окончательный диагноз...

Они остались вдвоем в рабочем кабинете шефа «Славщиков», оборудованном по последнему слову техники. Находясь внутри, трудно было предположить, что убежище Школьника представляет собой баржу, которая стоит на якорях посреди реки. Трюм был отделан со всей доступной роскошью, и старая посудина превратилась в комфортабельный плавучий дом.

Люди Школьника подняли катер Мусы на палубу при помощи лебедок и теперь резали его автогенами на части. Этот человек уже стал БЫВШИМ и должен был исчезнуть без следа. Он ни на что не годился, хотя и сохранил все свои органы в неприкосновенности – за исключением головного мозга. Школьник произвел тщательное зондирование. Он сделал бы это с каждым, кто вырвался из лап охранки одним живым куском.

Таможенник не выдержал испытания. Школьник чуть ли не впервые столкнулся с таким совершенным пенетратором^[3]. Слишком глубокая и тщательная маскировка. Муса не успел осуществить ни одной передачи, но от медиумов-ретрансляторов все равно избавляются – и как

можно скорее. Таковы правила игры, одинаковые по обе стороны Блокады...

Школьник выглядел лет на шесть. Очаровательное лицо было свежим и покрытым пухом, будто спелый персик. Большие серые глаза смотрели пытливо и открыто, а маленькие губы часто складывались в обманчивую гримасу беззащитности. У него был чистый незагоревший лоб. На глаза спадали длинные мягкие волосы – золотистые, как у ангелочка на дешевой открытке. Единственной недетской чертой в его облике были длинные ногти, отросшие на пальцах... Это был развитый «ребенок». Вероятно, даже слишком.

Никто не знал, каков его возраст на самом деле. Школьника окружала завеса искаженного времени и ложной памяти. Он появился в банде «Сплавщиков» всего четырнадцать месяцев назад, но вряд ли хотя бы один из «диких» помнил об этом простом факте. Ему понадобилось только шесть недель, чтобы установить полный контроль над группировкой и избавиться от потенциальных конкурентов. Он не задумываясь жертвовал витальной энергией, и эта «щедрость» приносила потрясающие результаты. «Дикие» считали его мутантом-плюсом; он быстро приобрел репутацию самого влиятельного из баронов подполья.

При любых обстоятельствах он предпочитал оставаться в тени. Его ближайшие коллеги появлялись из этой тени чрезвычайно редко и только за тем, чтобы взять свое. Безусловно, Школьника на самом деле не интересовали наркотики, деньги, комфорт, оружие, девочки, власть. По большому счету для него ничего не значила даже собственная судьба. Так он был «воспитан». Он был ходячей психотронной бомбой практически неограниченной мощности. Во всем шестимиллионном мегаполисе его интересовала по-настоящему только одна вещь – Терминал – и только те люди, которые могли иметь отношение к этой игрушке.

* * *

Единственным источником света был огонь, пылавший в камине. Маленькое тело скрючилось в глубине кресла. Школьник был одет в шорты и майку с надписью «Юридическая академия». Справа от него стоял столик с бокалом темно-пурпурной жидкости. Это была смесь «кагора» и только что сцеженной крови. Школьник вовсе не являлся извращенцем. Он просто потреблял продукт, способствующий зондированию и быстро восстанавливющий силы.

Кресло раскачивалось, будто маятник часов, которые отсчитывали последние секунды жизни медиума. Пол кабинета был покрыт дубовым паркетом из имения бывшего губернатора. Школьнику нравилось дерево – «теплый» естественный материал, не создававший помех для энергообмена. Доски паркета издавали жалобные скрипы. Еще жалобнее звучал слабый человеческий голос. Мусе, пребывавшему в странном полусне, казалось, что кому-то прищемило пальцы...

Он рассказывал Школьнику о том, как легко Дьякон разбрался с людьми Атабека. Потом он почувствовал боль. Она зарождалась в кончиках пальцев, под ногтями, и колючими сороконожками пробегала по рукам. Стены кабинета и даже фигура хозяина представлялись Мусе полупрозрачными. Это была только пелена, скрывавшая прошлое. Нечто, трансформирующее пространство в измерение «Х». Но никто, кроме Школьника, не мог отменить нарастающее жжение в конечностях. Боль присутствовала постоянно – как компенсация за эпизоды жизни, прожитые дважды...

Муса снова «видел» ЭТО: трупы боевиков Атабека, висящие на столбах; длинноволосого из свиты Дьякона, расстреливающего проституток на улицах; Мормона, сжигающего лавки и бумажные деньги; своры бродячих собак, пожирающих калек и уродцев, которые скапливались на Тротуаре Нищих; старый черный автомобиль без водителя, неуязвимый для реактивных

гранат и крупнокалиберных пулеметов...

Лицо Школьника оставалось по-детски безмятежным, несмотря на то что память медиума воспроизвела не вполне правдоподобные вещи. Память могла быть ложной. Если верить Мусе, Черный Дьякон был чем-то средним между Микки-Маусом и Бэтменом – персонажами старых комиксов для слабоумных подростков. Но, как ни странно, Школьник верил. Он умел «качать» информацию. Без этого он не мог бы выполнить свою задачу. Подлинная информация стоила дороже всего. Иногда, как в данном случае, – дороже жизни самого медиума...

Муса поведал хозяину даже о том, о чем сам не подозревал. Например, о человеке, направлявшемся в федеральную тюрьму для проведения инспекции. Чиновник за пределами Блокады – это почти всегда крайне уязвимый мозг...

Школьник позволил себе немного расслабиться. Теперь он знал, на кого сделает очередную ставку и каким будет следующий ход. Он поменяет фигуры местами. Кажется, это называлось «рокировкой». В терминах глюка – пересадкой матрицы.

Школьник презирал шахматы. Глядя на доску, он никогда не мог преодолеть искушения манипулировать шестнадцатью ферзями одновременно.

* * *

Боль становилась доминирующей. На фоне ее ослепительных вспышек сливался с неразличимым эмоциональным фоном даже страх. Последнее, худшее воспоминание Мусы: неродившийся семимесячный ребенок, которого привез в рюкзаке человек на мотоцикле, – окровавленный и мертвый зародыш, плывущий по воздуху в руки Дьякона; краткий ритуал жертвоприношения; лысый негр за рулем заляпанного грязью лимузина... Кусочки абсурдной мозаики, сложить которые у медиума не осталось времени. Это сделает за него хозяин. А сейчас главное – сохранить пальцы, охваченные холодным огнем...

Сквозь размытые контуры ускользающего прошлого проступило неотвратимое настоящее: пятно огня, дрожавшего в камине; потолок плавучего металлического гроба; мужчина-мальчик в кресле-качалке – щенок, которого при других обстоятельствах Муса мог бы задушить одной рукой... если бы сумел приблизиться к тому хотя бы на метр.

Потом он опустил взгляд ниже и обнаружил толстую иглу, торчавшую из вены. Одноразовая система для переливаний была заполнена кровью. Во время транса проклятый сопляк выкачал из него не меньше полутора литров. Теперь Муса чувствовал мучительную слабость, головокружение; все, что он видел, было зернистым, как на плохой фотографии...

Но откуда взялась эта боль, вгрызающаяся в нервы в унисон с колебаниями кресла? Он с трудом поднес пальцы к лицу – суставы были раздавлены; на ладонях остались багровые следы от полозьев. Хуже всего, что он не помнил, где и когда так сильно пострадали его кисти. Впрочем, через минуту и это перестало иметь какое-либо значение...

Школьник нажал длинным ногтем какую-то кнопку на пульте дистанционного управления. Он выглядел слишком утомленным для того, чтобы встать. Оказывается, пульт все время валялся под его тощей задницей...

Муса догадался: за ним пришли. Он не рассыпал чужих шагов – пульсирующий шум в голове был единственным достоверным звуком. Кто-то выдернул иглу из вены. Двое «Славщиков» поставили его на ноги и выволокли наружу.

Муса настолько ослаб и утратил волю к сопротивлению, что позволил бы им все. Ниже пояса он вообще ничего не чувствовал, а туловище напоминало мешок с отрубями... Небо показалось ему затянутым кожей, снятой с негра. Мир был перекошен и неузнаваем – следствие

вмешательства Школьника в его восприятие. Вокруг баржи плескалась жирная вода. Мимо с ревом пронеслась патрульная лодка – как нож сквозь масло. Гранитные берега соскальзывали к чертовой бабушке, словно отделенная от тулowiща голова Мусы лежала на движущемся конвейере... Справа, подвешенный на крюке лебедки, висел двигатель, который бывший таможенник принял за огромное сердце, истекающее черной кровью...

Увидев, чем заняты «Сплавщики» на палубе под импровизированным навесом, Муса чуть было не рассмеялся – но даже на это простое действие у него не хватило сил. Его челюсть отвалилась, по подбородку стекала розовая слюна – оказалось, что он откусил себе кончик языка в кабинете Школьника. Муса все же тонко захихикал, однако это было больше похоже на кваканье.

«Кого вы собрались оперировать, придурики?» – хотелось спросить у «Сплавщиков», суетившихся вокруг стола с фиксаторами. Почему-то это занятие представлялось ему чрезвычайно смешным – здесь, на металлической палубе баржи, которая стояла на якорях посреди реки!

Тошнота, возникшая от пребывания в вертикальном положении, не испортила ему настроения. Школьник сделал его счастливым пациентом. Вот что, оказывается, нужно для этого – сцедить немного крови, снять напряжение, понизить давление до минимума. Никаких наркотиков. Никаких гарантий будущего выздоровления. Никаких обещаний вечной жизни. Ты отдаешь кровь; мальчик с глазами тысячелетнего убийцы причащается – и все. Эйфория...

* * *

(В это самое время старику снился странный сон. Станный – потому что в нем фигурировало имя Йозеф. За это имя он тщетно пытался зацепиться и во сне, и наяву. Оно означало что-то важное. Может быть, жизненно важное.

...Он бродил по малолюдным улицам какого-то города в поисках вокзала. Ему во что бы то ни стало надо было уехать из этого ужасного места. Город затягивал, как трясина, и не хотел отпускать. Кварталы безликих домов возникали за каждым новым поворотом, будто ветви дерева, растущие со скоростью ползущего внутри червя. Все люди, у которых стариk спрашивал дорогу, обманывали его. Или же они сами были обмануты и верили в то, чего не существовало. Похоже, из города вообще нельзя было уехать.

К исходу ночи, прошедшей в сновидении, стариk убедился в том, что вокзал – это миф, красивая сказка, данная в утешение. «Ты никогда не выберешься отсюда», – злорадно шептали гарпии, присевшие отдохнуть на крышах зданий и обращенные в камень. С их крыльев осыпалась крошка...

Рассвет застал его в пустынном пыльном переулке. Он добрел до перекрестка и услышал мягкий топот. Повернул голову вправо – и отшатнулся. Прямая улица тянулась до горизонта, над которым вспухал слепящий гриб. Стариk невольно зажмурился. Но топот нарастал, и он открыл глаза. На него надвигался громадный верблюд, белый и неправдоподобно чистый, как только что выпавший снег.

В первый момент старику почему-то показалось, что с животного содрана кожа. Горбы, похожие на две горные вершины, размеренно колыхались. С губ верблюда слетала пена. Розовые глазки альбиноса выражали лишь тупую неотвратимость.

Но еще страшнее был всадник в боевом облачении бедуина. Вместо лица – череп; вместо глаз – черные провалы. Костлявая рука скелета скимала саблю, яростно сверкавшую в лучах восходящего солнца.

Старик дернулся влево, затем вправо; бежать было некуда. В любом случае он не успел бы спрятаться за угол ближайшего здания и оказаться под защитой каменной стены. Верблюдальбинос приближался стремительно, двигаясь с гипнотизирующим совершенством.

За несколько метров до жертвы всадник-смерть сделал неуловимое движение рукой. В воздухе мелькнул какой-то темный предмет. Старик, вообще-то не отличавшийся ловкостью, инстинктивно поймал его. Времени у него осталось только на то, чтобы понять: это деревянная табличка, а на ней – совокупность нулей и единиц, обозначавшая слово «Йозеф» в системе «Абджад».

Старик сделал последнее в том сновидении открытие: смерть использует двоичный код. Еще бы – миллиарды клиентов, огромные базы данных, сложнейшая бухгалтерия...

Белая гора надвинулась, заслонив собою солнце. Упала благодатная тень. Отливающий синевой нездешнего неба клинок мгновенно и безболезненно снес старику голову. Мир завертелся, будто сорвавшаяся с оси карусель.

Ровно секунду старик привыкал к мысли, что отрубленная голова продолжает видеть, отправившись в полет и при этом хаотически вращаясь. В какой-то момент в поле зрения промелькнуло тело, которое удержалось на своих двоих. Из шеи толчками выплескивалась кровь. Фейерверк таких же малиновых капель сопровождал кувыркающуюся голову. Это было почти красиво. Еще одно утешало – полная анестезия. Старик будто смотрел дурацкий, но чрезвычайно реалистичный клип...

Потом приблизилась земля, несколько раз поменялась местами с небом, и все застлала туча поднявшейся пыли. Голова оглушительно чихнула. Вдобавок соринка попала ей в левый глаз. Тот начал слезиться; голова отчаянно заморгала, пытаясь восстановить зрение. Дергающееся веко напоминало шторку в срабатывающем затворе фотоаппарата... В рот будто набилась вата. Голова принялась отплевываться – занятие почти безнадежное, учитывая, что трахея с идеально ровным срезом оказалась погруженной в кучу песка.

Помощь подоспела неожиданно – как ни странно, со стороны тела, неуклюже притопавшего на поиски головы. Сквозь серый туман протянулись две усохшие кисти. В течение минуты они слепо шарили по земле, пока не обнаружили пропажу. Старик стал хуже слышать – это собственные ладони закрыли ему уши. Потоки крови превратились в отдельные капли, которые оставляли прерывистый след на тротуаре.

Смерть на белом верблюде давно исчезла. Тело схватило голову под мышку и отправилось на поиски вокзала. Табличка с двоичным кодом была пунктуально прицеплена к нагрудному карману на манер бэджа. Не хватало только фотографии. Впрочем, ее с успехом заменил оригинал, не нуждающийся в сличении.

Старик отыскал вокзал перед самым пробуждением...)

* * *

Испытывая чистое и совершенно новое чувство – огромную благодарность к живому генератору счастья, – Муса лежал на столе, пристегнутый десятком ремней и хомутов, и смотрел в кожаное небо. Возле горизонта на западе кожа казалась ему особенно гладкой, лоснившейся и приобретавшей красивый лиловый оттенок. Муса решил, что там находится одна из божественных ягодиц, проткнутая позолоченным шпилем (иглой шприца?) главной башни университета. Бог делал себе инъекцию. «Приход» – и молнии засверкали в тучах...

Муса не мог пошевелить конечностями, даже если бы захотел. Но с чего ему делать это? Ощущение счастья и самодостаточности было таким острым и всеобъемлющим, что он и не

помышлял о сопротивлении.

Потом он обнаружил, что ему становится трудно дышать. Широкий ремень сдавливал живот и выжимал кишки вверх, к диафрагме. Муса попытался поднять руки, но хомуты держали мертвого.

Даже теперь игла страха не достигла его мозга. Последовала чисто физиологическая реакция, однако Муса не сумел помочиться. В паху скручивалась в спираль раскаленная проволока...

* * *

Один из «Славщиков», принимавших участие в подготовке к экзекуции, спустился вниз. Он достал из холодильника банку с пивом и развалился в том же кресле, где до него недавно сидел Муса.

— Не пойму, для чего ты с ним возишься... — Он сделал красноречивый жест, чиркнув ребром ладони по горлу. — И за борт.

— Мне нужны люди, — бросил Школьник из темноты.

— По-моему, этот лишний.

— Скажи, что ты делаешь левым мизинцем?

— Не понял.

— Стреляешь? Меняешь обойму? Держишь ложку? Пишешь? Может быть, трахаешь баб?

— Н-нет.

— Тогда твой мизинец — лишний. Что ты скажешь, если я его отрежу?

«Славщик» заткнулся.

— Иди наверх. Смотри в оба. Я жду гостей.

* * *

Муса по-прежнему улыбался как кретин во время приятной процедуры в лечебнице.

Пейзаж раскачивался, словно выбрировала видеокамера, вмонтированная в опустевший череп. Тусклое изображение отличалось к тому же плохой наводкой на резкость.

Чернота хлынула сверху, из космоса. Это был конец света для единственного зрителя. Муса немного приблизился к небу, прикоснулся макушкой к коже темного бога, а затем его бросили вниз, туда, где пространство было мутным и вязким.

Теперь, когда мир скрылся из виду, Школьник «отсоединился» от медиума. Мусе показалось, что из него выдернули питающий кабель, перерезали пуповину, ненадолго связавшую его с матерью вечности. Кошмар обрушился на него отправленной лавиной. Удовольствие мгновенно сменилось паникой, спазмом, параличом. Резиновая, черная, воздухонепроницаемая стена безысходности сомкнулась вокруг и затянула лицо тягучей липкой пленкой. Он был бескровлен, заживо замурован в цементный блок, а вслед за тем — утоплен. Многовато для одного человека... Вместо крика он издал сдавленное, задушенное мычание, не в силах разлепить губы. Его рассудок, не находивший опоры, пошатнулся.

И все-таки ему не дали сойти с ума. Кто-то, скрывавшийся за горизонтом, попытался использовать его в последний раз. Боль была испепеляющей, зато потом он был избавлен от боли навеки. Некоторое время Муса еще кое-что помнил и только поэтому боялся будущего, которое уготовил ему Школьник. Будущее было ослепительно, неправдоподобно прекрасным.

Ему казалось, что его уши превратились в жаберные щели, а внутри головы шевелится серая губка, фильтрующая кислород. У зрительных нервов, судя по всему, появились продолжения. Тело не принадлежало Мусе полностью. Кто-то противодействовал клону, «лечил» пациента от искусственно вызванной амнезии, но это уже не имело смысла. Школьник выскоблил его мозг дочиста. В сознании была лишь бесконечная последовательность комнат, стерильных и пустых... Все, что Муса видел снаружи, это мохнатый от водорослей борт баржи ниже ватерлинии и мглистый свет, который сочился сквозь жидкую, искажающую и рассеивающую линзу... Его заставили повернуть голову.

Рядом с ним появилась спроектированная вовне галерея остаточных образов: люди, имен которых он уже не мог бы вспомнить. Это было что-то вроде недолго просуществовавшего личного музея. В нем хранились разрушающиеся экспонаты его памяти. Иероглифы с утраченным смыслом. Мумии вместо живых.

Фигуры сидели и стояли на цементных постаментах; некоторые раздулись до невероятных размеров; у других были подняты руки; третий вытягивали их по направлению течения, словно костлявые флюгеры; четвертые полоскали в воде клочья собственной одежды; пятые уже давно превратились в скелеты – суставчатые головоломки из костей, обросших водорослями и скрепленных известковыми отложениями...

Потом Муса перестал чувствовать что-либо. Он занял место среди боевиков, дежуривших на палубе. Подбор верных людей, не испытывающих сомнений и боли, – это было единственное хобби Школьника.

Глава четырнадцатая

*Возьми меня туда,
Куда ты идешь.
Позволь мне быть в твоей голове
И смотреть вокруг
И видеть то, что ты видишь,
Когда ты смотришь на меня.*

Группа «Джорди»

Инспектор тюрем Леонид Резник шел по специально открытому для него коридору, сопровождаемый понижающимся свистом вертолетных турбин. Он слегка завидовал своему пилоту, которому предстояло прохладиться ближайшие пару часов в гостиничном номере с кондиционером. Может быть, Резник совершил ошибку лет пятнадцать тому назад? Впрочем, с его гипертонией, язвой и нефритом он еще неплохо устроился. Следующая медкомиссия могла стать для него последней на государственной службе.

Блокадные излучатели были отключены на сорок секунд. Резник знал, что случится с ним, если он по какой-либо причине задержится. Или окажется за пределами коридора. Например, оступится и подвернет ногу (после двухчасового пребывания в тесной кабине вертолета ноги затекли). Случится очень нехорошая и непоправимая штука. То, в сравнении с чем запущенная неизлечимая шизофрения покажется легким головокружением.

По долгу службы инспектору приходилось видеть тех, чье сознание подверглось дезинтеграции. У него не было иллюзий насчет собственной ценности – он знал о так называемых «запланированных потерях». Поэтому он ступал крайне осторожно. Неприятный холодок в желудке мешал ему насладиться пейзажем.

Вокруг не было стен, укреплений, заграждений, вышек, бронированных ворот. Вообще никаких пережитков варварства. Был только голый склон холма с зеленеющей травкой и благоухающими цветочками. Простор и свежесть. Внизу, в громадной естественной чаше, лежала Озоновая Дыра. Затянутый утренней дымкой рудник выглядел куда привлекательнее, чем это было на самом деле. Кто-кто, а инспектор мог судить о таких вещах. Ему предстояла деликатная, неприятная и довольно вредная для здоровья работа.

Резник получил повышение недавно и еще не успел вкусить расслабляющего коктейля из привилегий. Он не сохранил ни идеалов, ни наивности, растеряв их где-то по пути. Возможно, поэтому послали его, а не кого-нибудь помоложе и поглупее. Лично ему полученное задание не нравилось еще по десятку причин. Он предпочел бы перелопатить груду бумаг и файлов у себя в кабинете. Он вообще крайне редко видел людей, о которых неусыпно «заботился». И слава Богу! Его клиенты были не из тех, с кем приятно провести вечер за бутылкой вина. Особенно сегодняшний клиент...

Прошло сорок секунд, и Резник облегченно перевел дух.

Внизу его ждал «джип» с двумя охранниками. У парней были плохие зубы, дряблая кожа и не слишком густые шевелюры. Именно то, что инспектор и ожидал увидеть. Парни не отличались приветливостью, и он мог их понять. Место вроде рудника курортом не назовешь. Перевод им не светил и через тысячу лет.

– К директору, – приказал Резник, усаживаясь рядом с водителем. Он предпочел бы обойтись без формальностей, но чиновники такого ранга, как директор, обычно весьма

педантичны и ревностно относятся к малейшим нарушениям субординации. Резник догадывался, что ожидает его в ближайшие полчаса – и это несмотря на подтвержденный приказ, поступивший по каналам правительенной связи за сутки до прибытия инспектора.

Опасения подтвердились. Скучающий директор немедленно принял его у себя в кабинете. Кабинет был обставлен крайне скучно: стол без единой бумаги, лампа с металлическим абажуром, от которого исходил ощутимый жар, компьютер, заменяющий шкаф с делами и картотекой, ржавые наручники на голой крашеной стене. Резник долго не мог решить, являются ли браслеты настоящими или же это произведение искусства, шедевр натурализма, положение которого на стене строго выверено с целью достижения максимального эстетического эффекта.

Потом он разглядел узкую табличку, стоявшую на краю стола. На табличке было написано: «И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем»^[4]. Резник прочел это, когда наклонился над столом, чтобы взять предложенную директором сигару. Он решил, что хозяин кабинета – зануда, каких мало. Ему не следовало бы курить, но он не устоял перед искушением. Последний раз он держал во рту сигару лет десять назад.

– Из конфискованного, – ухмыльнулся директор, неправильно истолковав возникшую паузу. – Вы не представляете, сколько гадости поступает сюда контрабандой. К счастью, мои люди...

– Ну, это далеко не гадость, – заметил Резник, перекатывая сигару в пальцах. Удовольствие было почти чувственным.

– Отделяем зерна от плевел. – Директор лучезарно улыбнулся, рапортая о своих успехах. Эффект этой улыбки слегка ослабляли коричневые пеньки, оставшиеся от зубов. Резник разглядывал их и думал: «Он переигрывает. С чего бы это?».

У директора было круглое розовое лицо, слишком добродушное для его должности, и внушительное брюшко. Казалось, он весь составлен из различных по размеру бильярдных шаров. По его щекам катились капли пота. Он был похож на поросенка, назначенного руководить мясокомбинатом, а лучшего руководителя трудно себе вообразить. Отделять зерна от плевел действительно было чрезвычайно важно. Резник понимал, что в Озоновой Дыре с этим вряд ли возникают трудности.

– Я хотел бы поскорее сделать то, за чем прилетел, – сказал инспектор, чтобы избежать обстоятельной и абстрактной беседы на тему вины и искупления. – Блоки «Б» и «Д», выборочный контроль. Мне понадобятся данные о смертности за минувший год.

– Нет проблем! – весело согласился толстячок после небольшой паузы, и Резник понял, почему директор продержался на своем посту так долго и что сейчас с директором не все в порядке.

Никаких внешних признаков манипулирования не было. Но Резник отшлифовал интуицию за годы ползания по коридорам власти до алмазного блеска. Интуиция являлась его единственным оружием и защитой. В данный момент он даже не знал, за что зацепилась эта самая интуиция. Может быть, директор оказался слишком дружелюбным? Или дело было в сигаре? О чем сигнализировала предложенная сигара?

Инспектор решил, что поищет ответы на все вопросы потом, однако «потом» для него так и не наступило.

...После этого не было ничего, заслуживающего внимания. Резник наспех проглотил безвкусный обед в обществе толстяка и четырех начальников блоков, что вызвало очередной протест со стороны его язвы. Беседа текла вяло; в присутствии столичного чинуши местные держались замкнуто и настороженно.

Хасан, он же номер шестьсот шестьдесят шестой, проснулся с необычным предчувствием. Серый эмоциональный фон был нарушен – будто красное пятнышко неожиданно возникло на черно-белой фотографии. Через секунду он вспомнил: сегодня – его последний день.

И все же он прекрасно выспался. Неплохо для того, кто приготовился умереть. Сны были нейтральными. Мозгокрут оставил его в покое – должно быть, Хасан уже считался отработанным материалом. С ним все было ясно – а разве он не стремился подсознательно к этой ясности?

Оказавшись здесь, он не мог решить, повезло ли ему с номером или нет. Все зависело от того, кто из двух гроссмейстеров принял над ним руководство. Во всяком случае, в него закралось подозрение, что это просто дурацкая шутка тюремного регистратора, начитавшегося мелодраматических историй, которые Хасан относил к древним аналогам бульварной литературы. Очень скоро подобные частности перестали иметь какое-либо значение.

…Предчувствие так и не превратилось в ожидание. В его положении «надежда» была равносильна самоистязанию с переходом в суицидальный синдром. Хасан схлопотал огромный срок. Два пожизненных за убийство, терроризм, измену, организацию антиправительственного заговора и еще довески по десятку статей за менее впечатляющие грехи. Амнистии и сокращения срока заключения были придуманы не для таких, как он. Порой он терялся в догадках, почему его не убрали еще до суда. Да и здесь он мог умереть в любой момент. Поводов и способов было предостаточно. Поэтому его «хорошее поведение» тоже не имело значения, но смысл вести себя хорошо был. Почти всегда Хасан вел себя хорошо – оказалось, что так гораздо удобнее и полезнее для здоровья.

Но со здоровьем неизбежно возникли проблемы. Номер шестьсот шестьдесят шестой знал, что не протянет и десятой части срока, на который рассчитывал первоначально. Когда симптомы проявились со всей очевидностью, он сам поставил себе диагноз – лейкемия.

Грех было жаловаться; многие, даже более молодые и сильные, загибались раньше. Какие-нибудь три года в Озоновой Дыре можно считать отсрочкой смертной казни, которая формально была давно отменена. Отсюда не сбегал никто и никогда – не те физические кондиции, не говоря уже о локальной Блокаде. На этот счет не существовало даже лагерных мифов, которые обычно сочиняют одни глупцы, чтобы другие могли утешаться и предаваться бесплодным фантазиям.

Шестьсот шестьдесят шестой не был глупцом. Он заранее знал, где и как покончит с собой, пока на это простое действие еще хватит сил. Выбранное им место находилось в заброшенном забое, расположенному на четырехсотметровой глубине. Лежать там – значит устроиться в высшей степени спокойно. Хасан позаботился обо всем. Никто не потревожит его кости… если, конечно, труп не будет найден и сожжен в уютном тюремном крематории.

В любом случае память и посмертная слава ему обеспечены. Толстозадые лицемеры из правительства уже пополняли дырявый бюджет за его счет. Он знал, что двойник «супертеррориста», «убийцы века» давно торчит в столичном музее восковых фигур, принося небольшой, но стабильный доход. Интересно, во что его одели эти придурки? Он любил черное и белое. Никаких полутоонов… Итак, он со всем покончит сегодня. Завтра он уже будет слишком слаб.

До подъема оставалась примерно пара минут. Номер шестьсот шестьдесят шестой совершил туалет в полной темноте. Его движения были замедленными, но доведенными до автоматизма. За тысячу суток он изучил каждый квадратный сантиметр камеры. Стены были

покрыты надписями и рисунками. Хасан презирал такие формы самоутверждения и развлечения. Он сидел в одиночке, и это казалось ему по-настоящему положительным моментом. Общество какого-нибудь идиота могло сделать отсидку невыносимой. Даже собственной глупости иногда достаточно, чтобы сойти с ума. Хасану вполне хватало неизбежных контактов с «коллегами» во время переклички и работы в руднике. Когда-то он умел оказывать влияние – особенно на молодых, – но все это в прошлом. Те, которые его сажали, были людьми инертными, осторожными и добросовестными.

Прогулка сирена подъема – задолго до Судного дня. Вспышка мощного светильника могла бритвой полоснуть по глазам, но Хасан вовремя опустил веки. Зрачок телекамеры нашел его стоящим лицом к двери. Он вложил руки в специальные пазы. Ему не пришлось ждать долго.

Вскоре он услышал, как щелкнули браслеты на запястьях – еще одна дурацкая мера предосторожности. Лязгнули автоматические замки; номер шестьсот шестьдесят шестой сделал два шага вперед и оказался на зарешеченном балконе. Прямо под ним был глубокий продолговатый колодец, в стенах которого на нескольких ярусах располагались камеры. Хасану они напоминали каюты на гигантском корабле отверженных, неподвижном в пространстве, но непрерывно падающем в бездонную яму времени.

Номер шестьсот шестьдесят шестой относился к категории особо опасных. Это означало спецрежим, спецмаршрут, спецработы. В таких условиях поневоле станешь фаталистом. Хасан не предполагал, что судьба еще раз сыграет с ним в азартную игру. Он был битой картой и не искал оправданий этому факту. В свое время его камеру поочередно посетили православный священник и мулла (раввина прислать не рискнули). Они показались ему коммивояжерами, пытавшимися продать прошлогодний снег. Он терпеливо выслушал каждого, но в ответ не произнес ни слова. Они ничего не могли ему предложить. Больше они не возвращались.

Сегодня спецрежим был нарушен – впервые за три года. В пищевом блоке Хасана накормили лучше, чем обычно. Номер шестьсот шестьдесят шестой всегда ел в одиночестве. При желании это можно было счесть привилегией, а узкую клетку с металлическим столом – отдельным кабинетом в диетической забегаловке. После кормежки его не отправили на работу, а вернули в камеру.

Хасан не задавал бессмысленных вопросов. Он пытался получить удовлетворение от каждой оставшейся секунды жизни. Он перебирал все удовольствия, какие только мог вообразить, и не находил того, ради чего стоило бы жить. Таким образом, у него появился шанс зацепиться за настоящее. Время таяло катастрофически...

Через полчаса наконец появился тот, кто мог предложить стоящий товар.

* * *

Человек, торговавший последними искушениями, был типичным чиновником – бледным, трусливым, исполнительным, близоруким, наверняка обремененным больной уродливой женой и ребенком-подростком, об уличных шалостях которого он еще не подозревает. Впереди его ожидали сплошные разочарования. Но хуже всего, с точки зрения Хасана, было то, что посетитель оказался евреем. Мельчает контора, подумал номер шестьсот шестьдесят шестой, прежде чем открыл рот.

– Поцелуй меня в задницу, грязный еврей! – сказал Хасан и даже произвел телодвижение, будто собирался обнажить упомянутую часть тела.

Ему окончательно испортили последний день. Он ненавидел евреев. По его мнению, те были виноваты во многих бедах, если не во всех. Они проводили коммунистические

эксперименты, изобрели атомную бомбу, прибрали к рукам целые отрасли, а затем развалили их, они перекроили мир, вывели на орбиту «Абраксасы», высосали арабскую нефть. Незадолго до начала Джихада они впервые получили реальную власть и в этой стране – и что они с нею сделали?

Арийцы понимали степень опасности и действовали соответственно. Христиане нового времени оказались тупыми и мягкотельными импотентами, и за дело взялись мусульмане. Но и это тоже, вероятно, было частью изощренного и циничного еврейского заговора. Цель? Окончательно обескровить противника.

Неужели все началось более двух тысяч лет назад с казни одного-единственного идеологического террориста? Хасан был уверен в этом. Еще он был уверен, что, когда ближайшая цель будет достигнута, евреи не успокоятся, пока не захватят всю планету. Но что они предпримут потом?

Он сплюнул инспектору под ноги. Слюны почти не было. После этого Резник мягко отстранил охранника, приготовившегося выбить заключенному оставшиеся зубы.

– Подождите снаружи, – приказал безукоризненно вежливый и сдержаный еврей. – Я хочу побеседовать с ним наедине.

– Будьте осторожны, господин инспектор, – буркнул охранник таким тоном, каким, наверное, советовал своей дочери не давать себя лапать в начальной школе.

– Я всегда осторожен, – бледно улыбнулся Резник, и Хасан понял, что тот далеко не дурак. Инспектору ничего не грозило. Даже в сравнении с больным евреем номер шестьсот шестьдесят шестой был развалиной.

– Ребята, у вас проблемы, – сказал Хасан, когда рожа охранника исчезла за дверью. Это был не вопрос, а утверждение. За последние три года он не слышал ничего более приятного, если не считать зачитанного на суде списка его преступлений против Коалиции.

– Можно сказать и так. – Резник не выглядел оскорбленным. Озабоченным – да, но на антисемитизм заключенного ему явно было наплевать.

– Я болен, – заявил Хасан, чтобы еврей побыстрее убрался. Скрывать это было бессмысленно. Он знал, что в случае чего врачи вывернут его наизнанку. – Скоро сдохну. Раньше тебя. А жаль.

– Я знаю. Как насчет трехмесячного контракта? По истечении этого срока вам будет предоставлено...

«Да, хмырек, – думал номер шестьсот шестьдесят шестой, пока инспектор перечислял блага, которые свалиются на голову Хасана, если они договорятся. – Вот это и есть твой потолок. Предел желаний. Разве может быть что-нибудь почетнее, чем сдохнуть в палате люкс в окружении невинных баарнов вроде тебя, одетых в белые халаты, будто ангелочки с подрезанными крыльшками? Знаешь, еврей, лично я мечтаю об этом ежедневно...»

– Никаких больниц, – сказал он вслух, когда ему надоело. – Мои условия...

Номер шестьсот шестьдесят шестой откровенно развлекался после длительного пребывания в пристрации. Инспектор мог смело обещать ему хоть луну в награду. Гарантий все равно не было. Никаких. И скорее всего не будет.

Но Хасан хотел почувствовать, насколько далеко они готовы пойти. Он догадывался, что дело нечисто. Впрочем, чистое ему не предложат. Если его хотели подставить, то, видимо, не учили, что имеют дело с конченым человеком. Если же нет, то давайте назовем их «проблему» своим именем. Тут пахло переворотом.

Инспектор Резник не стал спорить. Он просто смотрел на Хасана воспаленными от недосыпания близорукими глазами. В его взгляде были вызывающие доверие цинизм и усталость. Потом он кивнул и вынул из папки чистые бланки.

«Теряю время», – думал Хасан, пока продолжался весь этот безнадежно устаревший бумажный фарс, хотя процедура заняла не больше десяти минут. Шестеренки бюрократической машины со скрипом провернулись. В результате статус заключенного номер шестьсот шестьдесят шесть радикально изменился.

Вообще-то он согласился бы на предложение властей без всяких условий. Он хотел увидеть человека, заварившего ТАКУЮ кашу. А если позволит здоровье, то и помочь ему довести дело до конца. Возможно, речь шла вовсе не о человеке. Возможно, кое-что изменилось на уровне Орбитального Контроля.

Но Хасан напрасно беспокоился о никудышном здоровье. Искажение началось сразу же после того, как он оставил на бумаге отпечаток своего левого мизинца.

* * *

Хасан был в шоке всего несколько секунд. Обычно самые простые вещи – одновременно и самые убедительные. Он почувствовал, что рот снова полон зубов. Языку стало тесно. Исчез розоватый туман. До этого Хасан будто смотрел на мир через раствор крови. Вместо набитого ватой манекена появилось тело, которое можно было контролировать, а это уже кое-что.

Изменились ракурс и перспектива. Он стал лучше слышать, оживилось обоняние. Черт, он уже начал забывать, что мир довольно шумное, разноцветное и ароматное место. Даже если это место представляет собой одиночную камеру в самой прочной тюрьме на свете.

Значит, жизнь взаймы? Сколько это стоит? Такую сделку он заключил впервые. Он еще не знал, кто является его благодетелем, но догадывался, что отработать должок придется. А если это интриги Мозгокрута? Тот ничего не дает даром...

Он посмотрел на идиота, зашевелившегося на полу. Внешне «рокировка» произошла совершенно незаметно. Телекамера зафиксировала только внезапный обморок заключенного. Сознание Резника было разделено так, что, с одной стороны, Хасан получил всю необходимую информацию, а с другой – номер шестьсот шестьдесят шестой мог просуществовать еще некоторое время в состоянии овоща. Такой расклад вполне устраивал заключенного. БЫВШЕГО заключенного!.. У него на глазах его прежнее тело помочилось под себя. Огромное пятно расплылось на тюремной робе. Запахло мочой, и Хасан не отказал себе в удовольствии пнуть ногой мешок с костями, который бессмысленно таращил глаза и улыбался.

Хасан не пытался разобраться в мотивах. Ненависть к своей слабой, отмирающей оболочке – это совсем не то, что ненависть к самому себе. Тут был некий элемент очищения, освобождения, компенсация ущербности, не говоря уже о физическом превосходстве... Он пинал бедного идиота до тех пор, пока у того не начали лопаться розовые пузыри на губах. После этого Хасан спокойно собрал бумаги и сложил их в кейс, зная, что его срыв не остался незамеченным. Диагноз «нервное истощение» его вполне устраивал. И неизбежное взыскание тоже. Он нуждался в отпуске и свободном времени. Впрочем, его время уже ему не принадлежало.

Перед отлетом Хасан зашел в туалет для персонала и убедился в отсутствии средств наблюдения. Он остановился перед зеркалом, висевшим над умывальником, и некоторое время внимательно разглядывал отразившееся в нем одутловатое лицо. В каком-то смысле он видел его в первый раз – в таком ракурсе.

Мешки под глазами. Синеватые веки. Залысины. Уши с большими мочеками. Толстые бледные губы. Плохо выбритые щеки. Управление мускулами жирноватой физиономии требовало определенного навыка...

Давали знать о себе боль в желудке и радикулит. Бывший номер шестьсот шестьдесят шестой обнаружил, что инспектор носит ортопедическую обувь. Придется привыкнуть к близорукости, но очки необходимо заменить на контактные линзы. Зато ногти целы. Вспомнив кое о чем, Хасан расстегнул брюки и посмотрел вниз. Вздохнул с облегчением. Инспектор не был обрезан, а на все остальное – чрезмерный животик, прогрессирующее облысение, плохие зубы и даже язву – Хасану было плевать. В сравнении с загибающимся от лейкемии заключенным он чувствовал себя живчиком, только что вернувшимся с курорта, который расположен где-то в окрестностях рая.

Он порылся в карманах мешковатого костюма. Достал бумажник и пересчитал деньги. Затем изучил hologрафические карточки жены и детей – девочки лет четырнадцати и мальчика лет восьми. Особое удовольствие доставило ему наличие членского билета «Объединенного союза национальных меньшинств» с номером из первой сотни. Это давало некоторые дополнительные возможности. Не то чтобы большие, но Хасан умел извлекать максимальную пользу из минимальных шансов.

Веселый толстяк директор лично явился проводить его. С результатами видеомониторинга он уже наверняка ознакомился. Теперь в его улыбке можно было прочесть превосходство, словно в рукаве был припрятан старший козырь. «Дыра – это вещь в себе. Не суйся сюда больше, чистоплюй!» – сообщала улыбка директора, приклеенная к лоснящейся физиономии.

– Не договорились? – спросил он с фальшивым участием.

– Нет.

– Он безнадежен. Я предупреждал. Его не казнили только потому, что надеялись проследить связи.

(Насчет «связей» директор, конечно, пошутил. Люди из охранки сумели бы разговорить даже немого.)

– Допросы с пристрастием? Вы не перестарались?

Толстяк сделал большие глаза. В качестве ответов на бес tactные вопросы вполне годились приемы, заимствованные из фарса.

– Перестарались, – констатировал Хасан не без удовольствия. – Он почти труп. Отправьте его в крематорий.

Директор бросил взгляд в небо, словно надеялся прочесть там конкретное предписание для каждого из своих подопечных. Или подтверждение полученного устного приказа. В потоках воздуха от винтов вертолета его выющиеся волосы встали дыбом, образуя вокруг головы подобие трепещущего нимба.

– Можно один вопрос, господин инспектор?

– Даже два.

– Зачем вы его били?

– Он вывел меня из себя.

– Нервишки шалят?

– Немного... Ему это уже не повредит.

– Кто знает! У него что-то с мозгом. Резкое снижение активности коры... Как вы понимаете, я буду вынужден...

– Господин директор! Я нахожу итоги проверки исчерпывающими. Завтра же предоставлю шефу рапорт. Без замечаний. Вы прекрасно поработали. Поздравляю. Главное – соответствие духу, а не букве, не так ли?

Примитивный ход, но конечный результат не важен. Толстяк слишком опытен и осторожен. Хасан знал, что тот будет выжидать. Неделю, две, три – сколько потребуется, чтобы обезопасить себя. Надо успеть... Только время имело значение. Он прочувствовал это за

последние месяцы, когда заживо гнил в камере. Но теперь, кроме времени, появилась еще одна значимая вещь – Терминал.

Кое-что осталось за гранью восприятия. Например, Хасан не осознавал того, что стал фетишистом. И даже хуже – он стал «ведомым» человеком.

На прощание директор еще раз угостил его сигарой.

Глава пятнадцатая

Сам сатана принимает вид Ангела света.

2-е Коринфянам 11:14

Школьник проснулся в холодном поту. Это случилось с ним впервые и означало, что он больше не может контролировать свои сновидения. Из дудочника он превратился в крысу.

Ему приснилось мифическое существо – мать, которой у него никогда не было, – в виде Железной Девы, но с подвижным мясистым лицом. Впрочем, «мясо» оказалось всего лишь пористой резиной на металлическом каркасе.

Во сне Школьник возвратился туда, где ему не довелось побывать, – в материнское лоно. Дева притягивала его к себе; жабье «лицо» улыбалось; между толстыми жирными губами блестело жало языка-шприца...

Мегрец вполне годился для уготованной ему роли. В его случае не могло быть речи даже о непорочном зачатии. Теперь, похоже, что-то сместилось в уникальном мозге. Он начал фантазировать на запретные темы.

Все начинается с извращенной игры, разрушающей табу, – будь это невинный флирт со змеем под райской яблоней или попытка заставить кого-либо плясать под свою дудку. Трезвая часть рассудка подсказывала Мегрецу, что он станет жертвой Эдипова комплекса. Влечение к несуществующей матери, которая представлялась ему орудием средневековой казни (однако далеко не самой мучительной), свидетельствовало о его невольной обреченности. В единый размытый образ «отца» слились мужчины из «Револьвера и Розы», давшие обет целомудрия.

Это была безнадежная ситуация. Клон знал, что очень скоро и помимо его желания она будет спроектирована вовне. И он не сумеет помешать внесенному искажению...

Все произошло даже раньше, чем он предполагал.

В конце того сновидения он оказался в «объятиях» Железной Девы. Обе половинки ее полого тела соединялись ужасающе медленно, вталкивая его в душный мрак, пропахший машинным маслом. Скрип мощных пружин был тут единственной музыкой, а навстречу его глазам, кишкам и сердцу устремились отполированные шипы.

Он был слишком мал для Девы, изготовленной в соответствии с размерами взрослого человека. Поэтому его глаза уцелели, а шип, пробивающий сердце, лишь слегка оцарапал левое ухо. Мегрец остался стоять, стиснутый во тьме металлического чрева, обездвиженный параличом, который предшествовал выпадению в реальность...

Ему повезло. В отличие от многих других он был предупрежден о приближении конца.

* * *

Наяву он утрачивал контроль над своей территорией. Проснувшись, Школьник не почувствовал себя отдохнувшим. Он устал. Он смертельно устал жить в тени Ангела, накрывшей этот город и вдобавок – половину северного полушария. Ему надоела его работа – он был вроде надувного плотика в бездонной и безбрежной луже дерьяма. В него вцепилось слишком много рук.

Ни о каком «прогрессе» нечего было и мечтать. Все, на что он был способен, – это поддерживать собственное шаткое равновесие и ограниченную плавучесть. Иногда ему

приходилось соглашаться на компромиссы, и в подобных ситуациях он больше, чем когда-либо, напоминал человека с пилой и конечностями, пораженными гангреной. И кто посмеет сказать, что у него не было выбора?..

Однако проблема заключалась не только в нем самом. Появился внешний фактор – новый, не предусмотренный никакими прогнозами и пророчествами шедевр Мозгокрута.

Школьник подошел к иллюминатору и бросил взгляд на закованную в гранит набережную. В предрассветном тумане застыли катера и моторные лодки «Славщиков». Это была обманчивая неподвижность.

Кое-где виднелись силуэты часовых. Школьника хорошо охраняли. Он был поистине золотым мальчиком. Его ценность понимали и признавали даже члены Ассоциации по ту сторону Блокады. Такими «кадрами» не разбрасываются... Но вряд ли кто-либо сумеет защитить его сегодня. Он принял это легко, как неизбежность. Лишь однажды он заподозрил, что, возможно, был одурачен в самом главном.

Всю жизнь он считал, что борется против режима, который насаждал мнимое совершенство муравейника. Одной из целей деятельности клонов было внесение искажений, не предполагаемых эволюцией системы.

Еще в нежном возрасте он был ознакомлен с догматическими установками «Револьвера и Розы». Начиная с некоторого момента система становится самоорганизующейся. Взаимные связи оказываются настолько многообразными, а взаимная обусловленность – настолько сильной, что каждый «элемент» превращается в идеальный объект для манипулирования и непрерывного программирования. К тому же – на всех уровнях. В конце концов от индивидуума остается только функция. Человеческая ценность равна нулю – в отличие от информационной. Методы извлечения информации становятся все более изощренными...

(Изdevательский голос Низзама раздался внутри его черепа: «А вот это уже смешно. Пробирочные ублудки рассуждают об утрате человечности!»)

Последние сомнения исчезли, растворившись в бесконечном, самоуничтожающем презрении. Проходя мимо старинного зеркала, Мегрец посмотрел на свое ненавистное лицо, обезображенное, по его мнению, слишком пухлыми губами («фамильная» черта? Вот и у Девы из кошмара такие же...). Это было лицо ребенка – причина, по которой не все и не сразу принимали Школьника всерьез. Но теперь и это уже не имело значения. Наступало время, когда будут сброшены маски и мир предстанет в безжалостном свете, озаряющем последнее столкновение.

* * *

Получив знамение в сновидении, клон Мегрец не медлил. То безликое, чему он противостоял, наконец выдавило из своей электронной матки нечто определенное – исполнительный орган, живое орудие возмездия, СУЩЕСТВО.

И в который раз клон убедился в том, что Низзам его не обманывал. Он хорошо помнил все дни и ночи, на протяжении которых шейх Тарика оттачивал на нем свое зловещее чувство юмора. Мегрец хранил в памяти каждое слово учителя, хотя ему было тогда всего около двадцати лет, а лицо и тело соответствовали двухлетнему возрасту. Он даже побывал на экскурсии в Мегиддо и осмотрел окрестности. То, что он увидел, слегка его разочаровало. Мегиддо оказался ничем не примечательной захолустной дырой. Как говорил Низзам, «матч состоится при любой погоде, и, сдается мне, у одной из команд будет огромная форта».

(– Когда?
 – Ты получишь знак.
 – Какой знак?
 – Узнаешь... в день разборки возле Мегиддо.)

Теперь Мегрец понял, что для этого вовсе не обязательно идти в Мегиддо. Каждый получает свое в положенный срок и в положенном месте. Иногда это фатальное «место» – Мегиддо – находится в темноте за глазными яблоками.

Еще не факт, что ему грозило физическое уничтожение. Может быть, произойдет всего лишь последнее искажение, которое сделает его счастливым. Кому, как не воспитаннику Низзама, было знать об этом?

И вот он дождался. Мегрец предвидел, что в его решающей схватке не будет ничего великого или торжественного. Он тихо пойдет ко дну, а перед тем вдосталь наглотается того, в чем приходится плавать. Он был существом, предназначенным для принесения в жертву «во имя цивилизации». Но эта цивилизация всегда останется чуждой ему...

То, чего он ждал, приближалось с левого берега реки. Мегрец не знал точно, как будет выглядеть орудие Мозгокрута (оно могло оказаться чем угодно: от неизвестного вируса до психотронного излучателя размером с Тадж-Махал, который проделает брешь в Блокаде. Но скорее всего это будет нечто человекообразное в плаще священника). Зато клон знал, что творилось в городе в последнее время. Почти все соло – бывшие и действующие – уже были уничтожены. Контрмеры, предпринятые Ассоциацией, охранкой и губернаторской гвардией, оказались неэффективными и привели к еще большему кровопролитию. Дауны становились неуправляемыми. Кто-то «лечил» их страхом. Мозгокрут прекратил трансляциюнейтрализующих ТВ-программ. Сверхъестественные вещи происходили практически ежедневно. «Дикие» плясали на трупах. Люди и раньше убивали друг друга. Даже слишком часто. Но для этого имелась хотя бы одна причина. В этом была логика, смысл, выгода. Без всяких видимых причин убивали только сумасшедшие, которых было не так уж много – следствие некой допустимой социальной энтропии. Однако теперь все изменилось.

Думая об этом, Школьник смотрел, как его люди готовятся к отражению нападения. Если то, что болтают о Черном Дьяконе, верно хотя бы наполовину (а сомневаться в этом не приходится), то все потуги «Сплавщиков» защитить себя совершенно бессмысленны. Им придется иметь дело с продуктом самого «Абраксаса» – с глюком высшей степени достоверности...

Клон вышел на полулу. Он казался жалким самому себе. Безоружный ребенок, единственной надеждой которого оставалась способность искажать реальность, а единственным средством избежать пытки – генетическая бомба.

Но сейчас он был бессилен, как в кошмаре. Тело сделалось непослушным и неощутимым. Он тщетно пытался вызвать движение среды, электромагнитный шум, слиться с реликтовым фоном... Он успел почувствовать только, как внутри у него начал образовываться РОЙ. Затем трансформация была прекращена извне.

Подвергнутый парализующему влиянию, он увидел машину, которая бесшумно возникла из

серого тумана, стелившегося по набережной. Это была не ревущая зверюга Жвырбиса, не шелестящий шинами лимузин Нельсона и не «Кристина» Ролли Лебэя, рыскавшая по дорогам другого континента. Это была старая рухлянь векового возраста, вызывавшая какой-то клаустрофобный озноб. Слишком узкие стекла и чересчур зализанные очертания. Тусклый свет сочился из-под днища. Внутри тесного и тоже слегка подсвеченного салона были различимы два человеческих силуэта на заднем сиденье. На месте водителя никого не было.

Внезапно передняя часть машины начала превращаться в лицо «матери» из последнего сновидения Мегреца. Бампер выпятился, словно чувственная и порочная нижняя губа, а нижний край радиаторной решетки сделался злой и узкой верхней. Сама решетка распалась надвое, обнажая в улыбке никелированные вставные зубы. Мертвые фары-глаза выглядели как потухшие окурки. Лобовое стекло утратило прозрачность, и его поверхность, приобретавшую цвет слоновой кости, избороздили глубокие горизонтальные морщины. Гипсовая маска слепо уставилась в рассветное небо, а затем последовало почти мгновенное обратное превращение. Дурацкая шутка, чуждая всякой логике...

Мегрец считал, что он один был жертвой чужой игры, но в этом он ошибался. Его люди вели себя как круглые идиоты. Решающая схватка получилась очень короткой, сопротивление – смехотворным. Когда клону уже казалось, что все закончится без единого выстрела, «Славщики» вдруг открыли беспорядочный огонь. Через пару секунд они были мертвы. Испарены, превращены в плазму, разложены на составляющие. Школьник очутился в центре скульптурной композиции из пепла. Катера с шипением шли ко дну, словно раскаленные утюги. Невидимый смерч сметал с набережной человеческие фигурки...

Клону не надо было объяснять, что это значит. Черный Дьякон аккумулировал чудовищное количество энергии. Когда огненный шквал пронесся мимо, Мегрец увидел ЕГО.

Блестящая черная фигура с белым пятном вместо лица медленно двигалась вдоль чугунной ограды набережной к тому месту, где ступени каменной лестницы спускались до самой воды. Влажная гранитная стена обозначала границы ловушки, в которую Школьник загнал себя сам.

Дьякон не спешил; в каждом его жесте была неотвратимость. Время уже не являлось определяющим фактором – таким, как энергия. Там, где лучи света из фар «победы» падали на воду, образовывался пар.

Дьякон спустился к реке и на мгновение слился с полосой искусственного тумана.

Потом Мегрец, которого охватило необъяснимое оцепенение, увидел, что фигура в блестящем плаще приближается к нему. Едва слышный плеск воды сопровождался новым звуком. Бледное лицо появилось на фоне темной струящейся полосы. В этом не было ничего особенно жуткого, если забыть о многометровой толще податливой и зыбкой среды, отделявшей баржу от берега.

Мегрецу захотелось вырвать или хотя бы закрыть свои глаза, однако его восприятие уже было непоправимо изменено.

Дьякон шел к нему по грязной речной воде.

Мозг клона был занят отчаянными спекуляциями. Он создавал иллюзии, пытаясь убедить себя в том, что Дьякон наступает на сверкающие льдины, треснувшие зеркала, которые издавали тот необычный звук, напоминавший отдаленный колокольный звон. При этом Мегрец понимал (почти понимал), что нет никакого льда, никаких зеркал и скорее всего уже нет и самой реки. Он знал эти чертовы фокусы, но сейчас они были ему абсолютно недоступны.

Рябь возникла вокруг черной фигуры; внизу дрожали разбитые отражения, как будто из-под плаща струился ледяной ветер...

Вначале клон увидел бледные кисти со следами вырванных ногтей, и только потом изображение лица приобрело резкость. При других обстоятельствах оно могло показаться каким

угодно – невзрачным, мертвенным, стандартным, каменным, мрачным, даже красивым, – однако сейчас в нем не хватало некоего главного элемента, и от этого его образ распадался, любое впечатление через мгновение становилось ложным, любая оценка ничего не стоила. Лучше бы Дьякон был слепым, или безносым, или пораженным проказой – за всякий дефект можно было зацепиться рассудком и выпестовать свое отвращение. Здесь же Мегрец столкнулся с чем-то совершенно неописуемым и абсурдным – вроде ветра, дующего в безвоздушном пространстве.

Впрочем, он не осознавал даже этого. Черный Дьякон навис над ним блестящей скалой, с которой потоками стекала речная вода. Но на палубе не оставалось мокрых следов... Мегрецу плащ священника уже не казался абсолютно черным. Клон «увидел» зеленоватое свечение, пробивавшееся изнутри – такое же, которое излучал кузов «победы», – и почувствовал радиацию.

Огромная доза, почти наверняка смертельная. Он мог не только определить наличие источника, но и оценить его мощность. Этому Мегреца научили тоже. Низзам специально водил клонов к радиоактивным могильникам, чтобы проверить, в какой степени развились их чувствительность. Оказалось – в достаточной.

Нельзя сказать, что облучение было неприятно. Оно вызывало легкий озноб, ощущение покалывания по всему телу, даже во внутренностях. Освежающий дождь, пронизывавший насекомый миллионами микроскопических игл... Намек на оргазм, который был ему совершенно незнаком. Сквозь переливающуюся всеми оттенками спектра поверхность плаща простирали кости скелета...

– Ты сомневался, что я приду за тобой, щенок? – спросил Дьякон свистящим шепотом. – Где Терминал?

Мегрец уже ни в чем не сомневался. Теперь он знал, кто является истинным хозяином его судьбы. Он полностью открыл свое сознание, подвергся сканированию, отдался силе; если бы мог – вывернулся бы наизнанку, перекроил бы мозг. Не существовало ничего более податливого, но Дьякон не оценил этого и даже не понял глубокой сокровенности принесенного ему дара. Для него отсутствие Терминала означало только одно: продолжение охоты.

* * *

Дьякон увлек клона во мрак. Они падали вместе – все еще в световых годах от небытия. Крылья, пахнувшие сырой землей и забвением, несли их над планетой, засыпанной пеплом, над океанами, в которых тонули галактики планктона, – под знаком сатаны, фальшивой лунной монетой, летящей сквозь ночь по фатальной дуге. Вокруг порхали мыши-альбиносы – порождения колдовства. Дуга описывала всплески веры и безверия, надежды и отчаяния. В конце ее было тотальное уничтожение. Мегиддо, город дьявола, кладбище сновидений...

Если это смерть, то смерть показалась Мегрецу не такой уж паршивой штукой. Все то же самое, что и по другую сторону, только лишенное суеты, сомнений и ожиданий, – обнаженное лицо, отсутствие намерений, рассыпавшийся в прах цветок, зачеркнутое имя в Книге.

Чуть позже клон обнаружил, что он снова остался в одиночестве. Дьякон (дракон, ворон, летучая мышь, висельник в непромокаемом саване) исчез, слился с ночью, сделался тенью убийцы, притаившегося в подворотне, шорохом в детской, отблеском опасной бритвы, тишиной после предсмертного крика...

Дьякон внес искажение. Последнее, что помнил прежний Мегрец, – это пылающий прилив, поглотивший его за считанные мгновения. После он превратился в нечто другое. В существо, остро осознающее свою ущербность, но абсолютно инфантильное.

Он плавал внутри какого-то мягкого резинового мешка, наполненного теплым бульоном. Сердце трепыхалось в груди, словно испуганная канарейка, зажатая в кулаке. Он был слеп и глух. Звуки доходили до него в виде вибраций, сотрясавших все тело. Он не чувствовал парящих рядом собственных рук и ног. Неописуемая вещь: часть его органов находилась снаружи – ПО ТУ СТОРОНУ кожи. Ощущения были бы эйфорическими, если бы не навязчивые мысли («Где я?», «Что со мной?») и страх, порожденный слепотой.

Потом до него дошло, что питательный бульон – это скорее всего кровь. Чужая кровь. Таким образом клон достиг физиологического совершенства. Но он был тут ни при чем. Образ Черного Дьякона возник на периферии сознания, словно полузабытое сновидение. Страх достиг кульминационной точки. Мегрец забился, натыкаясь на упругие стенки, которые окружали его со всех сторон... Псих в «мягкой» палате? Хуже.

Его сон (ПРЕЖНИЙ сон?) действительно был пророческим. В объятиях Девы Реальности – нежных и непреодолимых – он вернулся к своему началу.

Он не подозревал, что это будет так ужасно – оказаться беспомощным куском мяса с мозгом старика, искусственно помещенным в женское чрево. Для кого-то – первая колыбель, а для него – последняя тюрьма. Автономный гроб... Пуповина связывала его с матерью – он почувствовал это, когда начал шевелиться. Все самое худшее сосредоточилось в новых образах, вытеснивших Дьякона, – в самке шакала, вынашивающей отвратительного детеныша; в шлюхе, проливающей под крестом крокодиловы слезы; в жертве насилия, таскающей внутри себя ненавистный плод. Плоду было тесно. Он хотел прогрызть путь наружу, но у него не было зубов. Он только разевал пасть вязкой темноте...

Для этой разновидности клаустрофобии не существовало названия. Кто-нибудь испытывал нечто подобное до него? Вряд ли. Он был подопытным кроликом для людей из «Револьвера и Розы», однако Дьякон затеял с ним куда более жестокий эксперимент.

Другие ощущения: он перемещался вместе с матерью, его снабжали кислородом чужие легкие, он поглощал пищу, уже переваренную чужим желудком. У них была общая кровь; он воспринимал излучения ее мозга. Он был контрабандным товаром, который полагалось доставить на Землю втайне от «Абраксаса». Мать оказалась всего лишь «курьером», не подозревавшим о его и своем истинном назначении и тем не менее смертельно рисковавшим.

...Она трогала себя руками. Может быть, ласкала его? Мегрец содрогался от неизвестной ему ранее похоти. Потом движения рук стали энергичными и настойчивыми. Она хотела избавиться от него, изгнать из теплой уютной пещеры во враждебный внешний мир. За это он возненавидел ее еще больше.

Какая-то посторонняя сила проталкивала его сквозь туннели с податливыми стенками, но податливость была ограничена, и Мегреца все теснее сжимал влажный кокон. Это напоминало объятия Девы из пророческого сна. Кокон пульсировал в такт биению ее огромного сердца; кровавые приливы и отливы сопровождали вспышки видений, порожденных отравленным умом.

Его мысли были мучительны. Он – пересаженное сознание, бесплотный свидетель пытки в теле бессильного идиота, медуза во рту, выкидыш – но не матери-природы, а ее извращенных преемников, изменивших генетический код. Тогда почему он испытывает нестерпимую боль?! Его калечили мышечные спазмы; кожа отпадала рыбьими чешуйками; мягкие кости черепа деформировались; грубое воздействие на различные зоны мозга обрекло Мегреца на адский бред.

Затем последовало внезапное освобождение, выброс в разреженный космос. Холод, тьма,

уязвимость, непередаваемое чувство отверженности... Бывший клон сделал первый вдох. Его отторгла последняя носительница жизни, и он повис в пустоте. Кто-то держал его за ноги. Спереди болталась пуповина, за которую он тщетно пытался ухватиться своими младенческими ручками. В мозгу рождались химеры. Слепота и глухота способствовали изоляции и дезориентации. Только сила тяжести была несомненной.

В этом состоянии Мегрец был абсолютно беззащитен. К нему пробился слабый зов другого клона – как слабый луч далекого маяка, пронзивший туман. Это означало, что вскоре все повторится – с небольшими вариациями, но, в общем, до смешного похоже. Мегрец начал передавать информацию. Он делал это тщательно, словно копировал по точкам собственную тень, отброшенную куда-то за горизонт.

От другого клона, находившегося вне зоны искажения, целиком зависел успех нового воплощения. Однако им обоим не хватило времени. Невероятно, но Мегрец услышал голоса...

* * *

– Ну и урод, прости Господи! – сказал мужской голос, принадлежавший старому и разочарованному человеку. И одновременно это был голос Низзама – вот что хуже всего! Судя по легкой иронии, шейх не был ни огорчен, ни удивлен.

– Проклятая радиация... – добавил голос таким тоном, словно речь шла о засухе.

Где-то рядом захихикала женщина. Похоже, она испытывала облегчение оттого, что вообще разродилась. Не впервые она рожала уродов. Мужчина забраковал и этого.

– Ты знаешь, что с ним сделать, – сказал он.

* * *

Клон Мегрец «переселился» в Колонию прежде, чем закончился сеанс дальней связи.

Глава шестнадцатая

*Когда я свернул за угол, то увидел,
Что мои звезды – на улице.
Их показывали по коммерческому ТВ.*

Лу Рид

Гарик Хачикян припарковал свое такси возле «Макдональдса», заказал пару биг-маков, колу и запасся таким количеством салфеток, будто собирался косить под Фицджеральда или переписать энциклопедический словарь. Но писал Хачикян мало. Разве чтоставил подпись в журнале, отмечая начало и конец рабочего дня.

У него был слабый желудок. Настоящее проклятие для таксиста, особенно во время пригородных поездок. Не помогал даже этот хренов имодиум. А все оттого, что приходилось жрать в дешевых забегаловках. Как только Хачикян подумал о домашней пище, его желудок плотоядно заурчал. Но уже через десять минут он урчал протестующе, набитый биг-маками и залитый теплой колой. Сочетание нездоровое. Тем не менее Гарик был сыт (надолго ли?) и смачно рыгнул, усаживаясь за руль. Завел двигатель «опеля», размалеванного черными и желтыми клеточками, будто шахматная доска, и включил радио, по которому передавали сводку происшествий.

Он знал примерно, что услышит. Маньяк, получивший прозвище Черный Дьякон, орудовал уже третью неделю. Весь город стоял на ушах. А легавые и подавно. Число жертв вчера перевалило за две сотни. Позавчера был введен комендантский час. Случалось, что такси Хачикяна обыскивали по несколько раз на день. Он тоже пострадал – пока что косвенно. Он целиком зависел от клиентов – а тех становилось все меньше. Проститутки отсиживались в боделях, из уличных работали только самые отчаянные. Или самые нуждающиеся. Про добропорядочных овец и говорить нечего: после наступления сумерек город превращался в какой-то паршивый музей. Хачикян бывал в музее. Один раз. Лет двадцать назад. Ему хватило. Он был убежден, что музей – то же кладбище, только чуток почище.

Когда на рассвете он готовился топать в гараж, жена отговаривала его, но не слишком настойчиво. Понимала, что, лежа рядом с ней, он много не заработает. Чем же тогда была ее болтовня, если не проявлением вечного бабьего лицемерия?.. Все любят деньги. Все упирается в деньги. Деньги, клиенты, деньги – и жирная сука дома, ежевечерне протягивающая лапу, чтобы он положил в нее чаевые. ЕГО чаевые!..

Таков был замкнутый круг, который смертельно надоел Хачикяну, но выхода он не видел. Правда, иногда его подмывало разогнать свое старое корыто до максимальной скорости и влететь во что-нибудь, не снимая ноги с педали газа. А перед тем набить полный салон шлюх, истратив на них все деньги. Все до копейки, включая банковские сбережения. Чтобы не достались жирной суке!

Таков был его личный призрак свободы. Без всякой романтики.

Романтика – это для сопляков. Гарик был зрелым мужчиной и знал, что в действительности никогда не позволит себе ничего подобного. Фантазии останутся фантазиями, призрак не обрастет горящей плотью. Какого черта?

У него был долг. Если не перед надоевшей сучкой, то перед детьми. И Хачикян работал закусив удила. Несмотря на слабый желудок.

Сегодня дела шли не так уж скверно. Он подбросил какого-то чинушу до мэрии, доставил

парочку гомиков в загородное гнездышко и даже был с ними вежлив, а перед самым перерывом отвез в ночлежку музыканта, отбомбившего смену в кабаке. У того работа тоже была не сахар. Двенадцать часов дуешь в мундштук, развлекая всякую пузатую сволочь и продажных девок (сыграй двадцать раз одно и то же – и ты готовый клиент для психушки, говорил музыкант), без праздников и выходных, все это за гроши и вдобавок можно схлопотать по морде пачкой купюр или просто кулаком... Музыкант валился с ног от усталости, однако Гарик мог разговорить мумию фараона. Хачикяну показалось, что он встретил родственную душу.

Приятно все-таки, когда хоть кто-нибудь тебя понимает! В результате улучшается настроение и даже пищеварение. Во всяком случае, Гарик до сих пор не ощущал никаких предательских позывов. Он надеялся, что день и закончится неплохо, когда около шести вечера получил наводку от диспетчера и вынужден был согласиться на сверхурочные. Он повыделывался для виду – знал, что означает поздняя езда. Вечер пропал, зато завтра можно будет расслабиться. Риск, конечно, был, и немалый, но ни один маньяк не помешает Хачикяну заработать.

И все же Гарик проявил разумную осторожность. Еще перед выездом из гаража он снял с мизинца золотое обручальное кольцо и спрятал его поглубже в карман. Ручка рычага переключения скоростей была съемной, а сам рычаг полым; таким образом, стоило Гарику потянуть ее вверх, как в правой руке оказывался стилет с пятнадцатисантиметровым клинком. Если судить по телевизионным репортажам, Дьякон мог сократить таксиста с потрохами, а стилет использовать в качестве зубочистки, но Хачикян считал себя как минимум двухмерным потребителем информации и потому не верил ничему, особенно тому, о чем вещают «говорящие головы».

По радио передавали инсценировку под названием «Мост вздохов», когда Хачикян въехал в квартал особняков, один вид которых говорил о том, что кое-кому в этой жизни не повезло. Гарик догадывался – кому именно. Он заранее проникся классовой ненавистью к будущему клиенту. Вопрос состоял лишь в том, кто это будет: какой-нибудь адвокатишко с гнильцой – из тех, которых вызывают, чтобы «уладить дело», или, возможно, один из врачей-шарлатанов, дерущих последнюю шкуру с таких, как Гарик, работяг, или богатая вдовушка с пекинесом, пускающая слюни во время просмотра мыльных опер. Того, что ему придется везти шлюху экстра-класса, Хачикян не ожидал – за такими обычно присылали лимузины.

Собственно, он ничего не имел против шлюх. Те иногда расплачивались с ним натурой, и это было куда веселее, чем взбираться на жену, рискуя перепутать складки. Более того, Хачикян искренне полагал, что шлюхами являются все поголовно, включая его самого. Разве он не торговал собой, раскатывая по улицам и предлагая свои услуги каждому вшивому мозгляку, у которого завалялась в кармане рваная пятерка? Как ни крути, выходило, что он, Хачикян, из разряда самых дешевых потаскух... Все продавали себя – свои таланты, способности, мозги, тела, веру – все до единого, снизу доверху – и чем выше, тем дороже. Честно говоря, Хачикян был даже рад появлению Черного Дьякона. Он надеялся, что Дьякон наконец поимеет тех неуязвимых трахальщиков, усевшихся на самом верху пирамиды.

Он остановился перед литой оградой и посигналил. Женщина, которую он увидел почти сразу же, показалась ему воплощением наивных юношеских грез. И как это было мило с ее стороны, что она не заставила себя ждать! Красотка шла к нему по короткой аллее, слегка покачивая бедрами (не вульгарно и не вызывающе, а так, что у Хачикяна перехватило дыхание). Ее стройную фигуру окружали сумерки, будто нежнейший драгоценный мех; лицо было освещено голубоватым светом фонарей, развешанных в аллее, отчего оноказалось сотканным из лунного света и загустевшей ночной страсти. На девушке было платье, сшитое не для того, чтобы уродовать совершенный силуэт намеками на нижнее белье. Но у Гарика отшибло

сексуальную фантазию. Явление феи заняло каких-нибудь восемь-девять секунд, и на протяжении этого времени он приобщился к чистому искусству.

Потом он увидел через боковое стекло ее грудь, словно сделанную из тончайшего фарфора, и почувствовал, что по его вискам стекают ручейки пота. Чудо опустилось на заднее сиденье, залитое когда-то пивом, и скрестило неописуемой красоты ножки, попирая каблучками пол, заблеванный три дня назад каким-то пьяным уродом. Раздутых ноздрей Хачикяна коснулся дивный аромат, которого он просто не успел расprobовать, потому что почуял впервые. Наверное, именно так пахли в раю запретные плоды... Как раз в это время парень, бредущий по Мосту вздохов, красивым баритоном жаловался на жизнь своему палачу.

Хачикян понял, что пройдет много ночей, прежде чем воспоминание об этой женщине выветрится из головы и он сможет спать спокойно. Она умудрилась разбить ему заплывшее жиром сердце – походя, как разбивают, случайно задев, дешевую вазу, – не жалея о том и даже не заметив потери.

Она наклонилась к нему и спросила (о, этот голос! От него сладко ныло внутри):

– Как вас зовут?

– Гарик, – промямлил он, вцепившись в рулевое колесо и не отрывая взгляда от зеркала заднего вида.

– А меня Жанна, – сказала она весело. – Будем знакомы, Гарик. Нам предстоит провести вместе долгую ночь. (Черт! Она смеялась над ним! Вернее, не придавала значения своей болтовне). «Дубы Сиона» – знаете это место?

Хачикян кивнул. Он знал – и даже слишком хорошо. Он был уверен в том, что разочарование неизбежно, но не ожидал, что оно наступит так скоро. Он неоднократно возил в поместье с замысловатым названием и еще более замысловатыми хозяевами потаскунек, однако ни одна из них не годилась этой и в подметки. Впрочем, он был пристрастен.

«Черт подери! – размышлял Хачикян. – Почему мир устроен так подло? Почему одни созданы для грязной работы и беспросветной жизни, а другие – для того, чтобы лапать сладеньких баб?» Он понимал, что через несколько часов вернется в душную трехкомнатную конуру и уляжется в постель со своей свиноматкой, а примерно в то же время какой-нибудь ублюдок с липкими руками расстегнет штаны и небрежно позволит этой Афродите обслужить себя... Вот дерньмо! Лучше о подобном и не думать.

– Тогда поехали. Чего вы ждете, Гарик? – спросила она без тени высокомерия.

– Охранников, – буркнул он, стараясь не размякнуть окончательно – ведь ему еще предстояла нелегкая поездка с риском для здоровья.

– Я одна, – объявило это чудо природы, место которому уж точно было в музее.

Хачикян чуть не подпрыгнул до крыши салона из положения сидя. Потом он обернулся и выпучил глаза.

– Вы что, дамочка, с ума сошли? Нас же грохнут сразу за окружной!

Она улыбалась ему. Гарик был готов сейчас же умереть, если это не улыбка ангела. И какая чудовищная наивность! Непередаваемое сочетание...

– Нас встретят, – сказала она. – А вам хорошо заплатят. Поехали?

Она почти ПОПРОСИЛА. И вот что странно – она не только была одна; у нее не было в руках даже дамской сумочки.

И он поехал. А что он мог сделать? Наверное, так дьявол получает души – их не продают ему, а отдают добровольно. Приносят в дар и умоляют взять...

Хачикян никогда не предполагал, что это окажется легко и просто. Кроме всего прочего, он даже не подумал о том, зачем мертвому деньги.

Конечно же, за окружной их никто не встречал. Однако им повезло – они чудом проскочили стокилометровый участок Восточного шоссе. Хачикян, во-первых, усердно молился; во-вторых, был уверен, что присутствие ангелочка и впрямь приносит счастье; в-третьих, соло выходили на охоту чуть позже. На логические выводы он был, очевидно, в тот вечер не способен.

Когда закончилась инсценировка (владельца сочного баритона все-таки отправили на тот свет), зазвучала какая-то симфоническая муть. Ржавые запилы скрипок заставляли Гарика болезненно морщиться. Он потянулся к ручке настройки, чтобы сменить станцию, но Жанна попросила его оставить все как есть. Вдобавок он узнал от нее, что парня, сочинившего ЭТО, зовут Моцарт. Сейчас он согласился бы и на то, чтобы называться Моцартом – лишь бы понравиться ей...

В остальное время она сидела тихо, словно мышка. Умная, воспитанная и образованная мышка. Правда, серенькой ее никак не назовешь. Она не курила, не нюхала кокс, не трещала о всякой ерунде и не дразнила водителя, показывая, что там у нее находится между ног. Хачикян даже засомневался, а не поторопился ли он с выводами, но все его попытки завязать разговор «по душам» оказались безрезультатными. Они разбивались о ватную стену ее мягкости. Загадочность этого ночного мотылька, случайно запорхнувшего в его тачку, завела Хачикяна еще сильнее.

Уже почти стемнело, когда такси свернуло с шоссе на частную дорогу. Через сотню метров оно миновало помпезную и когда-то белую арку, увенчанную рельефной звездой Давида и загаженную многочисленными граффити, в основном нецензурного содержания. Еще через пятьдесят метров фары высветили шлагбаум и заборчик, который мог бы сдержать стадо бешеных слонов, не то что байкеров. По другую сторону забора росли пресловутые «Дубы Сиона». Гарик был несилен в ботанике, однако, по его мнению, «дубы» сильно смахивали на обыкновенные клены и липы.

Толстозадые охранники ослепили его мощными фонарями, заглянули в багажник и даже под капот, но с красоткой обошлись вежливо, поэтому Гарик им все простил. Он считал, что вполне заслужил премию в размере недельной выручки и хорошую жратву. Возвращаться сегодня в город он не собирался – разве что под дулом пистолета. Задерживаться в «Дубах» на ночь ему было не впервые. Он даже знал кое-кого из местных ребят, с которыми можно перекинуться в картишки. Персонал в поместье был огромный; вечером сменялся целый взвод охранников...

Впереди показался фасад огромного дома. Хачикян объехал вокруг фонтана, в центре которого пускал хилую струйку маленький мраморный педик, и протарахтел по площадке, выложенной шестигранными плитами. Судя по количеству припаркованных поодаль автомобилей, гостей было немного. Вечеринка для узкого круга. Изысканное общество чистоплюев, смакующих депрессию и предающихся декадентским забавам. Таинственный свет пробивается из-за штор, приглушенные звуки доносятся из парка, неразличимые тени скользят в полутьме...

Холуй, одетый лучше, чем Хачикян в дни посещения церкви, выскочил наперерез и открыл заднюю дверцу. Перед тем как выйти из машины, Жанна еще раз наклонилась к водителю, и тот ощутил ее теплое дыхание небритой шеей.

– Все в порядке, не так ли? – спросила она лукаво, и впервые в жизни женские штучки не показались Гарику отвратительно лживыми.

– Завтра утром... – шепнула она ему таким тоном, словно их объединяла некая тайна. На затылке у Хачикяна зашевелились короткие волоски. – Ждите меня около девяти.

Он даже не вспомнил о деньгах, что было для него абсолютно нехарактерно. Разве это создание могло обманывать? Без сомнения, могло, но Гарику неожиданно для него самого понравилась игра, в которой он был наираспоследнейшей пешкой...

Он наблюдал за Жанной, пока она не вошла в дом, и не на шутку страдал. Со спины она тоже оказалась восхитительна. Моргая от пота, он уставился на умопомрачительный задик, трогательно-беззащитные лопатки, гладкие хрупкие локти. А нежные, как у ребенка, пяточки и впадинки под коленями старому дураку вдруг нестерпимо захотелось поцеловать...

* * *

Без четверти девять машина уже стояла перед парадным входом с прогретым двигателем. Утро было туманное; изредка из тумана возникали морды ротвейлеров, ронявших слюни. День обещал быть солнечным. В сонном парке кричала какая-то птица. Однажды до ушей Хачикяна донесся чей-то кошмарный хохот. «Дубы Сиона» и впрямь напоминали дорогостоящую загородную психушку.

У Гарика было время успокоиться и прийти в равновесие. Теперь он забеспокоился о том, как бы получить свое.

В пять минут десятого Жанна еще не появилась. Хачикяна это нисколько не удивило. Скорее всего ангелочек еще спал, оттраханный самым прозаическим образом, в алькове, приспособленном для видеосъемки, а компания вуайеристов наслаждалась живой драгоценностью в атласной оправе...

Он увидел ее в девять двадцать. Она выглядела свеженькой, будто умылась росой. Ее сопровождал седовласый папашка в белом халате до пят и с отечными мешками под глазами. Она держала его под руку, а он дружески похлопывал ее по запястью своей лапой. Нить жемчуга поблескивала на ее шее (единственное изысканное украшение, вероятно, стоило больше, чем таксист зарабатывал за год). Сверкая керамической улыбкой, «халат» усадил Жанну в машину. Потом протянул водителю две купюры.

Когда Хачикян разглядел портреты и цифры на бумажках, его тонус подскочил до максимума. Может, день и впрямь будет отличным? Лишь бы удалось благополучно добраться до города... Насчет охраны Гарик уже не знался, только незаметно для пассажирки сунул обе купюры в укромное место. Для подобных целей в его тачке были устроены три тайника.

– Как дела, Гарик? – осведомилась Жанна, когда они выехали на шоссе и Мозгокрут начал плести по радио звуковую паутину эскапистской музыки. Наверное, для тех, кто перепутал день с ночью...

– Нормально, – бодренько отозвался Хачикян. – Как вы?

Она мечтательно улыбнулась в ответ, словно побывала на небесах. Такую глупую и светлую улыбку Гарик изредка наблюдал на лицах тех, кто был искренне влюблен.

– Хорошая погода. Вам везет.

– Еще бы!..

В кого же влюблена она?

Ему оставалось гадать об этом каких-нибудь десять минут. По истечении этого времени с проселочной дороги наперерез такси выскочил полицейский «шевроле» с включенными мигалками. Коротко взвыла сирена.

Хачикян выругался про себя и свернул к обочине. У него появились сомнения в том, что

день будет таким уж чудесным. Небольшие сомнения – словно облачко в сияющих небесах.

* * *

Мул и Суслик считались в полиции дуэтом долгожителей. За глаза их называли «животными» – не только из-за кличек, приклеившихся намертво. Эти двое работали жестоко, но эффективно и не забывали регулярно отстегивать «наверх». Поэтому обоим собственное будущее тоже представлялось безоблачным.

О них ходили легенды, которые некому было подтвердить или опровергнуть, а сами «животные» были ребятами неразговорчивыми. Они на редкость удачно дополняли друг друга. Мул был краснорожим сангвиником с фигурой расплывшегося бодибилдера и с реакцией, почти неправдоподобной для такой туши.

Суслик был явным холериком; обычно он испытывал частые перепады настроения. Его настроение менялось от плохого до очень плохого. Причина лежала на поверхности, вернее, на роже. Дело в том, что Суслик был уродом. Даже дешевые уличные шлюхи обслуживали его с крайней неохотой. Тем не менее иногда он посмеивался. Человеку, не знавшему этой особенности, начинало казаться, что худшее уже позади. У легавого было своеобразное чувство юмора. Его тихий смех мог ввести в заблуждение кого угодно, только не Мула...

Губы Суслика чаще всего были сложены так, будто он собирался свистнуть. Через ромбовидное отверстие между губами высовывались два передних верхних зуба – главная достопримечательность урода. Лет десять назад кто-то из блатных пошутил в тесной компании, что в детстве Суслик, наверное, сосал язык, а теперь сосет предметы посущественнее. Шутка прозвучала всего дважды. В первый раз – из уст шутника; во второй – когда дошла до ушей полицейского. Сам шутник уже не мог ее повторить, потому что вскоре его нашли мертвым. Самая «существенная» часть его тела была отрезана и засунута ему в глотку...

То, чем «животные» занимались сейчас, далеко выходило за рамки их официальных обязанностей – примерно километров на пятьдесят. Среди легавых это называлось «свободной охотой». На такое отваживались немногие. В своем участке Мул и Суслик были единственными, кто рисковал. И риск был оправдан. Оба неплохо зарабатывали, не говоря уже о неоценимых выбросах адреналина. Начальство тоже не возражало против периодических поступлений «черного нала» в секретный полицейский фонд.

«Животные» понимали друг друга с полуслова. Мул был мощным и страшным оружием в драке, а Суслик на его фоне смотрелся мелким ассистентом. Но только издали. Вблизи даже последнему кретину становилось ясно, кто из них опаснее. Эти двое составляли гнилую парочку. Обычно Мул выколачивал показания и штрафы; Суслик в совершенстве владел более утонченными методами воздействия на психику. Учитывая их связи с «дикими», они нигде не боялись оказаться в меньшинстве. Даже соло избегали встреч с ними. Никто не знал точно, что творится в тупой башке Мула и тем более – в змеиных мозгах Суслика.

Хачикян видел их мельком и лишь однажды. Это случилось около года назад. Он остановился на светофоре. Через секунду возникли полицейские – будто из-под земли. Мул в мгновение ока выволок из такси какого-то очкарика с кейсом, пристегнутым к запястью, а Суслик, неведомым образом оказавшийся возле двери водителя с пушкой, ствол которой был направлен Хачикяну в висок, посоветовал тому «валить отсюда и не возникать». Гарик даже не пытался возникать, хотя очкарик не заплатил по счетчику, причем очень много (до этого они вдоволь накатались по городу). Пушка в умелых руках – это был аргумент, перевешивавший желание жить хорошо и убеждавший в том, что лучше просто жить.

Поэтому сейчас Хачикян положил руки на руль и наблюдал за массивной фигурой, которая приближалась обманчиво ленивой походкой «враскачку». Солнце светило ярко, и огромный блик лежал на лобовом стекле «шевви». Гарик не видел второго полицейского. Это его почему-то не на шутку беспокоило. Может быть, напарник Мула остался сидеть за рулем.

А может быть, и нет.

Хачикян не сомневался, что так или иначе Суслик уже взял его на мушку. На пустынной дороге все можно было списать на шалости «диких». Или на «оказание сопротивления». Таксист ни в коем случае не хотел дать повода для подобного варианта развития событий.

Он безропотно вышел из машины, когда Мул приказал ему сделать это одним движением толстого пальца. Он молчал, когда его ткнули мордой в крышку капота и обыскали. Мул ощупывал его промежность так тщательно, будто проверял сухость «памперсов» на любимом дитяти. От легких похлопываний этой гориллы у Хачикяна разболелась грудная клетка, ребра, а в особенности яйца. В течение нескольких секунд его тошило. Он вспомнил о своем больном желудке и чуть не выблевал сытный затрак, которым его недавно накормили на кухне «Дубов Сиона». Несколько мелких купюр из карманов таксиста перекочевали в карманы Мула. Хачикян опять-таки не возражал. Он считал, что дешево отдался. День еще мог завершиться неплохо – если полицейские не начнут обыскивать автомобиль.

Он приподнял голову и обнаружил, что Жанна стоит по другую сторону машины примерно в такой же позе – наклон вперед, ноги расставлены, руки на капоте. Мул рассматривал ее красивую попку, придав своей мясистой роже мечтательное выражение, однако в нем трудно было заподозрить эстета...

Хачикян услышал тихое шуршание гравия у себя за спиной. Суслик возник рядом, по обыкновению внезапно. Он мягко двигался в туфлях на каучуковых подошвах. Суслик не всегда и не во всем соблюдал форму.

– Не рыпайся, говнюк, – предупредил Хачикяна бесстрастный голос. – Мы еще не закончили.

Водитель такси согласился подождать.

– Раздвинь ножки, дорогуша! – скомандовал Мул, натягивая на свою огромную кисть прозрачную хирургическую перчатку. Потом помог Жанне сделать это. В его лапах она выглядела резиновым манекеном...

Как Хачикян и предполагал, трусиков под платьем не оказалось. Волосы на лобке были выбриты, что придавало девушке еще большее сходство с куклой.

Даже Гарику, который украдкой следил за происходящим, было видно, что из щели между срамными губами свисает тонкая черная нить. Очень похожая на мышиный хвостик.

– Что это? – спросил Мул, чтобы продлить удовольствие. Вот за такие моменты истины он и любил свою работу.

– Наверное, у тебя старая жена, – спокойно заметила Жанна, почти уткнувшись лицом в капот. – Или ты, болван, предпочитаешь задницу своего напарника?..

Мул побагровел, но сдержался. Суслик тонко захихикал.

– Как мне нравится, как мне нравится, когда они начинают разговаривать! – прошелестел он вкрадчиво.

Мул намотал нить на указательный палец и потянул. Еще через секунду на подставленную ладонь шлепнулся запаянный целлофановый пакетик с порошком. С ХОРОШИМ порошком, если судить по цвету...

У Хачикяна пошли круги перед глазами. Никаких шансов на то, что день закончится благополучно, больше не было.

Теперь Мул не сдерживался. Он рывком повернул Жанну лицом к себе и влепил ей пощечину, которая вполне могла свернуть нежную девичью шейку.

— Это за болвана, — процедил Мул. Затем врезал еще раз. С очевидным наслаждением. Задел нос и губы. Перчатка окрасилась в розовое. — А это за напарника... — Вдруг Мул резко повернулся к Хачикяну: — Ты следующий. Я буду твоим проктологом. Раздвинь ноги, тупорылый!

— Как насчет адвоката? — спросила Жанна, державшаяся очень прямо, несмотря на то, что кровь стекала по ее подбородку.

Суслик заржал:

— Ты слышал, Мул? Познакомь ее со своим адвокатом! Эй, сучка, как насчет устных инструкций — для начала?!

Мул начал расстегивать брюки, когда заметил троих, стоявших на шоссе в двадцати метрах от такси. Три привидения из дурацкого мультфильма. Старикашка, сбежавший из реанимационного отделения, тощая наркоманка с сомнамбулическим взглядом и пацан дошкольного возраста, которого потеряла мамаша. Или же наркоманка и была его мамашей. Тогда становилось понятно, почему парнишка выглядит малость недоношенным.

— Какого хрена... — начал Мул, откладывая процедуру знакомства и снова запаковывая своего толстячка «адвоката» в шикарные трусы с символикой «Red Bulls».

— Нам нужно в город, — перебил его пацан тонким голоском. Вежливый мальчик, ничего не скажешь. — Это срочно. Безразлично, на какой машине мы поедем. Пожалуйста, побыстрее.

* * *

В плохом фильме они состязались бы в остроумии еще минут десять. В хорошем фильме по крайней мере последовала бы эффектная мелодраматическая пауза. На самом же деле развязка наступила почти сразу после завязки и без ярко выраженной кульминации.

«Животные» переглянулись. Это были моментальные взгляды, отнявшие не больше мгновения. За двадцать лет службы оба полицейских навидались всякого, однако такие клоуны попались им впервые.

Сложившись пополам от жизнерадостного смеха, Мул чуть не пробил головой капот. Суслик тоже хихикал в щель между губами, но не сводил ледяных глазок со щенка и шлюхи, которая внезапно напомнила ему кое-кого (старый маразматик никого не напоминал. Он был безнадежен, как отключенный банкомат).

Двадцать три года назад Суслик участвовал в военных действиях, и ему «посчастливилось» увидеть в деле спецподразделение «Огун». Пси-фактор. Ходячая клиническая смерть. Одержаные лоа. «Артишоки». Оловянные солдатики... Как ЭТО не называй — лучше уже никому не станет. Похоже, Суслик остался единственным живым из тех, кто мог бы кое-что рассказать об ЭТОМ. Но он был умный и осторожный и потому молчал, словно аквариумная рыбка. Даже мамочке не пожаловался. Хотя кто-то, а мамочка поняла бы, почему он тогда обделался. Поняла бы и простила бы ему эту секундную слабость...

Так вот — лицо шлюхи в чересчур просторном пальто выглядело точь-в-точь как лица тех ублюдков из «Огуна». И что-то неуловимое подсказывало Суслику, что дело тут не в героине. А под пальто — уж конечно, не коллекция многоразовых «баянов»...

Впрочем, у Мула с интуицией тоже было все в порядке. Разгибаясь и не прекращая

смеяться, он уже вытаскивал из расстегнутой кобуры свою пушку – той самой рукой в прозрачной перчатке. Пакет с порошком пришлось бросить. Пока. Мул не продержался бы долго на своей рискованной работе, если бы был таким идиотом, каким иногда казался.

* * *

Перестрелка заняла какую-нибудь секунду. По субъективному времени Мартине – раз в десять больше. Ее органы чувств зарегистрировали происходящее в мельчайших подробностях.

Суслик соображал мгновенно. Для дервиша сопляк был явно маловат, но акселерацию еще никто не отменял, не так ли? Во всяком случае, легавый почуял неладное, а это был более чем веский аргумент. Даже если стариk, девка и пацан окажутся глюками, он, Суслик, попрактикуется в стрельбе...

Его рука рванулась к кобуре со скоростью броска атакующей кобры.

Однако этого оказалось недостаточно.

За свою многолетнюю карьеру он видел много быстрых людей. Кое-кто из них даже сумел дотянуть до старости и был застрелен в почтенном возрасте – именно потому, что рефлексы были уже не те. Но девка оказалась стремительной, словно спущенный механизм с мощнейшими пружинами. Полы ее пальто лишь слегка раздвинулись. В щели появился ствол обреза.

Это было оружие, не очень подходящее для дуэли. По мнению Суслика, совсем не подходящее. Однако девка, очевидно, думала иначе. Впрочем, она вряд ли о чем-либо думала. И очень скоро Суслику тоже пришлось бросить это бесполезное занятие.

Он в одиночку исполнил танец маленького лебедя и свалился на асфальт с дырой в голове, которая возникла на месте третьего глаза. Впервые Суслик выглядел немного удивленным. Еще бы – его шлепнула какая-то малолетняя потаскуха!..

Мул выстрелил почти одновременно с Мартиной, но все же на мгновение позже. Суслику это не помогло. А Мул, конечно, не промахнулся.

Мартина видела вспышку. Пуля попала ей в корпус, и девушку развернуло, как чучело при сильном порыве ветра. Выражение ее лица не изменилось совершенно. Стало ясно, что она не чувствует боли... Ей только пришлось отступить на два шага, чтобы снова обрести равновесие.

Мул продолжал палить по сужившемуся силуэту и успел выпустить половину обоймы. Очередная пуля раздробила Мартине берцовую кость; третья пробила живот навылет. Ее отбросило еще дальше, и она начала падать, потеряв опору...

* * *

Малыш равнодушно наблюдал за перестрелкой, стоя в трех шагах справа от девушки и, соответственно, от линии огня.

Но самым невозмутимым из маленькой компании путешественников оказался стариk. Вернее, он настолько выдохся, что все остальное не имело особого значения... Он протащился по шоссе, плюхнулся на заднее сиденье такси и уставился прямо перед собой. Хачикян и Жанна, лежавшие на капоте, его тоже не заинтересовали.

Может быть, он разглядывал город на горизонте. Или призраков, которые существовали только в его воспаленном воображении. Стариk даже думал. В его опустошенном сознании вертелась всего одна-единственная мысль. Мысль была примерно такая: «Покажи им, сынок!

* * *

Мул совершил чуть ли не первую, но зато наверняка последнюю в своей жизни серьезную ошибку. Ему следовало бы сначала застрелить мальчишку. Может, тогда было бы проще справиться с девкой. А так он не сумел воспользоваться огромной форой, составлявшей три попадания.

Отступая и падая, Мартина израсходовала последний патрон. В ее мире существовал только враг, оружие и палец, спускающий курок, – все на одной оси, вокруг которой вертелась хаотическая и бессмысленная вселенная. Ущербное сознание девушки вмещало не больше трех предметов. Враг, спусковой крючок, палец... Она СТАЛА пальцем. Ее душа перетекла в мертвый металл. Во всем сплошном черном хаосе было одно маленькое, зияющее и неподвижное отверстие, почти заполненное головой Мула. Не попасть в нее было просто невозможно.

И она попала. Последняя оставшаяся в обойме пуля вышибла врагу левый глаз, пробила мозг и снесла часть черепной коробки. Его конечности конвульсивно дернулись, но Мул был слишком массивен, чтобы станцевать напоследок нечто легкомысленное. Он покачнулся и тяжело рухнул рядом с машиной, разбросав тошнотворные ошметки.

Мартина умерла всего лишь на секунду позже. Ее голова с глухим стуком ударилась о дорожное покрытие. Она избавилась от своего незаживающего прошлого, рабского настоящего, а заодно и от сомнительного будущего. Но, самое главное, она навеки избавилась от контроля Малыша.

* * *

Тот принял жертву как должное. Один из его медиумов выполнил свое предназначение. До конца, как положено... Убедившись в том, что путь свободен, клон Мицар переключил свое небезопасное внимание на живых.

Жанна оказалась крепким орешком. Когда началась стрельба, у нее хватило самообладания, чтобы не запаниковать, остаться на месте, лечь на капот и не попасть под пули. Хотя это было трудно – Мул находился в метре от нее... Теперь ее обнаженная спина была забрызгана его мозгом, и она ощущала нечто похожее на ожоги. Два мертвых полицейских – это две веские причины, по которым следовало побыстрее убираться отсюда. Недолго думая, она юркнула в такси и оказалась рядом с измощденным стариком. Тот даже не повернул головы в ее сторону...

Жанна думала, что сама приняла решение. На самом деле Малыш мгновенно сориентировался. Он нашел почти равноценную замену Мартине. Неизвестно, что ожидало его в городе. Не следовало разбрасываться человеческим материалом.

Жанна ничего не заподозрила. Она была вполне счастлива хотя бы оттого, что уцелела. Во всяком случае, она так и не вспомнила о пакетике с очень дорогим порошком, который валялся рядом с трупом Мула. Зато клон заставил ее выйти из машины и подобрать пистолеты полицейских. Внезапно ей стало холодно, и она надела на себя пальто мертвой девушки, не замечая, что испачкалась в свежей крови.

Хачикян пришел в себя последним. До этого он бессвязно молился. От грохота выстрелов у него заложило уши. Он остался наедине с гулом, распирившим башку.

Потом грохот внезапно оборвался. Первым делом Гарик тоже отчаянно захотелось смыться. Даже не захотелось – этого требовал инстинкт, сработавший быстрее мозга и мышц. За долю секунды Хачикян забрался на место водителя и подготовился ударить ступней по педали газа, но тут что-то случилось с его двигателем центром.

Нога повисла в воздухе, будто вокруг нее застыло стекло. Хачикян увидел болид, который летел над шоссе и стремительно приближался к машине. Гарик сжался в ожидании удара и испепеляющего жара, но вместо этого ослепительное солнце новой истины взорвалось прямо у него в черепе.

Хачикян вдохнул мельчайшую стеклянную крошку, содравшую с его трахеи верхний слой отмирающей ткани. Он был обнажен «изнутри» и приобрел чувствительность к ничтожным колебаниям температуры.

После вспышки воцарилась черная осень. Жестокий воюющий ветер обносил листья с усыхающих веток, в которые превратились извилины. Ощущение дыры в голове было настолько явным, что Хачикян прижал мокрую ладонь к волосам в том месте, где, как ему казалось, «сквозило».

Это не помогло. Ураган сносил с серого вещества плодородный слой, и, беспорядочно кружась, будто стая испуганных ворон, порхали обрывки мыслей...

Мальш не спеша обошел машину и сел впереди, рядом с водителем. Он переключил радиоприемник на станцию, которая передавала легкую до идиотизма опереточную музыку, и аккуратно пристегнулся ремнем безопасности. После этого отдал безмолвный приказ.

Такси помчалось в сторону города. Хачикян не помнил, как проделал остаток пути. Ему даже не пришло в голову включить счетчик. Он не смотрел на дорожные знаки – внутри у него навсегда поселился надежный «штурман». Несанкционированный поворот вправо-влево означал страшную боль, оглушительный, режущий ухо вопль медной трубы, опасность, казнь, катастрофу. Остались только: узкая лента шоссе, пролегавшая по дну темного ущелья, болиды, несущиеся навстречу, и жуткая каша в голове, исключающая возможность предпринять какое-либо самостоятельное действие.

Он высадил своих последних пассажиров неподалеку от Блокады, на площади перед университетом. Особняк Жанны находился в двух кварталах от того места. Репспектабельный район – или когда-то считался таковым... Было десять часов утра и совсем мало людей на улицах. Дъякон многих заставил пересмотреть свои привычки.

Хачикян покатался пустым, петляя по центральным улицам, сжигая оставшийся в баке бензин и постепенно забывая все, что случилось этим утром. Его память была словно колба песочных часов с отверстием, через которое высыпались песчинки определенного размера.

Процесс «фильтрации» занял около часа. Гарик забыл почти все, что должен был забыть, кроме взгляда Малыша, который заставлял его чувствовать себя пском на поводке в виде удавки и испытывать удушье каждый раз, когда удавка затягивалась... И все это время в салоне орал приемник.

В конце концов такси оказалось в пустынном переулке на задворках сожженной синагоги. К Гарику постепенно возвращалась способность мыслить. Это занятие было крайне утомительным. Хачикян ни до чего не додумался. Внезапно нахлынувшая волна усталости поглотила его. Он притормозил возле тротуара, уронил потяжелевшую голову на руки. В темноте под веками вспыхивали и гасли фиолетовые звезды...

Заправиться, поставить машину в гараж – и домой. Такова была программа на ближайшее время. Ничто другое Хачикяна не интересовало. Он вдруг стал очень ограниченной личностью, запертой в треугольнике «страх – тревога – комфорт». Сейчас доминировала необъяснимая тревога. Нашупав рукой тайник и запустив в него пальцы, он немного успокоился. Деньги были на месте.

Когда он поднял голову, то заметил тень, падавшую справа. Грузная темная фигура, увенчанная седой головой. Луна над скалой. Черный длинный плащ священника – совсем не по погоде...

Хачикян отупел настолько, что был не способен сопоставить простейшие вещи. Человек в черном плаще опустился на переднее сиденье, на котором незадолго до этого сидел Малыш. Его движения были совершенны и бесшумны. На какое-то мгновение таксисту показалось, будто незнакомец жидкий. Мицар, избавивший Гарика от стереотипов, сделал ему сомнительный подарок...

Пассажир протянул руку к приемнику и убавил громкость. Рука была неестественно белой, словно ее обладатель безвылазно провел в подземелье последние лет двадцать. Уцелевшие ногти отросли и закручивались в спирали. Те пальцы, на которых ногтей не было, выглядели как несвежие сосиски.

– Где он? – спросил незнакомец свистящим шепотом.

От звуков этого голоса волоски на жирном затылке Хачикяна превратились в иголки. Тревога сменилась паническим ужасом. Ужас означал проблемы с желудком. Гарика подташнивало. Запахло дермом – в прямом и переносном смысле.

– Кто? – тупо переспросил таксист, ни капли не притворяясь. Он действительно не понимал, о ком идет речь. И не догадывался, что сейчас его начнут лечить от избирательной амнезии.

Незнакомец повернулся к нему свое лицо.

Хачикян помнил множество БЕСПОЛЕЗНЫХ вещей. Точно такие рожи были у мраморных статуй. Но эта физиономия принадлежала тому, кто двигался и даже разговаривал. Глазные яблоки без зрачков, мертвенный оттенок кожи, слишком гладкая фактура, леденящая красота, которую не портили даже шрамы. Шрамы казались неотъемлемой частью рельефа...

Определенно, предпринятая когда-то по глупости экскурсия в музей не прошла для Хачикяна даром. Кое-что засело в памяти оченьочно. Но не то, что случилось всего несколько часов назад.

– Поговори со мной, ублюдок, – приказал пассажир.

Разум Хачикяна бессильно «трепыхался», словно птица, угодившая в нефтяное пятно. Собственное тело было отвратительно вязким, неудобным, неуправляемым – кулек, наполненный сметаной. Казалось, ему можно придать любую форму. Тот, кто придавал форму, находился вовне. Может быть, совсем рядом...

Гарик вдруг и впрямь почувствовал непреодолимую потребность исповедаться, покаяться в

грехах, вскрыть нарыв, распиравший его изнутри, будто дьякон впрыскивал под давлением препарат, вызывающий спазмы страха... Однако все возможные грехи оказались запертыми в сейфе, некоем вывернутом наизнанку ящике Пандоры, от которого не существовало ключа. Хачикян был чист и пуст, точно новорожденный.

– Расскажи мне о нем! – приказал пассажир, и пустота начала заполняться образами. Гарик зажмурился и снова открыл глаза. Видения не исчезли.

Улица поплыла ему навстречу, будто в кошмарном сне. Такси тронулось с места и стало разгоняться, хотя водитель и не помышлял об этом. Кто-то помогал ему ВСПОМНИТЬ...

Впереди возникла маленькая фигурка, не отбрасывавшая тени на асфальт, – ребенок в яркой куртке с капюшоном и надписью на груди «Одной ногой в могиле». Хачикян не мог понять даже, его ли это сын...

Капот автомобиля без звука и сотрясения протаранил глюка; какую-то долю секунды голова мальчика висела перед лобовым стеклом, отделенная от тела, словно кегельный шар, который летел навстречу; затем Гарик заглянул в ее глазницы.

Он увидел два туннеля, разделенные переносицей. В темных провалах глазниц перекатывались игральные кости. После того, как кости остановились, оказалось, что все они легли шестерками вверх...

«Покажи им, сынок! Выброси еще разок «шестерку»!..»

Очередная вспышка. Когда слепящий свет погас, начали складываться силуэты из образовавшегося пепла: Жанна, из которой сыпался порошок; Суслик, танцующий с пулей в голове; старик лунатик, ковыляющий по шоссе. И только мальчик оставался тенью, отброшенной во внутреннюю темноту. Тем, чего нельзя увидеть; можно только ощутить присутствие. Он и был самим Присутствием – заржавевшим крючком в памяти, следом хирургического вмешательства, нерассосавшимся шрамом... Как только Дьякон добрался до него, включился механизм «переселения».

Тайная мечта Хачикяна сбылась. Он был наконец свободен от долгов и обязательств. Он оценил эту привилегию – свободу жить так, как хочется.

Такси превысило допустимую скорость, и сирена уличного радара яростно взвизгнула. Хачикян не услышал ее. Рядом с ним сидела Жанна; он вез ее туда, где будет много-много «снега», целые сугробы кокса; «снежок» сыплется вечно, и безопасные призраки бродят в холодной лиловой полутиме...

* * *

Дребезжащая колымага разогналась до ста тридцати. Такси проскочило перекресток, задев крылом патрульную машину, чудом не перевернулось и оставило два трупа на тротуаре возле уличного кафе. Смятый бампер оказался заброшенным в витрину продовольственной лавки. Позже один из полицейских, ставший очевидцем столкновения, скажет, давая интервью, что, по его мнению, за рулем сидел «гениальный придурок»...

Хачикян не был ни гением, ни придурком. Он превратился в самодовольное и самодостаточное существо. Дьякон слился с ним; в результате осталась лишь жажда спасения.

Затем наступил краткий и последний момент просветления. Хачикян снова «увидел» не только фантомов, роившихся в его изуродованном мозге, но и порождения гораздо более изощренного сознания. Мальчишка в куртке с капюшоном, кативший на роликовых коньках по встречной полосе, смутно напомнил ему кого-то. Этот карлик был худшим из зол, занозой в заднице, причиной всех бед и несчастий...

К тому моменту таксист уже перестал что-либо видеть, но продолжал давить на полностью утопленную педаль газа.

Ощущение скорости было ошеломляющим. Ветер перемен превращался в ураган.

В том, что Гарик направил такси на заправочную станцию, была рука Провидения. Или, скорее, рука Дьякона, сидевшего рядом и принявшего облик дорогостоящей шлюхи. Недоступно дорогостоящей...

Потом все исчезло в огненном смерче. Хачикян «переселился» мгновенно и почти безболезненно. В свои последние секунды на Земле он был почти счастлив. Но в Колонии он обрел истинное, всеобъемлющее счастье. Его душа избавилась от якорей, которые удерживали ее в темноте.

* * *

Дьякон вознесся к небу в клубах дыма. Для него это был всего лишь очередной переход в новое состояние, изменение структуры, но не формирующего кода. Он не мог погибнуть.

Через несколько минут Ангел Бездны воскресил его, транслируя на поверхность планеты полные матрицы всех существ, когда-либо ставших жертвами глюка-охотника. Таким образом, у Хачикяна тоже появился шанс когда-нибудь воскреснуть.

Глава семнадцатая

Одно лишь скажу я в защиту телезрителей, миллионов и миллионов поклонников Единственного Глаза: пока они поглощены Глазом, они никому не приносят вреда.

Джек Керуак

Пока они преодолевали два квартала в тени каштанов (это заняло каких-нибудь десять минут), Малыш слегка «отпустил» старика. Чуть ослабил поводок. Позволил вспомнить – правда, лишь немногое из того, что сохранилось в памяти гида. Чаще всего идеальную картину удавалось восстановить с помощью нейтрального, «объективного» посредника. Иногда самую ценную информацию содержали именно ощущения медиума. Неизбежно возникала зыбкость трактовок, а воспоминания приобретали сладковатый аромат тленна. Было – и кануло в бездну. Но только не для клона. Для него прошлое существовало в консервированном виде и в любой момент могло быть вызвано к жизни. И еще – оно могло убивать. А консервных банок, которые он наловчился вскрывать, было множество – тысячи и тысячи черепов, хранивших податливое содержимое...

В то время как старик размякал, вернувшись в собственную молодость, клон контролировал тех, кто мог заметить странную «семейку» на прогулке. Главным объектом постороннего внимания являлась, конечно, Жанна – красотка с голыми ногами, одетая в уродливое грязное пальто с пулевыми отверстиями, – но и старик был хорош: ходячий труп в эпоху всеобщей сыости и животного благополучия. Надо отдать должное Ангелу: в отличие от предыдущих, болезненных тираний, подавляющее большинство коров в его стойлах были надежно защищены от холода, накормлены и обеспечены мозговой жвачкой до конца дней... Мицар ослаблял ненужное внимание до уровня фона.

Старик испытывал на редкость сложные чувства: ностальгию, страх перед враждебной внешней средой, горечь по поводу утраты – он даже не мог понять, чего именно. И смутное желание разрушить или вылечить; все зависело от того, насколько далеко зашла болезнь.

Он отождествил окружающее со схемой города – места, в котором он родился и которое оставил более тридцати лет назад. Кое-что изменилось до неузнаваемости, но главное пребывало в неизменности. Идолу прогресса все так же исправно приносились человеческие жертвы. Следы неискоренимого варварства имелись повсюду – Мозгокрут лишь подпитывал его, потакал инстинкту вида, подбрасывал в топку цивилизации черный уголь новых искушений...

«Откуда во мне этот яд, эта отрава? – думал старик. – Почему я не могу ощутить элементарную вещь – довольство? Почему все представляется обветшавшим фургоном, который украшен миллионом сверкающих побрякушек и стремительно несется под откос? И почему сосет под ложечкой и хочется, чтобы разразилась катастрофа?.. Может, я просто паршивая, ублюдочная овца, клиент психушки или поставщик сырья для генетических бомб? Но даже это – грех гордыни; ведь я чувствую себя полным ничтожеством...»

Он продолжал двигаться так же, как двигался в дикой зоне под предводительством Малыша – на свежий взгляд, излишне прямолинейно и с безжалостной размеренностью, будто внутри головы звучал метроном, отстукивая секунды и шаги. Но его сопровождал только утомительный шум обрывочных мыслей...

Откуда взялась девка; ее же убили? Или это другая? В таком случае кто она?.. А как звали

ту?.. Он не помнил. И не помнил, за что та умерла. Но зато не сомневался, что безропотно умрет за то же самое – если Малыш прикажет.

* * *

В свою очередь Жанна была совершенно уверена: новые спутники – клиенты. То, что их двое, ее нисколько не смущало. Малыш казался ей карликом-извращенцем, заслуживающим почти материнской жалости, а вот старикашка был типичным морфинистом со стажем. Полный импотент. С таким хлопот не будет...

Она смутно помнила события минувшего утра (какая-то неприятность, какая-то дурацкая задержка случилась на обратном пути из «Дубов Сиона»), в остальном жизнь была по-прежнему безоблачной. Пропажа порошка вообще не числилась в чрезвычайно коротком списке ее проблем. Отсутствие в интимнейшем местечке пакетика, который приятно возбуждал девушку как физически, так и психологически, вполне компенсировалось незамутненной радостью существования. Может быть, потому, что оставшиеся короткие дни вмещали в себя иллюзорные годы героинового оцепенения...

И только большие полицейские пистолеты немного мешали ей, отягощали талию – до тех пор, пока клон Мицар не преподал своему новому телохранителю первый урок стрельбы.

* * *

Малыш постоял в тени живой ограды, разглядывая особняк. Уютное гнездышко – на самый взыскательный вкус, – но ему оно казалось западней. Впрочем, западня была повсюду, даже внутри собственной головы. И щель пока оставалась приоткрытой для бегства («Куда тебе бежать? Где ты можешь спрятаться, щенок?! Твой враг – время, отведенное для миссии, а не пространство с его многомерностью...»).

Укол страха сигнализировал о наличии охранной системы. Психотронный тип. Мини-Блокада. Примитив – надежный, как железобетонная стена. Однако Мицар предпочитал нечто более эффективное... Потом система среагировала на Жанну и временно отключила генератор.

Оказавшись в холле, Малыш запустил собственного «сторожа». Новый глюк обнаружил себя только тем, что у старика случился очередной приступ паники. Девка в это время уже заснула прямо в кресле, и ее лишь задел крыльышком мгновенный кошмар.

Клон прогулялся по дому, с легким презрением во взгляде изучая интерьеры. Холл: огромная софа цвета увядшей страсти; полочка с нечитанной бумажной Библией; нелепые торшеры в виде гномов (не хватало только Белоснежки); дубовый паркет; жирная ленивая такса – почти часть обстановки; неплохой бар. Кабинет: натуральный ковер; трехмерное видео; сейф, встроенный в стену; стойка, набитая женскими кинороманами; набор сенсоров для виртуального секса; стол-büro; десятки безделушек, никчемных, как человеческий быт. Спальни: пастельные оттенки; балдахин; плазменные панели; зеркала; системы объемного звука; программируемый стробоскоп для погружений в транс; полный набор альковного барахла; камин, забитые настоящими дровами (это наводило на мысль о том, что необходимо изолировать слуг); парочка картин в стиле «бидермейер»... Мешанина, скрывающая пустоту. Что ж, Малыш знал, чем ее заполнить.

Он вернулся в холл, включил ТВ и ознакомился со всеми каналами по очереди. Учитывая, что их было восемьдесят с лишним, это заняло несколько часов. Мицар не прерывался даже для

того, чтобы поесть. Он смотрел все подряд: рекламу, спортивные репортажи, новости, идиотские викторины, киноанонсы. Кое-что ему понравилось – например, допотопные мультфильмы и кабельный канал, передававший порно независимо от времени суток...

Обрывок сообщения, которое успел передать Мегрец, всплыл сам собой.

Оно имело непосредственное отношение к происходящему на экране. И напоминало что-то смутно знакомое, засевшее в групповом сознании клонов, словно уже успевший сформироваться архетип новой расы...

Акт кровосмешения... Запретный секс с матерью... Железная топка вместо утробы... Фантазия на тему возвращения в смертоносное лоно... Люди, обменявшиеся телами... Мицар потерял нить, блеснувшую во мраке.

Гиду полагалось спать после долгого изнурительного пути, но стариочек тоже пялился на экран, и на его лице блуждала умильная слюнявая улыбка, будто он наблюдал за возней трехнедельных щенков. Мицар пришел к выводу, что относительно гида он не ошибся. Он сделал правильный выбор и удачно провел психотерапию. Впрочем, вклад братьев из «Револьвера и Розы» тоже не следовало сбрасывать со счетов... А старик был куда крепче, чем могло показаться на поверхностный взгляд. Если он перенесет все, что ему уготовлено, и не свихнется окончательно, то Мальш отблагодарит его. И это будет поистине СЫНОВНЯЯ благодарность...

* * *

Уходило время. Старик уже спал. Мальш бездействовал. Бездействие медленно убивало его.

Он ждал, когда человек по имени Хасан выйдет на связь.

* * *

(А старику приснился зоомагазин, который находился в первом этаже старого дома в городе его детства. Во сне старику снова исполнилось восемь лет. В кармане у него лежали деньги, подаренные родителями. Он шел в магазин, чтобы купить себе живое существо. Друга. Он еще не решил, кто это будет – попугай, щенок или крыса. Он хотел любить и защищать кого-то, еще более слабого, чем он сам. Но был некий отрезвляющий оттенок в его предвкушениях – с тревожным холодком он думал о том, что некто будет целиком зависеть от него.

По пути он облизывал мороженое. У мороженого был вкус земляники, и в воздухе пахло липой. О, детство! Где твоя радость, твой свет, твоя свобода? Где вечность каждого дня?..

Остановившись перед витриной, он проглотил слишком большой кусок мороженого, и с той секунды в груди разлился настоящий холод, сковавший ее ледяным панцирем.

Воспоминания – те же чучела. Идентичная форма, поблекшие цвета, отсутствие жизни. Фальшь, подмена, дешевка... Во сне мальчик начал плакать и почти физически ощутил, как грубоет и стареет его серце...

Неподвижные экспонаты в витрине зоомагазина оказались чучелами. На клетке, в которой сидел иссиня-черный ворон, висела табличка «Йозеф». Точно такая же надпись украшала манеж с чучелом щенка сенбернара. И даже рыбы, подвешенные в аквариуме, были снабжены тем же нелепым идентификатором.

Когда мальчик приблизился настолько, что его тень упала внутрь магазина, все чучела

внезапно ожили. Ворон Йозеф расправил крылья, отряхнул с них пыль и произнес несколько слов на латыни. Рыбки оказались бойцовыми, и вскоре вода в аквариуме помутнела и приобрела коричневый оттенок. Щенок отчаянно тякался, пытаясь привлечь внимание мальчика, плакавшего по ту сторону стекла.

На какой-то миг старик, вернувшийся в детство, поверил, что все экспонаты – ЖИВЫЕ.
И проснулся.)

* * *

Его звали брат Йозеф. «Брат» – это был эвфемизм, не более. У него не осталось живых родственников – так же, как и «братьев» из ордена Красного Креста и Полумесяца, к которому он когда-то принадлежал душой и телом. Он давно похоронил своих правнуков. Он считался бессменным хранителем Терминала, но на самом деле срок его службы заканчивался.

У него было лицо, покрытое неизлечимой сыпью, и механические конечности. На голом черепе красовались следы нескольких трепанаций. Многократно облученный мозг превратился в подобие потрясающе сложной головоломки. Никто не сумел бы определить, где заканчивается живая ткань и начинаются искусственные нейронные поля – даже если бы воспользовался для этой цели томографом. Кожа Йозефа утратила эластичность и напоминала на ощупь старые бумажные деньги. Желудок атрофировался; кроветворные органы были пересажены четырежды.

Он питался специфическим образом. Универсальный Бог кормил его чистой энергией. Разрешенными именами Бога были «Дух Бездны» и «Орбитальный Контроль». Было еще запретное, непроизносимое имя. Брат Йозеф знал его. Это был код, запускавший реакцию уничтожения Вселенной. Брат Йозеф верил, что существование разрушающего кода – неоспоримая правда. Ведь то, чего нельзя уничтожить, не было создано и не имеет никакой ценности.

Такова была плата за близость к святыне. Терминал являлся неотъемлемой частью божественного замысла. В некотором смысле – частью материализовавшегося божественного тела. Органом тотального самоубийства – как палец, лежащий на спусковом крючке пистолета размером с земной шар. Йозеф никогда не задумывался, что же в таком случае было пулей, взламывающей височную кость. Он размышлял о другом.

Чем ближе была – нет, не старость – отставка, утрата функциональности, угроза разрушения, тем чаще он вспоминал об Энтропии. Энтропия, по Йозефу, – это было одно из главных имен сатаны. Тогда, вероятно, Терминал – одно из названий Грааля?..

В прошлом его забавляли подобные аналогии. Давно. Очень давно. Еще до того, как он утратил чувство юмора и превратился в памятник самому себе. Вроде этой нелепой церкви с голографическим алтарем и электронного идола, которому сознательно или бессознательно поклонялись избранные люди, существовавшие под защитой Блокады.

…Все преходящее – жизнь, смерть, энергия, пространство, время, судьба. Только Энтропия вечна. Когда он был крутящимся дервишем, то считал, что Энтропия – это новый Бог, растворенный в непреложных законах и необратимом движении мира к концу. Он ошибался. Нет раба, более верного, чем новообращенный. Он стал рабом Темного Ангела и кое-что понял за время своего служения. Но далеко не все.

«Абраксас» был стар, немыслимо стар. Именно поэтому мир приходил в упадок. У Ангела не хватало энергии, чтобы поддерживать запущенный механизм в исправном состоянии. Мир был ржавым поездом, несущимся под уклон к разрушеному мосту. Те люди, которые ехали в передних вагонах, уже погибли. Те, которые забрались в задние, еще сохраняли прежний курс.

Некоторые счастливчики полагали, что отвоевали себе место в отдельной, комфортабельной и автономной мотодрезине. Это заблуждение относилось к числу самых идиотских.

Энтропия неизменна и препятствует возникновению так называемых «чудес». Она – единственный закон без исключений; маргинальный элемент, достижимый с помощью сознания; дальнейшее проникновение вглубь требует саморазрушения. Движение в обратном направлении создает иллюзию вечной борьбы, но, как любая иллюзия, совершенно бесполезно. Бесконечный поток сносит утлы лодочки разума вниз по течению, всегда вниз – и всегда чуть быстрее, чем может странствовать сознание существ. Направление этого обретенного движения никогда не меняется. От абсолютного порядка точки коллапса – через хаос пульсаций – к новому порядку. Беззаконие.

Безмерность. Тепловая смерть. Таков был сценарий. И не Йозефу оспаривать это или выражать.

Долгое время он был частью коллективного разума Ассоциации, являвшейся, по сути, теневым правительством Коалиции. Его мозг был включен в сеть, что практически исключало возможность подкупа или предательства. Ради этого Йозефу пришлось пожертвовать всем индивидуальным. Когда он не просто «познал», а буквально стал двойником каждого из более чем пяти сотен «братьев», он понял степень собственного уродства.

По правде говоря, для этого хватило бы и одного «зеркала», отразившего чудовищную сущность. Но Йозеф оказался в комнатах ужаса и смеха, среди десятков кривых «зеркал», уводивших в дебри многократных отражений, расселивших его в чужих греховых душах. Шизофрения в энной степени – жить с таким диагнозом было выше человеческих сил, однако к тому времени он уже не был вполне человеком.

Впрочем, все человеческое присутствовало в нем какrudимент, который в любой момент можно подвергнуть изучению или модификации. Он извлекал этиrudиментарные элементы и пользовался ими, дрессируя своих двуногих подопечных. Он осуществлял избирательный подход, прибегая то к милосердию, то к жестокости, то к силе, то к слабости, то к проклятиям, то к обещаниям спасения...

Йозеф давно лишился голосовых связок и трахеи (как и многое другого), зато в его распоряжении был синтезатор с неисчерпаемой памятью и миллионами голосов, который мог звучать, как толпа покойников, поднятых из могил в день Страшного суда. Йозеф предпочитал миксы из фрагментов разной тембральной окраски длительностью не более десятой доли секунды, которые было практически невозможно идентифицировать. Тем более что все обладатели оригинальных сэмплов формально считались мертвыми или пропавшими без вести. На самом деле Йозеф поглотил их, словно библейский Левиафан, и стал качественно иным, нежели взаимопроникающая совокупность живых клеток и сенсоров.

По мере усложнения сети Йозеф становился независимым от внешних устройств. Постепенно он приобретал характерные черты сверхъестественного существа; само имя «Йозеф» утратило личный смысл и превратилось всего лишь в обозначение некоего образования, отдаленно сходного с роем, а место его обитания (целый район города) – в лабиринт, многосвязный с точки зрения топологии, внутри которого бедняге-скитальцу не поможет никакая нить Ариадны. По большому счету и Йозефу, и Мозгокруту поклонялись, как языческим богам или стихиям древности. Их влияние было настолько сложным, многогранным и всеобъемлющим, что любое, даже самое незначительное событие имело мистическую окраску. Им ничего не стоило «услышать» молитвы, обращенные к ним. В самом деле, почему бы нет, если запасы энергии позволяют? Это даже становилось частью гигантской двойственной игры или, вернее, постановки, которая постепенно подменила и вытеснила естественную среду.

Подавляющее большинство «приходило» к Йозефу добровольно. Кое-кого ему пришлось заставить присоединиться, когда он счел их полезными. Он не считал это убийством. Или тем более «похищением души». Скорее слиянием с суперразумом и его плотским эквивалентом.

Для объяснения собственной сущности у него была и другая, материалистическая модель – что-то вроде гостиницы с сотнями номеров. Эдакий внутренний «Одинокий всадник», населенный псевдопризраками – устойчивыми совокупностями импульсов и вибраций. Это была собственная «колония» Йозефа. Или, вероятно, зоопарк. То есть Йозеф проводил эксперимент, немного уступавший по масштабу глобальным опытам Мозгокрута. При этом каждый «жилец» обладал всей информацией и возможностями, присущими рою в целом.

Универсальная Церковь Йозефа… Эти три слова обозначали не культ, не пышные ритуалы и не иерархию жрецов, а нечто другое. Впрочем, Церковь Йозефа могла включать в себя все что угодно, маскируясь под конфессию, и тогда отличия становились неуловимыми. Церковь занимала огромный кусок пространства, окруженный зоной отчуждения. Были веские основания полагать, что внутри ее размытых границ нарушаются не только этические, но и физические законы. В результате центральная часть города практически обезлюдела – если, конечно, не считать вторичных существ, которые населяли этот рассадник миражей. Во владении Церкви оказались три квартала, стадион, бывший университет, заброшенный мужской монастырь, астрономическая обсерватория, часть городского парка и прилегающий к нему ботанический сад.

Возможно, выбор Йозефа был хаотическим, но в это слабо верилось. Вначале кое-кто пытался изучать проблему на государственном уровне. На плане города пятно, приблизительно обозначавшее зону его непосредственного влияния, имело неправильные очертания. Предъявленное в качестве кляксы Роршаха, оно в девяноста случаях из ста вызывало негативные ассоциации и угнетающую эмоциональную реакцию. Но дело в том, что зона неопределенности не ограничивалась этим, а простиралась вверх как минимум до стратосферы и бог знает, на сколько сотен метров вниз. Обитатели пяти подземных затопленных этажей университета могли бы подтвердить, что их это влияние точно не миновало. Могли бы – если бы умели говорить.

После образования Коалиции Универсальная Церковь была объявлена неприкосновенной. Некоторые отчаянные одиночки пытались исследовать ее на свой страх и риск. Кое-кто из них исчез навеки, кое-кто сошел с ума. Велик был процент и тех, что наложили на себя руки. Автоматические зонды, изготавляемые в частных лабораториях, возвращались с разрушенной памятью, если вообще возвращались. Со временем желающих разгадать тайну сверхсущества, сделавшего несколько кубических километров своей фантасмагорической «плотью», становилось все меньше.

У него не было слабых мест – по определению. Неуязвимость достигла предела, за которым возможно только саморазрушение. И даже маленький ничтожный червяк Хасан понимал это. Но было главное, чего он не понимал: подоплеки заговора, осуществленного Йозефом против космического конкурента. Кто мог обнаружить причину происходящего в союзе Универсальной Церкви и отдаленного монастыря, который поставлял разнокалиберные фигуры для разыгрываемой ими партии? Хасан был всего лишь пешкой, курьером, не подозревающим о конечной цели. Он ожидал встретить сопротивление там, где все препятствия были устранены, и радостно шел навстречу своей трансформации.

Вернувшись домой из краткосрочной командировки, инспектор Резник долго и агрессивно любил свою жену – насколько позволяло здоровье. Та была приятно удивлена его внезапной пылкостью (оказывается, некоторым посещение Озоновой Дыры даже идет на пользу!), а Хасан всегда был немножечко садистом.

Особенно когда видел перед собой гору белого рыхлого мяса, как на картинах Тициана. Ничем не рискуя, изнасиловать еврейку – еще недавно номер шестьсот шестьдесят шестой не смел о таком и мечтать!

В конце концов и он утомился. Несмотря на это, он отходил ко сну с большой неохотой. Можно было бы, конечно, воспользоваться стимулятором, но Хасан решил поберечь чахлое сердечко инспектора.

Сны Резника были необычны. Всю ночь продолжалось глубокое зондирование, которое началось в момент пересечения Блокады. Хасан слегка опасался этой процедуры, но его новый хозяин обо всем позаботился. В результате восемь часов из шестнадцати никакого Хасана просто не существовало. Трижды за сутки он подвергался распаду на неидентифицируемые элементы и повторному слиянию в соответствии с программой маскировки.

Сама программа была органично вплетена в диссоциативный комплекс Резника, но степень расщепленности не выходила за пределы среднестатистической нормы, принятой для индустриальной зоны, и не вызывала подозрений. Избыток психической энергии рассеивался на физическом уровне. Проще говоря, температура тела инспектора поднялась до сорока одного градуса. Проснувшись среди ночи, жена обнаружила его мокрым от пота и завернувшимся во влажную простыню. Резник жалобно стонал. Похоже было, что бедняга подхватил грипп. Разбудить его до определенного момента оказалось невозможным.

В это время он видел сон, очень похожий на предсмертный кошмар Мегреца. Ему снилось, что он занимается любовью со своей матерью, а потом его пытал отец.

У кого-то было тяжелое детство.

Но у кого?

* * *

К утру все признаки «гриппа» исчезли. Хасана передернуло, когда пришлось поцеловать дочь инспектора – уродливое существо, усеянное подростковыми прыщами. Она вызывала у него омерзение именно потому, что была «плотью от плоти».

Позавтракал он без всякого аппетита. Пища казалась отвратительной, но он заставил себя есть исключительно ради поддержания жизнедеятельности. Наглотавшись таблеток и стараясь не обращать внимания на ноющую язву, Хасан приступил к реализации плана. Для начала он сделал то, чего инспектор Резник боялся как огня. Он добровольно отправился на исследование в правительственный медицинский центр.

Диагностика заняла каких-нибудь полчаса. Столько же Хасан потратил на прогнозирование жизни, предварительно подписавшись под заявлением о «личной ответственности» в соответствии с пятьдесят седьмой статьей Гражданского кодекса. Приговор, вынесенный его новому телу, он выслушал, как и полагалось, с убитым видом, однако внутри у него ровно пылал холодный яростный огонь.

До активизации «гена смерти» оставалось два с половиной года плюс-минус три месяца. Инспектору была рекомендована частичная занятость и сокращение долговременных рабочих программ.

Итак, он официально стал трупом, получившим тридцатимесячную отсрочку. Тот, кто

совершил «рокировку», не ошибся в расчетах. Теперь Хасан освободился от обузы и имел все необходимое, чтобы совершить задуманное. Зондирование бессмысленно, и даже сам Йозеф не сможет обнаружить подделку.

* * *

Хасан наслаждался и упивался последней игрой. Такой тонкости он еще никогда не достигал. Террор на уровне излучений, формирующих реальность, – от подобной перспективы захватывало дух. Хасан готов был в любую минуту совершить ритуальное самоубийство, если бы другого способа борьбы и протesta не существовало, однако он не считал себя религиозным фанатиком. К счастью, был и другой способ. У каждого свой путь к Аллаху. Его путь пролегал через Универсальную Церковь Йозефа. Он видел в этом не подлежащую обсуждению высшую мудрость.

Мало кто предпочитал «уход в сеть» индивидуальной смерти. Это означало только одно: что идея «бессмертия души» оказалась чрезвычайно живучей, а Йозеф представлялся зараженной предрассудками толпе чем-то вроде преддверия вечного ада. Но Йозеф сам управлял толпой; он был наместником «Абраксаса» в данном районе земной поверхности, и все разрешенные «идеи» обладали необходимой вторичностью, так как были пропущены через двойной фильтр, который не оставлял шансов врагам системы.

Если проводить кощунственную аналогию, то явно не хватало третьего в предполагаемой и отнюдь не святой троице. Третий – бестелесный посредник, носитель кода – всегда оставался в тени, присутствовал в непроявленном виде; возможно, это было нечто, растворенное в мозгах счастливых рабов.

Служение двум демоническим существам означало отказ от личной свободы. Однако и те, кто пытался остаться в стороне, лишь обманывали себя. «Нейтральные» пешки тоже были предусмотрены в этой глобальной игре; им даже было отведено особое место. Орбитальный Контроль и Йозеф поделили сферы влияния. Впрочем, само влияние было одинаковым – порабощающим и практически непреодолимым. Но они же формировали виртуальную изнанку мира – в противовес абсолюту. Им не оставалось ничего другого, кроме как быть исполнительными органами «сatanы» – ведь другая половина так называемой реальности была занята изначально...

От приходящего это требовало высшей жертвенности, куда большей степени самоотречения, чем при совершении обыкновенного самоубийства. Вплоть до конца представить себе последствия «слияния» было абсолютно немыслимым делом. Возвращение также невозможно. И в случае неполной интеграции для новичка действительно наступал вечный ад, во много раз худший, чем неизлечимая паранойя.

Хасан понимал, на что шел. Слиянию традиционно предшествовала более или менее продолжительная «исповедь» – отголосок старого примитивного обычая, получившего новый смысл. Исповедь, после которой ему уже никогда не быть прежним – Йозеф изымет его грехи, равно как изменит саму греховную природу индивидуального существа. Катарсис через объединение – в этом было нечто чрезвычайно привлекательное, чуть ли не сексуальный акт, в результате которого на свет тут же появляется новое образование, включающее в себя «родителя» и все вероятные инкарнации.

* * *

Хасан отправился к Йозефу на «шкоде», угнанной от бара, где собирались «прокаженные» – обитатели зоны отчуждения.

День был прекрасным на все вкусы и для любой цели – хоть для пикника, хоть для смерти, хоть для воскрешения. Ласковые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь смог, убеждали в том, что бытие прекрасно само по себе. Хасан верил и в это, однако ему требовалось нечто большее. С раннего утра он находился в отличном расположении духа и даже отказался от мысли лично передушить детенышней Резнику, обставив все как ритуальное убийство. Если его афера завершится успешно, жить им все равно останется недолго. Хасан мог быть плохим, жестоким, коварным, но мелочным он не был никогда.

На местном жаргоне все входы на территорию Йозефа именовались «засадами». Хасан направился к южной «засаде». Он проехал по пустеющим улицам. Здесь было особенно заметно, как дичает уцелевшая растительность. Последний открытый магазинчик торговал подержанными примусами, керосинками и разным скобяным барахлом, а перед входом в последний открытый канна-бар валялись в пыли собаки. У одной было бельмо на глазу. Из окна напротив высунулся человек с дебильным лицом и заорал: «Внимание! Воздушная тревога! Все в бомбоубежище!»

Хасан ухмыльнулся. Всю свою жизнь, исключая периоды отсидок в тюрьмах, он боролся за идеалы, внущенные ему в юности. То, что он оставлял позади, не заслуживало сожаления или спасения. Прошлое – мусор, отработанный материал. Цепляться за него – все равно что питаться экскрементами. Их надо закапывать поглубже и устремляться на поиски чистой пищи и воды...

Только радикальное обновление давало какую-то надежду. Это даже не хирургическая операция, потому что метастазами поражен весь организм. Хасан верил в то, что единственный способ создать идеальное общество – это некий аналог клонирования, для которого потребуется всего одна живая здоровая клетка. И если Хасан не ошибался, Йозеф был на правильном пути...

Он свернул направо, следя огромной стрелке, намалеванной на глухой стене полуразрушенного дома под надписью «Царствие небесное». Что остается, когда лишаешься всего или отbrasываешь ненужное? Только юмор. Иначе ты примитивное животное, которым движет инстинкт... или кнут хозяина.

Финишная прямая была короткой и уже совершенно безлюдной. Завалы из битого кирпича загромождали проезжую часть, и Хасану пришлось вылезти из машины. В пятидесяти метрах впереди был виден поднятый шлагбаум с облезшей краской. Поражало обилие птиц. Верхние этажи превратились в птичники под дырявыми крышами. В воздухе звенел непрерывный гомон, незаметно подтачивавший даже самые крепкие нервы.

Возле шлагбаума имелся указатель, который лаконично сообщал: «Новый Ватикан. Население – 1». Хасан пересек границу владений Йозефа и погрузился в «засаду».

* * *

Он появится на этом же месте спустя тридцать два часа – и не с пустыми руками. Внешне он будет по-прежнему неотличим от инспектора Резника. Йозеф воспроизведет его матрицу практически без искажений.

Глава восемнадцатая

*Не ходи за помощью!
Никому нет до тебя дела.
Твой разум полностью под контролем.*

Фрэнк Заппа

Частный детектив Боб Мирошник сидел в своей машине и наблюдал за домом потенциальной жертвы Дьякона.

В детективных книжонках нередко утверждалось, что ожидание – едва ли не худшая вещь на свете. Во всяком случае, самая нудная. Мирошнику так не казалось. Разве вся жизнь – это не затаенное ожидание закономерного конца? Добавьте сюда все прелести старости. Что же тогда говорить о сиюминутных мелочах? А если ожидание скрашено пачкой хороших сигарет, бутылочкой старого коньяка, тихой музыкой, при этом ничего не болит, а в машине мягко, тепло и уютно – только полный идиот будет жаловаться на такую работу. Раз уж время должно быть убито, то лучше убивать его в комфортных условиях.

Мирошник был гурманом и доморощенным мудрецом. Он все взвесил, все перепробовал на вкус и все разложил по полочкам. До недавнего времени мир был простым и понятным. Есть хорошие ребята, есть плохие ребята. Плохих ребят всегда больше. Бобу приходилось выполнять заказы и тех, и других. Работать на первых было гораздо приятнее, на вторых – гораздо выгоднее. Сочетая две крайности, Мирошник придерживался золотой середины и смирялся с неизбежным.

Желание все усложнять появляется у тех, кто потерпел фиаско в борьбе за место под солнцем, Абсолютно чистым это место не бывает никогда. Весь фокус в том, чтобы вовремя остановиться. Болтовни о мистической природе зла Мирошник не переносил, хотя повидал на своем веку немало загадочных смертей, нераскрытых преступлений, изуродованных трупов и патологически жестоких людей. Причин и следствий слишком много, чтобы человек мог охватить их своим умишком. Любые загадки становятся объяснимыми, если все время помнить, что некоторые плохие ребята, сидящие высоко, стремятся перебраться еще выше, жрать еще больше и при этом какают вниз. Ну а куда же еще?

Мирошник занимал очень скромную ступеньку на бесконечной лестнице тщеславия, но при этом был вполне доволен собой. К сильным мира сего он научился относиться с легким презрением и даже использовал их маленькие слабости. Это позволяло ему сносно существовать. Как считал Боб, почтывавший на досуге Екклесиаста и старых китайцев, желать чего-то большего было бы детской болезнью, которая у многих затягивается на всю жизнь.

Мирошник давно преодолел трудности роста и даже так называемый кризис среднего возраста. Переломного сорокалетнего рубежа он вообще не заметил. Свой знаменательный юбилей он встречал, лежа в постели с симпатичной проституткой, питавшей к нему дружеские чувства. Причина этих чувств тоже была проста и понятна: в трудные моменты он одолживал ей деньги, оплатил операцию, сделанную ее четырехлетней дочке, и пару раз выручал из неприятных ситуаций, возникавших, когда ребятам из полиции нравов попадала под хвост. Раскаиваться в своих добрых деяниях ему пока не приходилось.

...Боб докурил, выбросил окурок и добавил громкости, нажав клавишу на панели приемника. Звуки эйсид-джаза обтекали его гармонизирующими волнами. Он продолжал наблюдать из-под полузакрытых век, не позволяя себе задремать ни на минуту. Улица была

пуста, если не считать четырех автомобилей, припаркованных поодаль. На табло электронных часов тускло светились маленькие циферки, доказывая, что все поддается трезвому расчету, а если нет – значит, что-то сломалось или кто-то болен.

Мирошник не испытывал особого страха перед Черным Дьяконом, терроризировавшим город. Он даже не знал, что уже видел Дьякона и остался жив только благодаря своему неведению. Боб считал его просто еще одним опасным сумасшедшим. Маньяком, безнаказанно убивающим до тех пор, пока жертвы поддаются панике и гипнотизирующему ужасу. Судя по всему, не поддаться трудно, но Мирошник попробует. Он был готов к встрече и даже к смерти, если окажется недостаточно быстрым. При любом раскладе причина удачи или неудачи кроется в нем самом, а не в области туманных бредней о судьбе и предопределении...

Он выбрался из машины и размял ноги, побродив по тротуару вдоль красивой литой решетки. На первом этаже особняка горел зеленоватый свет. Изредка в саду мелькало нечто вроде привидения. Это был «сторож» из самых дорогих. Радиус действия – до сотни метров от генератора. Для города вполне достаточно.

Детектив удовлетворился осмотром. По крайней мере его инструкции соблюдались. Он снова залез в машину и решил подумать о чем-нибудь приятном – для начала о куколке, живущей в особняке. Мирошнику были понятны далеко не все басни, которыми та пыталась его накормить, однако он знал, что рано или поздно последует банальная развязка.

* * *

Он познакомился с клиентом позавчера. Мирошник арендовал помещение для своей конторы в гостинице «Одинокий всадник». Дороговато, однако ниже определенного уровня опускаться не стоило ни при каких обстоятельствах.

Было около десяти утра. Он сидел в триста двадцатом номере, потягивал красное вино, читал «Братьев Карамазовых» и поражался тому, до чего же далекой от реальности может и должна быть хорошая литература.

Звонок из Ассоциации раздался в четверть одиннадцатого. Как всегда, голос был пропущен через фильтр. Мирошник получил исчерпывающие инструкции и достал из сейфа свои игрушки.

Через полчаса он был в указанном месте и вел наблюдение при помощи мощной аппаратуры. А вечером девушка сама явилась к нему в контору. Случайное совпадение? Конечно, нет. Он решил, что это подстроено людьми из Ассоциации. Маленькое, но роковое заблуждение! С таких заблуждений обычно начинался путь на кладбище.

Как только Жанна вошла, он оценил ее внешность, породистость и примерную стоимость изысканных тряпок. Сперва она показалась ему типичной представительницей прослойки хай-мидлов, у которых если и возникали проблемы, то лишь по недосмотру Мозгокрута. Чаще всего Боб встречал довольных хай-мидлов, реже – кайфующих, совсем редко – растерянных. В последнем случае они напоминали коров, которым недодали корма. И только однажды он видел мидла, который осознал, что его ведут на убой...

Затем кое-какие детали заставили частного детектива изменить свое мнение о посетительнице. Несомненно, на ней была маска – маска самоуверенности, самоконтроля и запрограммированности на успех. Он был абсолютно уверен в том, что девушка «настоящая». В его конторе был нелегально установлен анализатор, а индикатор излучения находился прямо под крышкой стола. Мирошник также не считал себя подверженным фантазиям, однако временами ему казалось, что сквозь прорези в безупречной и все еще живой коже

непостижимым образом выглядывает то насмерть перепуганная женщина, то ребенок, то дряхлый старик.

Она без приглашения опустилась в глубокое кресло, приоткрыв бедра для обзора, и сразу же достала сигареты. Она вела себя настолько раскованно и естественно, что это само по себе казалось весьма совершенной игрой. Ее взгляд был направлен мимо детектива. Чаще всего она смотрела в окно, и ее зрачки периодически реагировали, расширяясь и сужаясь, словно там происходило нечто важное или менялась освещенность. Мирошник не оглядывался через плечо. Он знал, что из окна его конторы можно видеть только крышу и лес телевизионных антенн. И то, и другое не отличалось особой живописностью.

Он щелкнул зажигалкой и перегнулся через стол. Он рассматривал ее, как хирург пациента, отставив эмоции в сторону. Хрупкая и беззащитная. Это делало ее почти неуязвимой. Тронь такого мотылька – и почувствуешь себя деръемом. Но не все же столь чувствительны... Впрочем, Мирошник не доверял поверхностным впечатлениям. В конце концов, существовала и небольшая вероятность полицейской провокации.

Когда она сообщила, в чем будет заключаться его работа, он подумал, что ослышался. Названная им сумма гонорара не вызвала видимого протеста. Конечно, он задал несколько обязательных банальных вопросов. Она вполне «откровенно» поведала ему о своих затруднениях. В частности, о двух продырявленных трупах в полицейской форме, лежащих на загородном шоссе.

Мирошник соображал. Не похоже на шалости Дьякона. Тот работал художественно: костры, распятия, обильные библейские реминисценции и прочая чушь, неотразимо действующая на обывательские мозги... Боб начал понимать исходный мотив. Ей (или тому, кто стоял за нею) срочно понадобился болван. Можно, конечно, назвать это иначе, деликатнее – прикрытие, сильный мужчина, человек, на которого можно положиться в трудную минуту, – но самым верным будет все же первый вариант. Болван. Именно так.

Анализировать дальнейший разговор не имело смысла. Нелепую историю о secte, которая охотится за бедняжкой, чтобы совершить ритуальное жертвоприношение, он выслушал вполуха, едва воздерживаясь от улыбки. Вскоре он уже догадывался, с чем придется иметь дело, если он, конечно, согласится работать на нее: наверняка контрабандный кокаин; почти наверняка те самые забравшиеся наверх нехорошие ребята; возможно, компромат; возможно, связанный с этим дутый политический скандалчик. Это объясняло бы вмешательство Ассоциации, стремящейся погасить волну, которую по наивности гонит какой-то тупица из марионеточного правительства. Не исключался и «неудобный» жмурик, припрятанный на чьей-нибудь дачке. В общем, полный набор дешевки для бульварного романа...

Мирошник ничем не выдал своих истинных эмоций. Боб давно не совершал подобных оплошностей; он не собирался ошибаться и на этот раз. Обычные женские штучки тоже оставили его совершенно равнодушным. Красивая девочка. Чем они красивее, тем опаснее. Слишком много удовольствия вредно для здоровья...

Он еще немного поиграл с нею в вопросы и ответы. Объяснил ей, что он не телохранитель и не семейный адвокат. Прикинулся простачком и не вполне чистоплотной ищейкой. Сказал, что ищет пропавшие вещи и сбежавших жен. Иногда любимых пуделей. При случае не брезгует «художественной фотографией». Готов в известных пределах рискнуть репутацией, но не собой. Извините, до свидания.

Клиентку это не обескуражило. Она вцепилась в него мертвой хваткой. Тогда он нюхом почуял наводку. Все сходилось. Кто-то кому-то расставлял ловушку. А девка с ее фальшивой паранойей была лишь живцом. Ужасно симпатичным, но уже обреченным. Инстинкт самосохранения предписывал Бобу держаться подальше от чужой игры.

Короче говоря, у него не было причин соглашаться. Кроме одной – в течение многих лет он был тайным палачом Ассоциации. Он выполнял соответствующую работу время от времени. Крайне редко. Но всегда – на высочайшем профессиональном уровне. Единственный из ренегатов, которому удалось уйти, был Ники. Однако Ники уже никому не причинит вреда. Так что звонок из Ассоциации явился для Мирошника решающим аргументом.

* * *

Следующая встреча состоялась уже в особняке Жанны. Боб явился туда утром, чтобы осмотреться на месте. Многое прояснилось, но кое-что оказалось еще более загадочным. Мирошник протестировал охранную систему и нашел ее достаточно надежной. Сад создавал некоторые дополнительные проблемы, однако дом был оборудован всем необходимым для того, чтобы отсидеться в нем в течение длительного срока. Если, конечно, клиенты действительно хотят отсидеться. После того как частный детектив попал внутрь, он уже не был в этом уверен.

Он познакомился со свихнувшимся стариком и странноватым мальчиком. Жанна называла старика «дядей», а мальчишку соответственно «племянником».

«Не многовато ли родственников?» – подумал Боб со свойственным ему здоровым цинизмом. Новое задание нравилось ему все меньше – особенно когда он вдруг почувствовал себя крайне неуютно под пристальным взглядом «племянника». Мирошник мог поклясться, что этот взгляд не имел ничего общего с обычным детским любопытством. Мысль о том, что мальчишка не напрягаясь занимается примерно тем же, для чего предназначены стационарные психозонды, стоящие сотни тысяч и обслуживающие десятками яйцеголовых, была мимолетной и бесследно стерлась из памяти.

Бобу приходилось мириться с тем, что его держат за идиота. Впрочем, за хорошую плату частный детектив был согласен немного поглупеть, чего не скажешь о тайном агенте Ассоциации. Особой опасности он пока не видел – ни для себя лично, ни для своего микроскопического бизнеса. Кому он мешал? Разве что женам рогоносцев-мазохистов, плативших за удовольствие знать «самое худшее».

* * *

В тот же вечер с ним впервые в жизни произошло нечто, не поддающееся рациональному объяснению. Вера Мирошника в разум слегка пошатнулась.

Покончив с мелкими делами (делишками), он собирался отправиться домой. Особого смысла в этом не было, но Боб все еще оставался слишком небезразличным к комфорту, чтобы заночевать, не раздеваясь, на узком и коротком диванчике, стоящем вдоль короткой стены кабинета.

Он погасил свет и запер дверь конторы. По пути к лифту он проходил мимо 318, 316 и 314 номеров. Дверь триста восемнадцатого была открыта. Мирошник не знал человека, который, находясь в самом загадочном отеле города, не заглянул бы в приоткрытую дверь. Однако то, что происходило внутри номера, не на шутку озадачило его, а загадочность приобрела ненавистный мистический оттенок.

Он увидел большую комнату, освещенную только мерцающим телевизионным экраном. На экране не было даже настроенной таблицы. Бегущие сверху вниз полосы показались Бобу обычным эфирным шумом. За столом, спиной к двери, сидел низкий человек в черном плаще

священника. Его длинные волосы свободно падали на плечи. Перед ним лежала раскрытая книга. Конечно, со своей позиции Мирошник не мог различить шрифта, однако формат, обложка, толщина блока – все определенно указывало на то, что это была Библия.

Боб задержался возле двери всего на несколько секунд. У него была профессиональная крадущаяся походка, а на мокасинах – мягкие подошвы. Его шаги были бы неслышными, даже если бы в коридоре не оказалось ковровой дорожки. Тем не менее длинноволосый как будто ощутил спиной присутствие постороннего. Он повернулся, слегка изменив положение тела, и Мирошник мгновенно запечател картинку тренированным глазом.

У сидящего оказалось лицо неопределенного возраста. Вечный юноша или вечный старик. Стертая грань между всеприятием зрелости и радикализмом молодости... Человек улыбался. Плохо улыбался... В правой руке он держал гусиное перо. Перед ним лежала стопка очень старой на вид бумаги. А в глубине комнаты, в неосвещенном кресле, сидел еще кто-то. Мирошник увидел только бледный овал вместо головы, но ему стало не по себе. Это обезличенное пятно с растворившимися чертами тускло светилось, словно гнилушка на болоте.

Человек, переписывавший Библию, погрозил Мирошнику пальцем. Это был жест, исполненный благородства, отточенного изящества и безграничного превосходства. Детектив мгновенно почувствовал себя дремучим варваром, подглядывающим за представителями высокоразвитой цивилизации. В то же время ему стало совершенно ясно: его просветили насквозь, но не приняли всерьез. Так мог бы обращаться с паршивой овцой пастух, понимая, что та все равно никуда не денется.

Боб действительно осознал: некая ужасная мышеловка захлопнулась давным-давно, еще в минуту его появления на свет, а два существа, сидящих в мрачном номере отеля, – лишь статисты предопределения. Однако от этого страх не становился более понятным, и подавить его было ничуть не легче, чем вырваться из невидимой паутины, дойти до лифта на негнущихся ногах, спуститься вниз, пересечь холл и кивком головы попрощаться с новым ночным портье, заменившим беднягу Христиана Раковского.

* * *

До половины третьего ночи все было спокойно. Мирошник приготовился встретить самую глухую пору суток со стаканчиком горячего кофе из термоса, плеснув туда коньяку. Выпить он не успел.

Завидев старый черный автомобиль, бесшумно подкатывавший к особняку, Боб не стал суетиться. Он выплюнул содержимое стаканчика в окно и вытер ладони. Его тайное оружие всегда было при нем. Ему оставалось всего лишь вытянуть правую руку и приложить ладонь к лобовому стеклу. После этого нажатием на определенные точки он установил примерно десятиградусный сектор поражения. Мирошник опробовал «стиратель» на ближайшем подходящем объекте. Убедившись в том, что мерцание в саду погасло, он пожелал себе счастливой охоты.

Под кожей его ладони находился уникальный прибор, точного названия которого никто не употреблял ввиду его труднопроизносимости. Немногие, имевшие доступ к подобным штукам, называли их «стирателями». Это было не совсем правильно, зато просто и понятно. Прибор разрушал формирующий код глюков, что позволяло очищать от них пространство в радиусе до нескольких сотен метров.

Первая причина, по которой «стиратели» не производились серийно, была очевидна. Настройка на ДНК носителя превращала людей вроде Мирошника в редкие и чрезвычайно

дорогие экземпляры живого оружия, требующие многолетней тренировки и подготовки. Случалось, что «стиратель» срабатывал только раз в жизни, однако и этого хватало с лихвой. Материальные затраты окупались чем-то более важным.

Другая причина малой численности «стирателей» заключалась в том, что накопления не происходило. В один прекрасный день каждый из них исчезал. Бесследно. Вместе с носителем.

Существовало подозрение, что их уничтожает сам «Абраксас» – и делает это, как только мощность противодействующего излучения достигает определенного критического порога. Если так, то Орбитальный Контроль позволял младенцам забавляться с потенциально опасными игрушками, а затем занимался их же «избиением». Одним словом, Ирод.

Мирошнику приходилось активизировать свой «стиратель» трижды, и в этом смысле он мог считать себя долгожителем. А все потому, что он умел вовремя остановиться, ограничивая расход энергии. Выгода, которую он принес Ассоциации, не шла ни в какое сравнение с полученной им скромной платой за труды. Но Мирошник не жаловался. Он был всем доволен. Он знал, что жизнь коротка, а он балансирует на шатком мостике над пропастью и ему никогда не перебраться на другой берег...

На всякий случай в левой руке он держал вполне обычный пистолет армейского образца с отсутствующими серийными номерами. Боб одинаково хорошо стрелял с обеих рук. Для того, чтобы выстрелить из пистолета, достаточно было выставить его из окна, но детектив надеялся, что поднимать шум не придется. Это могло повредить его безупречной репутации.

Когда автомобиль, который сливался с темным фоном ночи, приблизился настолько, что стало различимо свечение, пробивавшееся из-под днища, Мирошник увидел то же самое, что видели сотни жертв Дьякона до него. В отличие от них это зрелище не стало для частного детектива последним в жизни.

Водительское место было пустым. Сидящие сзади представляли собой только неподвижные силуэты.

Мирошник не стал делать эффектной паузы и прочих глупостей. Он активизировал «стиратель» последовательностью нервных импульсов, в которой содержалась вся необходимая информация о цели, дальности до нее и вероятной мощности противодействующего излучения. В таких случаях Боб не жалел энергии, хотя это плохо отражалось на его здоровье. В течение секунд Мирошник терял несколько килограммов массы, и на полное восстановление обычно требовалась пара недель в каком-нибудь тихом уголке с креслом, пледом и книжонкой. То есть Мирошник периодически превращался в безобидного пенсионера. О том дне, когда ему придется окончательно отправиться на покой, он думал без сожаления.

Сейчас он ощущал то же самое, что и всегда: приступ дурноты, кислый вкус во рту, быстрое понижение кровяного давления. Как следствие, в глазах зарябило и потемнело. Сердце загрохотало, будто пневматический молоток. Ноги и руки, казалось, потяжелели втрое...

К счастью, это состояние «выпадения» длилось недолго. Придя в себя, Мирошник увидел обычный результат: глюк исчез. Но не полностью. То, что осталось, могло быть только примитивной матрицей – материальным предметом, используемым в качестве модели для поддержания формы. Насколько понимал Мирошник, такие матрицы не имели ограничений по размеру и материалу – тут важна была структура, а не масштаб увеличения.

Однако он впервые увидел ЖИВУЮ матрицу. Это его неприятно удивило, как будто обнаружилось, что он не устранил глюка, а казнил человека. В этом смысле Мирошник отличался известной щепетильностью...

Рост матрицы не превышал роста трехмесячного ребенка. Голая бледная фигура, несомненно, принадлежала женщине. Однако та была не карлицей, а просто уменьшенной копией с нормальными пропорциями тела. Из ее слегка вздутого живота торчали пучки каких-

то белесых нитей, которые судорожно сокращались, словно были продолжениями мышц или нервных волокон. Но и они постепенно рассеивались, как будто плоть превращалась в дым.

Пока детектив раздумывал, не пристрелить ли бедняжку из жалости, у него появился более серьезный повод для стрельбы. То, что он посчитал нераспавшимися остатками декора, оказалось не кучей тряпья или грудой смятого металла, а человеком, лежащим на дороге в трех шагах от матрицы. На нем был черный плащ священника и ковбойские сапоги из змеиной кожи. Длинные выющиеся волосы, распущеные по плечам, делали его похожим на средневекового принца. Стоило этому красавчику поднять голову, как Мирошник мгновенно узнал тонкое смуглое лицо постояльца «Одинокого всадника» из триста шестнадцатого номера.

* * *

...Картафил проиграл очередную дуэль. Когда Дьякон испарился вместе со своей призрачной машиной, ему не пришлось долго искать причину. Похоже, падшие ангелы опять одерживали верх. Шанс спастись тоже оказался иллюзорным, как вожделенный покой смерти. Его, Картафила, подразнили несбыточной мечтой, чтобы снова отправить скитальца в путь, продолжающийся больше двух тысяч лет и напоминающий утомительный сон, в котором реальна только боль в моменты трансформации, а ускользающая истина всегда относительна. Он был белкой в кармическом колесе, вынужденной щелкать от голода отравленные орешки. Единственный способ отдохнуть – это остановить бег, но тогда мир вокруг начинал меняться с возрастающей скоростью. Поток, состоящий из миллионов материальных предметов, мелких и крупных событий неудержимо вовлекал в свое одностороннее движение, пресекая жалкие попытки Картафилы плыть в нужном направлении. Не было ничего кроме этого потока, ничего бесцелевого, что могло бы остаться вне, пропустить сквозь себя время, замереть в точке абсолютного покоя. Это – как свет, скорость которого всегда постоянна, но в таком случае чем отличалось сияние недостижимого рая от излучений «Абраксаса», порождающих глюков?

Картафил знал ответ – ничем. Поэтому он действовал соответствующим образом. Обстановка всегда определяла способ поведения, не оставляя никакого выбора.

Он подполз поближе к бледно-розовой матрице, которую Дьякон почему-то называл «Лизаветой». Из ее глотки вырывались хриплые нечленораздельные звуки. Картафил сунул ей в брюхо ствол «форхэнда», вошедший в рыхлое вещество неожиданно глубоко, и нажал на спуск. Тело было отброшено на полметра; оно дернулось еще пару раз и замерло. Теперь можно было спокойно осмотреться.

Ни одного случайного прохожего. Обитатели ближайших домов наверняка попрятались. В наступившей тишине был слышен истощенный лай запертой собаки... Как только Картафил поднял голову, в глаза ему ударили слепящие лучи фар. Слишком яркий свет всегда предшествовал боли – для Картафилы этот свет каждый раз выхватывал из тьмы краешек истины, которая, впрочем, никогда не становилась окончательной...

В его ужаленных светом глазах расплылись черные кляксы, но он все же выстрелил вслепую по фарам надвигающегося автомобиля. Потом удар в лоб, похожий на проникновение длинного гвоздя, вбитого невидимым молотком, заставил его успокоиться.

Как всегда, на время. Засвидетельствовать очередное чудесное воскрешение было уже некому.

Глава девятнадцатая

Ты будешь повиноваться мне
В то время, как я руковожу тобой,
И есть мусор,
Которым я буду кормить тебя.

Фрэнк Заппа

Прикончив длинноволосого красавчика единственным точным выстрелом между глаз, палач Ассоциации позволил себе немного расслабиться. Сказывались понесенные потери. Все тело охватывал невыносимый зуд, словно запаса крови внутри оказалось недостаточно, чтобы донести ее до тонких капилляров.

Гул в ушах помешал Мирошнику услышать то, что в другое время он услышал бы гораздо раньше. Шестое чувство не изменило ему, однако сигнал пришел слишком поздно. Он ощутил чужое присутствие, движение за левым плечом, приближение опасности.

Боб затормозил и начал обворачиваться. В этот самый момент Мормон, догонявший его на нейтральной передаче, выстрелил ему в голову из дробовика зарядом, начиненным рублеными гвоздями. Машина частного детектива вильнула и врезалась в фонарный столб. Из-под капота повалил пар, который затянул багровое месиво, расплескавшееся на лобовом стекле.

* * *

Мормон, оставшийся на какое-то время в одиночестве, предпочел бы убраться с места перестрелки раньше, чем раздастся вой полицейских сирен. Однако его удерживало здесь чувство долга, которое было намного сильнее инстинкта самосохранения. Тем более что дома его никто не ждал. Он пожертвовал своей безмозглой самкой, когда Дьякон призвал его для служения (да и можно ли назвать это пожертвованием? Скорее бесценным даром). Отправляясь в дальний путь, раздай долги. Мормон свято верил в свои идеалы и в то, что миссия, для которой он избран, должна быть доведена до конца.

Впрочем, он осознавал свое несовершенство, свою примитивность. Он не умел «переселять», как это делал Дьякон. Он умел только убивать неисправимых грешников и выжигать скверну. А ведь он хотел совсем другого, противоположного – давать новую, чистую жизнь...

Интуиция (или, возможно, извращенное религиозное чувство) не изменила ему. Через несколько секунд он уже завороженно наблюдал за формированием глюка. С некоторых пор это зрелище приводило его в почти экстатическое состояние. Оно означало, что недремлющее око Ангела все еще направлено вниз, на данную точку земной поверхности. И оно до сих пор излучает свет – истинную энергию, незримую, но животворящую. Да, он, Мормон, был свидетелем акта творения – почему нет? Его охватило благоговение. Ему захотелось опуститься на колени и молиться...

Пространство словно заполнилось жидкостью; зеркало поверхности, отразившей лицо самого Мормона, подернулось туманом; кольцевые волны распространялись во все стороны, унося обломки потерянных образов, а потом жидкость мгновенно вскипела. В этом пенящемся киселе, пронизанном мощным потоком излучения, зародилась и эволюционировала

протоплазма, повторяя сжатый до предела миллионнолетний путь случайностей. Мормон смотрел не мигая; даже в течение ничтожных промежутков времени происходило нечто похожее на фильм, прокручиваемый с бешеной скоростью.

Например, он видел фигуры – множество фигур, не всегда человеческих. Некоторые распадались мгновенно, сразу после синтеза; другие существовали недолго и даже участвовали в призрачной войне. Со стороны это выглядело так, словно не вполне нормальный ребенок перебирает оловянных солдатиков. Можно было ручаться только за то, что выбор будет непредсказуемым. Мормон не пытался угадывать. Он просто ждал возвращения хозяина, какой бы облик тот ни принял. Дьякон владел кроме его жизни еще и его судьбой.

Пока хозяин всего лишь примерял маски, морды, лица, тела – однако плоть, которую он стремительно наращивал, столь же стремительно разрушалась, словно где-то поблизости находился источник неощущимого ветра, мгновенно сдувающего идеограммы, составленные из праха ангельски умелой рукой, и сносящего в пустоту мертвый пепел. Скорее всего это означало, что «стиратель» все еще работает, но на его поиски не было времени.

Мормона это ни на йоту не лишало веры – в конце концов, наступил самый расцвет сатанинского правления. Все, что мог сделать он, маленький, слабый человек, – это выполнить свой долг. Долг состоял в очищении громадной и безнадежно запущенной общественной помойки. И, как всегда, самое мерзкое и гнусное было замаскировано под прекрасное и чистое. Мормон уже давно научился избегать таких ловушек. Он не попал в нее и на этот раз.

С большим трудом он оторвал взгляд от того, что вполне могло оказаться отвлекающим маневром. Пока глюк корчился в «родовых» муках – причем сам был и матерью, и плодом, и пространством утробы, – Мормон неслышной походкой охотника приблизился к чугунной ограде особняка и подал знак двоим из своей команды. Пора кончать с девкой, стариком и сопляком, трехмерные изображения которых он видел незадолго до этого в бункере Дьякона.

Он с легкостью избавился от своей самки и неродившегося ребенка – Дьякон «переселил» обоих в свою вечную Колонию; все остальные значили еще меньше. Девка была красива как дьявольское наваждение, а мальчишка был мутантом, недоразумением, опечаткой, вкравшейся в Господний план и подлежащей исправлению. Мормону будет приятно выполнить эту работу.

Уничтожать, стирать грехную красоту нравилось ему почти так же, как жечь деньги. Земля и люди должны быть в меру уродливыми – чтобы не посягать на божественное совершенство. Но и не безобразными, чтобы средний мир не превратился окончательно в филиал преисподней...

С этими маниакально-устойчивыми мыслями Мормон крался через опадающий сад к черному ходу особняка, с подробным планом которого у него также была возможность ознакомиться. Он был готов к встрече со «сторожем» и соответствующим спецэффектам, включая зрительные и слуховые галлюцинации, однако тот, похоже, был стерт заодно с глюком. Кроме заряда во втором стволе дробовика, у Мормона оставалось еще восемь патронов в обойме пистолета с глушителем – все восемь с серебряными пулями. Это было что-то вроде его фирменного стиля. Почти наверняка бесполезно, зато символично.

Он беспрепятственно добрался до двери, проверил отсутствие разрядника, который мог бы превратить его в угольный столбик, и налег на дверь плечом. Как и следовало ожидать, та оказалась запертой, но Мормон знал, куда шел, и хорошо подготовился. Он достал из кармана куртки миниатюрную газовую горелку и вырезал кодовый замок. Это заняло не больше тридцати секунд. Вой полицейских сирен приближался, однако Мормон целиком положился на судьбу, то есть на Черного Дьякона и его слуг. Даже если речь идет о богоугодном деле, кто-то должен позаботиться об отходном пути...

За дверью была темнота, и Мормон опустил на лицо маску прибора ночного видения. От

порога начиналась небольшая лестница. Узкий коридор уводил куда-то в серо-зеленую мглу. Гулкая тишина, отсутствие теней...

«Чертовски смахивает на затонувшую посудину», – подумал Мормон на свою беду. Эта мимолетная мысль сработала как спусковой крючок. Словно некий ловец накрыл сачком эфемерную бабочку в надежде пополнить свою коллекцию и та начала незаметно превращаться в чудовище. У Мормона возникли проблемы. Чем дальше он продвигался в глубину дома, тем сильнее становилась иллюзия пребывания под водой.

Вначале он ощущал нарастающее сопротивление среды. Когда он добрался до поворота, воздух уже приобрел свойства легкой прозрачной жидкости, что несколько замедляло движения. Давление на грудь заставляло дышать реже и глубже... При помощи специальной психической техники Мормону удалось убедить себя, что причина искажения – исключительно у него в голове, однако ненадолго.

Он столкнулся с мощным противодействием, во много раз превосходившим возможности самого лучшего и дорогого «сторожа». Мормон поспешил врубил собственный постановщик помех, который мог если не полностью нейтрализовать противника, то хотя бы спутать тому карты.

Но и постановщик оказался неэффективным. За поворотом Мормон увидел водоросли, свисавшие с потолка и колыхавшиеся на манер зеленой бороды. Это движение было слишком медленным; взгляд увязал в подрагивающей и будто бы живой стене, на которой возникали невероятно сложные объемные узоры...

Мормон заставил себя идти дальше, гадая, чем же заняты сейчас двое его сообщников. Если они нападут одновременно, силы мутанта вряд ли хватит на то, чтобы удерживать круговую оборону. Однако пока все было тихо.

Мормон дошел до грязно-зеленого занавеса, отвратительного не только на вид, но, как выяснилось, и на ощупь. Когда его щеки коснулась мохнатая прядь, превратившаяся в гниющую руку утопленника, Мормона передернуло. Он пробормотал ругательство и понял, что дело плохо. Он попытался последовательно отключить органы чувств, очистить внутренний «мусоропровод». Это не помогло отогнать наваждение. Мокрый и липкий след на щеке отвлекал на себя драгоценное внимание. К нитям водорослей приросли ракушки; кое-где виднелись запутавшиеся кусочки рыбьего мяса. А по ту сторону колышущейся пелены могло оказаться нечто гораздо худшее – например, вполне реальный пистолет, нацеленный Мормону в лоб.

Впрочем, если так, он был бы уже мертв. Всенаправленный глюк обычно запускают только ради спортивного интереса. Мормон не думал, что мутант захочет с ним поиграть.

Невольно скавшись и втянув голову в плечи, он шагнул сквозь водоросли... и едва не подвернул ногу на высокой ступеньке. Потеря равновесия и резкая боль на мгновение привели его в замешательство. Зато он попал в холл в точном соответствии с планом. Включенных источников света не было, поэтому Мормон остался в маске, которая неизбежно ограничивала поле зрения. Холл выглядел вполне обычно, если не считать рыб, лениво паривших под потолком.

Мормон лишний раз проклял малолетнего ублюдка и смирился с мыслью, что придется обыскивать все помещения по порядку. А дышать становилось все труднее. «Оказывается, тебе нужен акваланг, кретин». Он издевался над самим собой. Иногда это помогало. Сейчас – нет. Воздух обтекал трахею, как пена безвкусного шампуня. Этот эффект вызывал рвотные спазмы.

Мормону катастрофически не хватало времени. Сообщники или сбежали, или тоже барахтались в несуществующей «воде». Запасного плана у него просто не было. Настоящая внешняя опасность могла исходить откуда угодно...

Тут он увидел собственных двойников, синтезированных постановщиком помех и похожих на отражения в мутных зеркалах. Дышать сразу стало легче. Кажется, теперь мутант был вынужден решать вероятностную задачу. И на том спасибо. По крайней мере у Мормона появился шанс убраться отсюда живым.

Он рано обрадовался. На поверхности стен, потолка, пола и предметов обстановки начали образовываться кораллы. Процесс, занимающий сотни лет, происходил прямо у него на глазах. За какую-нибудь минуту стена напротив покрылась корявыми наростами и стала похожа на дурацкий атолл. Заметно потеплело, во всяком случае, Мормон почувствовал жажду. Соль разъедала глотку. В прозрачном бульоне резвились рыбки веселых цветов; на диване распускались актинии; пепельница из богемского стекла превратилась в створчатого моллюска.

Теперь полуздохнувшийся Мормон пытался уцепиться за уцелевшие фрагменты прежней реальности. Он не всплывал. Уже кое-что. Сила тяжести была неизменной и неспоримой. Он направился к широкой двусторчатой двери, которая вела в оранжерею, – ближайший путь для бегства. О другом он уже не помышлял.

Недобродорие предчувствие не покидало его. Чуть позже он понял, в чем дело: снаружи не доносилось ни единого звука, хотя легавым давно полагалось быть на месте. И вряд ли причина идеальной тишины крылась в хорошей звукоизоляции.

Дыша, как астматик, он взялся за круглую ручку. На ее поверхности появились маленькие челюсти с треугольными зубками, тотчас впившимися Мормону в ладонь. Боль была вполне убедительной. Мормон застонал и судорожно рванул ручку на себя. О маскировке думать уже не приходилось. Единственное, на что он рассчитывал, это на свою быстроту и меткость. В конце концов, десять минут назад он, любитель, чтущий Бога и пэйнтбол, уложил профессионала...

Дверь поддалась. Из образовавшейся щели хлынула тягучая масса, к которой намертво прилипали рыбы. Больше всего она была похожа на огромный ком жевательной резинки. В сравнении с ним Мормон казался самому себе неповоротливой мухой со спутанными паутиной лапками. Возникла угроза увязнуть в липком дермете, заполнявшем оранжерею доверху.

Он отступил на шаг и отдернул руку. В это мгновение он увидел отражение, мелькнувшее в одном из стекол, которые украшали створки двери и составляли примитивный витраж.

Грязно-серая тень обтекаемой формы стремительно выдвинулась из темноты коридора. Мормон побывал там совсем недавно. Чтобы обернуться, ему понадобилось чуть больше времени, чем обычно.

Акула! Похоже, тварь безошибочно выбрала его среди пяти или шести абсолютно идентичных фигур. Игра приближалась к концу. Мормон увидел пасть, усеянную колючками, загнутыми внутрь и растущими в несколько рядов. Он начинал уважать недоноска, создавшего такого «сторожа». Это был впечатляюще совершенный глюк, однако Мормон не сомневался, что игрушке далеко до тех кошмаров «во плоти», которые умел создавать Дьякон.

Очень скоро ему пришлось изменить свое мнение. Он замер, надеясь, что «изделие» реагирует на движение. Напрасно. Шестиметровый кархародон, смотревшийся в просторном холле как меченосец в аквариуме, атаковал Мормона, сшибая по пути мелкие предметы вроде торшеров и ваз, обросших ракушками и потерявших форму. Тот лихорадочно прикидывал, какой может оказаться степень достоверности глюка, и решил не рисковать.

Он выстрелил из дробовика, когда расстояние между ним и акулой сократилось до семи-восьми шагов и продолжало сокращаться. Поэтому прицеливание было излишним. Его движения были доведены до автоматизма – несмотря на то что ноги уже увязли в «трясине». Разумеется, он попал, и заряд картечи превратил жаберные щели акулы с левой стороны в лохмотья. Из рваных ран хлынула темная жидкость, которая расплзлась, будто чернильная

клакса или катаракта, поразившая хрусталик. Вернее, оба хрусталика в глазах Мормона...

Тварь слегка повело в сторону; ее тело несколько раз содрогнулось.

Затем акула перевернулась на спину, и Мормон преждевременно поздравил себя с успехом. Тут же последовал резкий атакующий бросок.

За мгновение до контакта с глюком у Мормона возникло ощущение слабой ударной волны. Он успел сообразить, что это значит, и записал себя в покойники. Похоже, не обошлось без вмешательства Мозгокрута. Впрочем, это не повлияло на его желание пожить еще немного.

Он отшвырнул бесполезный дробовик, на перезарядку которого уже не оставалось времени, и несколько раз выстрелил из пистолета, пытаясь попасть в акулий глаз. Последние две пули ушли прямиком в акулью пасть, похожую на вскрытую консервную банку, а спустя ничтожный миг Мормон увидел там же собственную откушенную руку. Пистолетная рукоятка была зажата в кулаке.

Тошнотворное облако крови расплылось перед его лицом – почти неотличимое от черной пелены, заволакивающей мозг в результате болевого шока. Удар чего-то массивного и шершавого пришелся ему в грудь, выставленное вперед плечо и лоб. Мормон получил сильнейший импульс. Он проломил своим телом застекленную дверь оранжереи и вылетел в горячий сумрак, смахивающий на тесто и наполненный смутно знакомыми запахами.

Это были типичные ароматы городских помоек, к которым Мормон привык с детства, – гниющих фруктов, какой-то химии, мокрого дерева, картофельных очистков... Оказалось, что в памяти сохраняются именно запахи, а не картинки прошлого или голоса исчезнувших людей. Эти запахи проникли сквозь мглу кратковременного полузыбья, когда Мормон еще не мог слышать, видеть и связно соображать. С их помощью был запущен механизм новой иллюзии; сломанная и восстановленная музыкальная шкатулка воспроизвела неизменный мотивчик...

Придя в себя, Мормон осознал, что вцепился левой рукой во что-то обжигающее. Ладонь, казалось, пылала от адской боли, и в то же время она будто приросла к акульему боку. Плакоидная чешуя вонзилась в кожу сотнями миниатюрных крючков. Вместо правой руки осталась уродливая кулья, из которой все еще истекал багровый туман – неестественно медленно, словно цветной газ в каком-нибудь дешевом шоу. Мaska прибора слетела с лица, но теперь она была и не нужна – вокруг сиял жалящий электрический свет.

Когда зрение восстановилось окончательно, Мормон обнаружил, что держит в объятиях существо, порожденное больной фантазией язычника. Язычником он, естественно, был в детстве. Именно так он представлял себе то, что могло заманить в озеро глупого человека из сказки. Сам он испытывал вместо соблазна омерзение и страх... Существо было чем-то вроде дохлой раздувшейся русалки с вертикальным акульим хвостом, белым брюхом, отвисшей грудью и жабрами вместо ушей. Более того, «русалка» оказалась беременной.

Зеленоватое лицо приблизилось, и Мормон узнал свою благоверную. На мгновение отступила даже испепеляющая фантомная боль. Он невольно отшатнулся и заметил, как дрогнули веки, окаймленные баxромой наросших водорослей. Под ними обнаружились желтые глазные яблоки, лишенные зрачков. В этих маленьких круглых зеркальцах Мормон увидел себя – обалдевшего и раздавленного, – а также своих двойников, нанизанных на какое-то подобие светящегося шнуря. Шнур тянулся изо рта мальчишки-мутанта, которому было на вид лет шесть, не больше. Мутант беззвучно кричал, и от его глотки радужными кольцами разбегались волны искажений. Достигнув Мормона, волны сразу трансформировались в эмоции, минуя стадию образов. Тот даже не подозревал, что ужас может иметь столько разнообразных оттенков...

Изъеденные рыбами губы «русалки» приоткрылись, обнажив ряд неровных зубов и огромный фиолетовый язык, по которому ползла улитка.

– Я ждала тебя дома, дорогой! – произнесло существо, влажно чавкая и поглаживая живот.
– Где ты был так долго?

В короткие секунды агонии наваждение отступило. Пространство очистилось, водоросли и кораллы исчезли, акула растворилась. Перед стекленеющими глазами Мормона вдруг оказалась та самая девка, которую он собирался прикончить. Он выполнил только часть задания. Мормон понял, что совершил непростительную ошибку. Щенок остался жив.

...Шлюха умирала от страшных ран, нанесенных Мормоном. Ее платье было разодрано в клочья, нежная грудь разворочена картечью, из пулевого отверстия в шее хлестала кровь. Но в глазах девушки запеклось тупое, животное удовлетворение.

* * *

Хасан (внешне – неизлечимо больной и изрядно сдавший за последнее время инспектор Резник) вошел в холл и бросил мимолетный взгляд на красивую парочку, в обнимку испустившую дух. У парня была отрублена правая рука, а грудь девки кто-то превратил в решето. При жизни она могла бы украсить любой гарем к востоку от Дона. Впрочем, Хасан тотчас же о ней забыл.

Он поставил на низкий столик керамический контейнер. Мальчик, сидевший в кресле, убрал со столика свои ноги, обутые в полуразвалившиеся кроссовки, и несколько секунд пристально рассматривал доставленный товар. Видимо, удовлетворившись осмотром, он кивнул и бросил Хасану:

– Свободен!

Не произнося ни слова, тот сложил ладони перед грудью, поклонился и направился к двери, испытывая необычайную легкость, почти эйфорию от внезапно обретенной независимости. Это чувство доминировало и подавляло все остальные, включая инстинкт самосохранения. Клон отпустил Хасана на волю. Но и в этом «освобождении» содержался некий подвох. Нити были перерезаны; марионетка падала в пропасть, наслаждаясь последним полетом...

Хасан вышел на крыльце особняка и начал спускаться по ступенькам. Он был убит первой же пулей, выпущенной полицейским снайпером после того, как не отреагировал на приказ остановиться, стать на колени и положить руки на затылок.

Глава двадцатая

*Я так устал от борьбы с собой,
Проведу немного времени
В мотеле «Тьюника».*

Тони Джо Уайт

Любой другой на его месте решил бы, что все позади. Но не старики. Бегство – это тяжелая, изнурительная работа, просто катастрофа для истерзанных нервов! И все представляется в десять раз худшим, когда не знаешь точно, кто тебя преследует.

Он сидел на месте пассажира в кабине грузовика, мчавшегося прочь от города со скоростью около ста километров в час. Кроме него, в кабине никого не было.

Малыш запрограммировал бортовой компьютер. Судя по тому, что старики были еще живы, а грузовик цел, он сделал это неплохо, обнаружив еще один из своих скрытых талантов. Клон позаботился также о прокладке оптимального и наименее опасного маршрута. Единственное, о чем он не подумал, это о температуре в герметически закрытой кабине. Установка искусственного климата была отключена. Только Господь Бог знал, как старику жарко! Но если Господь при этом наслаждался прохладой в разреженных астральных высях, то бедняга курьер страдал, запертый в тесной коробке, под аккомпанемент низкого гула. Вдобавок его пронизывала вибрация, которую создавал мощный двигатель. При отдельных сильных толчках, когда грузовик встряхивало на выбоинах дороги, вполне можно было откусить себе кончик языка. А вскоре старики почувствовали и нехватку кислорода.

Казалось бы, он должен был обрадоваться, когда грузовикбросил скорость и начал тормозить. Самое время прийти в себя, осмотреться, проветриться, остыть. Заодно и отлить. А потом – дальше, дальше на юг, пока кошмар и причина кошмара не останутся позади, отделенные лесами, реками, пустыней, горами и границей Коалиции... Старики прокручивали это в своих скучно-однообразных мыслях, словно с каждым новым метром спадало напряжение, таяло страх, отступала смерть. Но ничего подобного – с таким же успехом он мог приближаться к гибели. Старики многое не понимали, однако кое-что прочно засело в подсознании.

Мальши не было рядом. Клон ехал в первом грузовике. Видимо, на тот случай, если возникнут непредвиденные обстоятельства и придется корректировать курс. Маленькому паршивцу наверняка пришлось потрудиться, чтобы статус неприкосновенности и класс «0» были присвоены каравану, состоявшему из бензовоза и трех контейнеровозов с ПУСТЫМИ контейнерами. Тем не менее на каждом красовались символы, обозначавшие радиоактивный груз и хорошо различимые в результате фотоусиления в почти полной темноте.

Старики не знал, на что рассчитывал Мицар, маскируясь столь примитивным образом. Может быть, хотя бы на то, чтобы обезопасить себя от соло. Но Черного Дьякона ведь не обманешь...

В отличие от контейнеров, бронированная цистерна бензовоза была полной. Запаса горючего должно было хватить до самого конца. И даже останется кое-что для братьев-монахов. Однако до цели, возможно, доберутся не все...

Итак, четыре машины, ни одного профессионального водителя и, насколько старики понимали, ни одного профессионального охранника. Те двое, появившиеся недавно до отъезда, похожи на кого угодно, только не на наемников с лицензией. Зато бензовоз полон. Поэтому старики не видели серьезных причин для остановки. Жара и духота не в счет. Лишь бы убраться

поскорее и подальше от владений дьявола.

В отсутствие Мицара он чувствовал себя гораздо свободнее. Примерно как цепной пес, с которого сняли ошейник впервые за много лет. И теперь он не знает, куда бежать. И зачем. И нужно ли бежать вообще...

Впрочем, Малыш оставил ему в наследство кое-что похоже своего физического присутствия.

* * *

(Незадолго до этого старику получил приказ спать. Малыш по-прежнему берег его – значит, еще ничего не кончилось.

Вначале старику приснился зловещий звук – дыхание тысяч человек, не сопровождаемое топотом. Как будто все они занимались любовью в абсолютной темноте... Потом возник город, сотканный из тумана, сумерек и полустертых изображений на дешевых открытках. Проклятый город, из которого старику сбежал когда-то, но, как выяснилось, поводок не оборвался, а оказался очень длинным.

Старику двинулось на звук, чтобы найти людей в каменном лабиринте своего одиночества. Он должен был присоединиться к кому-то – единственный шанс не пропасть, не исчезнуть без следа. Это было вроде заклинания реальности: я существую, пока другие знают обо мне...

Вскоре он увидел шевелящуюся серую массу, которая напоминала медленно накатывающуюся свинцовую волну. Улица впадала в огромную площадь, мощенную булыжником и обставленную мрачными домами, похожими, в зависимости от освещения, либо на пораженные кариесом зубы, либо на костяшки домино. Во сне масштаб восприятия непрерывно менялся, что раздражало и казалось довольно утомительным. Старику представлялись то муравьи, ползущие по столику в казино, накрытому стеклянным колпаком, который имитировал небо, то гиганты-атланты, прогуливающиеся среди мегалитических развалин.

Выйдя на площадь, старику остановился. Колонна состояла из тысяч людей с просветленными лицами, медленно бредущих мимо. На него никто не обращал внимания. Звук человеческого дыхания далеко разносился в неподвижном затхлом воздухе. По-прежнему только дыхание – будто все они были призраками, нанизанными на дыхательные аппараты. Если отвлечься от этого, в шествии не было ничего странного. Старику уже встречал подобных одержимых и раньше. Судя по их виду, это были неокоммунисты, совершившие ежегодное паломничество к Мавзолею Ким Ир Сена. Все одеты в полувоенные серые френчи. На груди у каждого, включая женщин, – нашивка в надписью «Йозеф» (проклятая заноза, которую невозможно выдернуть из памяти!). Кроме того, старику разглядел мешочки из красного бархата, в которых паломники носили обломки другой святыни – разрушенного московского Мавзолея. Если бы все обломки были, как утверждалось, подлинными, из них можно было бы выстроить средней величины небоскреб.

Серая змея, состоявшая из сегментов-Йозефов, казалась цельной, несмотря на зазоры между телами. Старику понял, что ему вряд ли удастся преодолеть эту живую реку...

Когда масштаб сновидения в очередной раз изменился, он увидел, что колонна движется по кольцевой улице, опоясывающей площадь, а что-то, похожее на Мавзолей, находится в середине. Причем не обошлось без какого-то топологического фокуса, ускользнувшего от понимания, ибо «кольцо» на самом деле оказалось восьмеркой, петли которой не пересекались, а как бы повисали на разных уровнях.

Старик стоял, читая: Йозеф, Йозеф, Йозеф... Бесполезно. Ничто не пробилось сквозь скорлупу. А потом и город растворился, и звук дыхания сменился рокотом двигателя.)

* * *

Терминал оказался смеютворно маленьким – не больше портативного компьютера. Эта штука, смахивающая на серый кейс из огнеупорной керамики, находилась в полуметре от старика и была доступна как никогда. При желании он мог пощупать ее пальцами. И не только пощупать. Впрочем, запретное желание возникало ненадолго.

Порой его так и подмывало открыть замки и заглянуть в кейс. Трудно поверить, что ради столь незначительной по размерам вещи кое-кто отдал жизнь. Однако дело было, конечно, не в размерах – старик и вправду отупел, но не до такой же степени. Дело было в том, что Терминал мог оказаться поврежденным. От этой мысли темнело в глазах. Неужели все напрасно?!

Он долго боролся с искушением ПРОВЕРИТЬ, но так и не решился. Кто он такой? Что он понимает в Терминалах? Разве он сумеет отличить поврежденный от целого? Старик отказался даже от мысли хотя бы взглянуть на него. Это было бы величайшим кощунством – все равно что выпить кока-колы из Граала в жаркий день...

(А ведь действительно жарко. Кажется, плавится мозг.)

Он вытер пересохшие губы влажной от пота ладонью и смахнул соленые капли с ресниц. Снаружи темнело. Впереди все так же сияли две кровавые звездочки – габаритные огни головного грузовика. В зеркалах заднего вида расплывались радужные пятна – отблески фар бензовоза, идущего следом. По обе стороны дороги мелькали деревья редколесья. Почему-то это действовало старику на нервы. Он слишком привык к открытым пространствам. Или Малыш приучил его? Медиум все еще чувствовал себя использованной перчаткой. Теперь, после нескольких нейрохирургических операций, перчатка уже не была стерильной. И что с нею сделает Малыш? Выбросит – или?..

Еще один мучительный вопрос: почему Терминал доверили самому слабому в группе? Клон вполне мог подставить его под удар, пожертвовать уязвимым звеном. Старик был не настолько самонадеян, чтобы думать, будто Мицар испытывает к нему нечто большее, чем безразличие. Для клонов не существовало привязанностей, не говоря уже о «сыновних» чувствах. Это была еще одна причина, чтобы не прикасаться к священному ящику...

Впереди слева появился широкий просвет, заполненный слабым неоновым сиянием. В ту же минуту грузовик начал тормозить, подчиняясь внешней команде, поступившей по радио. «Какого черта?» – прошептал старик. Частокол стволов, мелькавших справа, распался на отдельные вертикальные линии. Деревья выглядели будто мертвые телеграфные столбы, на которых забыли обрубить сучья.

В кювете лежал перевернутый грузовик с прицепом, похожий на издохшего динозавра. Судя по глубоким выбоинам в асфальтовом покрытии, автокатастрофа была ужасающей. Поблизости виднелись свежие следы траков. Мощный бульдозер очистил трассу совсем недавно.

Неоновое сияние усиливалось. Вскоре показалась громадная плешь, посреди которой торчали коттеджи. К дороге примыкали отстойник и заправочная станция. Сияние исходило из неразличимого пространства над единственным коттеджем, который мог сойти за жилой. Надпись «Мотель «Лесная поляна»» висела в воздухе, будто кто-то расписался флуоресцентной краской прямо на тусклово-сером фоне сумерек...

Что-то тут было неправильно.

Старику понадобилось время, чтобы осознать это. Его охватывала паника. «Не надо останавливаться!» – почти проскулил он, заклиная судьбу и случай, а главным образом того, кто распоряжался и тем, и другим. Если Малыш и «услышал» его скрежет, то вряд ли придал ему значение.

Старик совершенно искренне считал, что останавливаться здесь и сейчас – это чистое безумие. Слишком малое расстояние отделяло их от города. Они ехали всего каких-нибудь пару часов. «Уже темнеет, идиот! Слишком опасно», – напомнил ему почти механический голос автомата из справочного бюро, размещавшегося в рассудочной области сознания и уцелевшего, несмотря ни на что – даже на «терапию», проведенную клоном. В этой области уже нельзя было ничего нарушить. Либо дважды два по-прежнему равно четырем, либо медиум годится только для психушки...

Действительно, никто, кроме смертников и самых отчаянных придурков, не ездит ночью. Но разве сейчас – не крайний случай? И разве команда Малыша состояла не из отчаянных придурков?..

* * *

(Жара и время.

Два фактора, мешающие концентрации. И если первый действует далеко не всегда, то второй является постоянным и практически непреодолимым.

...Они сидели в узкой тени минарета. Солнце палило так, что воздух казался жидким и даже думать было трудно. Но тогда старик еще мог позволить себе сверхусилие. Он был молод, наивен, горяч и еще не понял, что в борьбе против Темного Ангела все средства хороши.

Когда доступные методы не помогали, он повторял набор заученных фраз, постепенно, с течением времени превратившихся в заклинания. Это были «хорошие» заклинания. Ведь он всем желал добра и свободы...

Итак, он говорил и действительно верил в то, что говорил. Шейх Низзам слушал его со снисходительной улыбкой, будто школьника, выучившегося считать по пальцам до десяти и на этом основании разглагольствующего о Числах. Но, кроме натуральных, были еще десятичные, не говоря уже об отрицательных...

Старик (мужчина, а не старик) отдавал себе отчет в том, что самые чудовищные вещи, да еще преподнесенные соответствующим образом, способны вызвать в слабых человеческих душах ответный сладостный трепет, преклонение, мрачный восторг. Он приводил примеры: потрясающие юношеское воображение ритуалы нацистов, впечатляющую имперскую эстетику коммунистического монстра, суперконтролеры типа НКВД или Мессада. Да, явный трепет, который язык не поворачивался назвать священным. Это было бы кощунством, впрочем, вполне безобидным... В каждом живет маленький убийца, трусливый и беспощадный зверь, лишенный комплексов, зовущий и подталкивающий в темноту. Кто-то подчиняется зову, кто-то блуждает в сумерках, кто-то возвращается к свету. Но никто не застрахован от непоправимой ошибки. И где он, истинный свет?

Восторг? Именно так. А еще – завороженность. Сверхсила завораживает. Это особо касается абсолютного зла. Абсолютным злом он считал тогда нечто непреодолимое, даже если оно являлось всего лишь химерой, порожденной сознанием. Но, вероятно, подобные химеры – это и есть самое страшное? Люди начинали вольно или невольно служить тому, чего они не в силах победить. Это была наихудшая и наипошлайшая «новость» с тех пор, как кучка неврастеников-бюрократов распяла Иисуса Христа.

Низзам смеялся.

Они сидели очень долго, и что-то было не так, а потом старик вдруг замечал, что тень минарета НЕПОДВИЖНА.

– Время... – шептал Низзам. – Ох уж это время...)

* * *

Грузовики уже сворачивали с трассы на огромную пустую стоянку. Бетонное поле тянулось до самой границы территории мотеля, обозначенной сетчатым забором, который уже был взломан во многих местах наступающим лесом. Черное пятно вокруг затемненных коттеджей не могло быть ничем иным, кроме как выжженной травой. Не мотель, а пепелище...

Надпись, начертанная в воздухе на манер мифического пророчества, не давала старику покоя. Вскоре он понял, в чем дело. Буквы были изъедены червоточинами, будто гнилые плоды. Надпись была составлена из гнутых трубок. Из разбитых ламп... Неужели Малыш поглуел или потерял чутье? Мотель – прекрасная уединенная ловушка. Это было ясно даже старому полуидиоту. Но клон, видимо, считал иначе.

Двигатели заглохли почти одновременно. Грузовики выстроились в ряд в двадцати метрах от дороги. Бензовоз поместился между ними, словно самый мелкий и слабый зверь в стаде.

Блокировка замков отключилась. Стариk открыл дверь и выбрался наружу. Едва он ступил на бетон, как испытал короткий укол адской боли. Теперь Мицар не церемонился. Он обращался со своим медиумом просто и грубо.

Пришлось вернуться и взять Терминал. Стариk держал его бережно, словно величайшее сокровище. Впрочем, так оно и было...

Вылезая из кабины, он убедился в том, что движение разрешено и путь свободен. После чего поплелся к административному коттеджу, не обращая внимания на остальных дублеров. Тех было двое: маленький, желтолицый – и огромный, похожий на евнуха, с бородой, растущей от самых глаз.

Малыш шел последним. На его ангельском лице застыла победная улыбка. Это вовсе не значило, что он недооценивает Мозгокрута. Наоборот, он считал большой удачей, что ему позволили добраться хотя бы до этого места. Прорываться дальше, не разделавшись с погоней, мог только жалкий трус или глупец.

* * *

Двумя новыми приобретениями клона были японец Хоши и иранец Михраджан. Оба – из остатков старой интернациональной гвардии Хасана, разгромленной спецслужбами Коалиции. Фанатиков к тому моменту истребили полностью. Они умирали в первую очередь; некоторые – добровольно. А выжившие из числа бывших боевиков подвергались многолетнему воздействию Орбитального Контроля. Теперь это был человеческий материал, который требовал деликатного обращения. Как взрывчатка.

Клон не доверял ни Хоши, ни Михраджану. Обоими Мицар мог пожертвовать с легкостью. С ними было приятно работать. Они не задавали вопросов и не жаловались на судьбу. Их перевоспитали задолго до встречи с клоном. Ну а Малыш избавлял слуг даже отrudиментарного страха. Он умел подделывать свое влияние под «божью волю», независимо от того, что каждый понимал под этим.

Для «сотрудничества» с Хоши и Михраджаном глубокое вмешательство не потребовалось. Эти двое были вполне готовы к тому, чтобы следовать предначертанному пути. Они оказались почти идеальными солдатами. Оба относились к смерти как к окончательной награде, хотя и не торопились на тот свет.

Когда бывший инспектор Резник выволок Хоши и Михраджана из глубокого подполья, ему не пришлось долго убеждать их в том, что старый хозяин действует под новой маской. Хватило совместных воспоминаний и некоторых интимных подробностей. На их месте сам Хасан был бы куда более недоверчивым. По крайней мере он дождался бы результатов зондирования.

– Откуда ты взялся? – как-то спросил Малыш у японца. (Это был контрольный вопрос в духе Низзама. Что бы ты ни ответил, все равно ошибешься.)

– Священный ветер. – Краткий ответ, непроницаемое лицо. Японец вызывал уважение. Такие когда-то таранили американские крейсеры. Возможно, теперь Хоши предстояло поразить цель посущественнее.

В случае с неграмотным иранцем даже сверхкороткий диалог оказался излишним. Встретив хозяина после четырехлетнего перерыва, Михраджан ничего не сказал. Он просто не мог. У него был отрезан язык. Когда-то давно Хасан сделал это лично. С тех пор он уже не волновался насчет немого. Тот стал его тенью. Простая операция: ты ломаешь собаке лапу; затем лечишь ее – и собака навеки твоя, душой и телом. С людьми то же самое: одних привязываешь к себе любовью, других – болью, третьих – неизбежностью. Причем любовь – самое ненадежное средство. Страдание и пытка обеспечивают намного более прочную связь...

Четыре года немая «тень» работала уборщиком в каком-то канна-баре и терпеливо сносила унижения вроде пинков под зад. Такие, как Михраджан, умели ждать, даже если для этого понадобилась бы целая жизнь.

* * *

...Иранец и японец были вооружены пистолетами; старики – нет. Малыш не доверял ему оружия – и правильно делал. У того случались приступы такой глубочайшей депрессии, что оставался, пожалуй, единственный выход из тупика. Но этот выход клон надежно перекрыл.

Сквозь металлические жалюзи на окнах административного коттеджа пробивался свет. Старики не думали, что тут есть постояльцы. Может быть, одна-две тачки спрятаны в гараже. В остальном мотель выглядел... словно рай во сне.

Это сравнение пришло старику в голову неожиданно и оказалось настолько точным, что он ухмыльнулся. Тишина; безлюдье; прохладный ветер; загадочная тьма; невероятное сияние, обозначающее нечто, утраченное навеки... Ну да – в точности рай. Неудивительно, что здесь не видно пока ни единой живой души. Старики и сам не знал ни одного истинного праведника, за исключением, может быть, Низзама. Впрочем, Низзам находился где-то по ту сторону добра и зла... Значит, рай из сновидения? Что за бред? Виной всему эта неоновая вывеска, бесстыдно сияющая среди самой темной ночи в его жизни – ночи, когда спасение казалось таким близким. Холодный свет в разбитых лампах и в отсутствие электрического тока...

Так, то ухмыляясь, то впадая в тоску, он добрел до коттеджа, протянул руку к двери и постучал, ожидая получить порцию раскаленного свинца в живот. Кишки сводило от этого предвкушения...

Потом старики вдруг понял, что ему нужно в сортир – и притом прямо сейчас. Он беспомощно огляделся по сторонам. Михраджан, который стоял чуть в стороне, понимающе оскалился, показав обрубок языка, и принял Терминал на хранение. По низкому лбу иранца

скатывались ручейки пота и исчезали в густых бровях. По щеке ползала муха, все сильнее запутываясь в волосах, будто в паутине. А еще одна чистила лапки, усевшись прямо на глазное яблоко. Тут и мертвого передернуло бы. Однако иранец даже не моргал.

Старик с трудом оторвался от этого зрелища. Его подташнивало. Мальш легким движением подбородка указал ему на кабинки, стоявшие на некотором удалении позади заправочной станции. Старик двинулся туда почти бегом, очень довольный тем, что в скором времени освободится не только от скопившегося дерьяма, но и от Терминала.

Слишком просторные штанины заплелись вокруг тощих ног. Он так торопился, что чуть не упал. За его спиной заскрежетал засов. Послышалась музыка и низкий женский голос...

* * *

Он миновал заправочные колонки. Аромат бензина был слабым, едва ощущимым. Похоже, тут давно никто не заправлялся. Гораздо более сильным оказался запах гари, доносившийся со стороны выжженных полян. На бетоне перекатывались прилипшие к грязи частицы пепла.

Четыре кабинки выстроились в ряд. Это были стандартные примитивные коробки со сварным каркасом из уголка и обшивкой из листового металла с общей крышей и отверстиями, прорезанными автогеном. Из них тоже давно выветрились все специфические запахи. Три двери из четырех были широко распахнуты.

Старик и сам не сумел бы объяснить, почему он не сунулся ни в одну из свободных кабин, хотя у него была веская причина спешить. Иногда его трусость проявлялась в виде довольно странных поступков. Он потратил пару лишних секунд на то, чтобы добраться до самой дальней, закрытой кабинки, вставить палец в отверстие и дернуть дверь на себя. Та распахнулась с ржавым стоном.

Неужели он ожидал, что какой-нибудь приурок будет торчать здесь, заслышиав шум приближающихся машин? Конечно, нет. Еще меньше он рассчитывал увидеть внутри кабинки служащего мотеля. Точнее, БЫВШЕГО служащего.

* * *

Равиль Бортник не сказал «Привет!», «Добро пожаловать!» или «Надеюсь, вам у нас понравится!». Он даже не сказал «Проваливай отсюда, чертов педик!». Он не мог ничего сказать. В его легких уже начался процесс разложения, и оставшееся в них ничтожное количество воздуха было изрядно разбавлено продуктами гниения. Бортник был повешен на собственном ремне, который глубоко врезался в горло. Это обстоятельство до неузнаваемости изменило лицо трупа, превратив его в синий вздувшийся мешок.

Равиль не «висел», а «был повешен». Старик четко улавливал разницу, поскольку вначале увидел изуродованные босые ноги Бортника, и там, где тот шаркал подошвами по стенкам, дергаясь в петле, остались следы ободранной ржавчины. По вывалившемуся языку и открытым глазам мертвеца ползали мухи. Это сразу же напомнило старику Михраджана. Но Михраджан был жив, чего не скажешь о бедняге в сортире. Вдобавок ко всем имеющимся неприятностям к Бортнику уже подбирались муравьи, спускавшиеся по ремню с крыши сортира.

Старик не мог определить, сколько времени прошло с момента смерти. По правде говоря, он ни о чем таком и не подумал. Он даже сохранил прежний ритм дыхания. Невероятно, но он не издал ни звука и не побежал сломя голову обратно, под защиту клона и пистолетов. Вместо

этого он быстро расстегнул брюки, деловито завернул за угол и облегчился с такой скоростью, словно страдал кровавым поносом. И только потом скорчился от нахлынувшего на него черного ужаса и долго не мог разогнуться.

Облик повешенного отпечатался в мозгу в таких подробностях, как будто перед глазами болталась фотография, прилепленная скотчем ко лбу. Даже неоновое сияние, которое служило фоном всему этому кошмару, слегка померкло. В поддельный рай ворвался ураган страха и пронесся, оставив после себя вихри едкого пепла и тучи дохлых ворон, а те, что уцелели, гадели о смерти и разрушении...

Старик сжал руками череп, чтобы выдавить оттуда наваждение, и захлопнул рот, чтобы не заорать. Это вдруг стало самым главным – не заорать. Молчать, не навлекая на себя еще худшую беду...

В тишине и параличе прошла вечность, на протяжении которой он ощущал себя подожженным растением. Огонь едва не добрался до единственного капилляра внутри хрупкого ствола, по которому струились жизнетворные соки.

«Растение» стряхнуло опаленные листья, вырвало из земли корни, избавилось от стиснувшей его коры и снова превратилось в почти человека.

Старик неверным шагом двинулся в сторону административного коттеджа, надеясь, что через минуту или две будет не слишком поздно убраться отсюда... Если остальные еще живы. О другом исходе он боялся даже думать. Без поддержки и руководства со стороны клона он был полным ничтожеством.

Глава двадцать первая

Женщина-колдунья, держись от меня подальше!

Тони Джо Уайт

Уже в десяти шагах от коттеджа он понял, что с Малышом все в порядке.

По крайней мере пока. Теплая волна какого-то чувства, похожего на любовь или радость по случаю обретения дома (но точно не любовь), накрыла его. Все здесь было поддельным – даже эмоции, щедро расточаемые клоном, словно искусственные запахи эссенций из бутонов пластмассовых цветов.

На первый взгляд ничего не изменилось. В отдалении чернел лес. Лента дороги была пуста. Тихо потрескивали остывающие двигатели грузовиков. Вывеска так же полыхала украденным болотным огнем. Мотель выглядел уютным, приятным во всех отношениях местечком для отдыха, почти оазисом спокойствия в пустыне насилия, садизма и произвола. Тем более странно, что этот невероятный заповедник до сих пор оставался неприкосновенным.

До старика наконец дошло, какого штришка недоставало для полноты иллюзии. Не хватало охраны. Обычно хозяева подобных не слишком доходных заведений не могли позволить себе нанять профессионалов. Поэтому чаще всего уединенные заправочные станции, мотели, придорожные закусочные и прочие привлекательные для «диких» объекты грабежа охраняли столь ненавистные старику собаки. Милые собачки вроде тех, озвевших, которые однажды чуть не загрызли его до смерти. И загрызли бы, если бы не Малыш. Это случилось в самом начале их путешествия, на краю пустыни...

Его передернуло при воспоминании о том случае. Будь старик повнимательнее, он давно заметил бы сетку вольера, поблескивавшую на заднем дворе. Но ему было не до наблюдений и сопоставлений.

Из коттеджа доносилась музыка, которая ему нравилась давным-давно и которая так же давно была объявлена дьявольским порождением и запрещена повсюду на мусульманских территориях. Это был горячий архаичный джаз. Черные свингеры старались вовсю. Жаркие пронзительные звуки медных духовых таранили уши и жирными волнами накатывали на диафрагму. Старик ощущал мощную, возбуждающую витальный центр качку даже через дверь. А когда он открыл ее, то расплылся в глупой улыбке. Труп, висевший в сортире, вдруг показался нереальным, как нелепая картинка на странице, случайно выскоцившей из другой книжки сказок.

Интерьер коттеджа вполне оправдывал его самые лучшие ожидания. Все было исполнено пристойности в добром старом духе. Дубовая доска с ключами; брелоки в виде шишек с выдавленными на них номерами; десяток потертых кожаных кресел, принявших очертания некоего универсально-усредненного седалища; потемневший от времени линолеум; холодильник эры округлых форм; телевизор без этих новомодных штучек для одушевленных придатков; антикварный приемник «Штромберг-Карлсон» 1932 года, из которого изливался поток свинга; наконец, импровизированная низкая стойка из составленных вплотную друг к другу трех столов-буро. Столы были из тех, за которыми когда-то писались безопасные заменители сноторного вроде «Оливера Твиста», «Игры Джеральда» или «Доктора Живаго».

Главный приз торчал по ту сторону стойки. Это была огромная негритянка, о которой старики безнадежно грезили в пору полового созревания. Она (или ее точная копия) жила тогда в его квартале. С тех пор прошло по меньшей мере лет сорок, но «старушка» нисколько не

изменилась. Воспоминание о ней сохранилось в памяти старика, как труп насекомого в янтаре. Он вдруг обнаружил его под слоем бесформенного и безликого шлака.

Она покачивала крутыми бедрами в задаваемом оркестром ритме страстной случки; ее шарообразные груди умопомрачительно тряслись, будто два дирижабля, угодивших в грозовой фронт; белки и зубы сверкали высокобленной слоновой костью; губы напоминали разрезанную сосиску.

Старик огорошенно взирал на пневматическую мамашу. На вид той было уже за сорок, однако она еще не растеряла животной энергии. К его полной неожиданности в нем вдруг пробудилось атавистическое вожделение, дремавшее последние лет десять. Он был погребен в невидимой скорлупе, сквозь которую не проникали соответствующие импульсы. Мартина и Жанна тоже были аппетитными самками, но старик испытывал к ним не больший интерес, чем, например, к куклам. А вот сейчас скорлупа треснула.

Впрочем, был повод подозревать, что и это – лишь очередная изdevательская шутка клона, отпустившего вожжи с непонятной целью. Троє спутников старика наблюдали за представлением, развалившись в креслах. Старику показалось немного странным, что Мицар никого не отправил стеречь грузовики, но вскоре он забыл об этой мелочи.

Михраджан и Хоши хлебали холодное пиво из запотевших бутылок, а Малыш с детской жадностью дул «пепси-колу». Его капюшон, конечно, был натянут на голову (правильно – зачем пугать даму раньше времени?). Иранец похлопывал себя по жирным ляжкам и периодически издавал восторженное мычание.

Старик с тревогой уставился на Терминал, лежавший на полу. Ему казалось, что святыня заслуживает более деликатного обращения...

Японец был, как всегда, невозмутим. Старику подозревал, что тот, если понадобится, прирежет негритянку с таким же безучастным выражением лица. Одного взгляда в сторону Мальша было достаточно, чтобы понять: сообщать о своей находке пока не стоит.

Очередной номер завершился барабанным брейком и истошным воплем звенящей меди, после чего хозяйка убрала звук и похлопала себя по литым бокам, отирая платье от вспотевшей кожи. Под платьем ничего не было. Старику снова почувствовал головокружение от жары и близости сочного куска разогретой плоти.

– Значит так, ребятки, – сказала негритянка, хватая с доски ключи (она даже не спросила, куда подевался четвертый водитель!). – Берите третий коттедж. Там два трехместных номера, входы с разных сторон. Вам места хватит. Вода в цистерне, сортир во дворе. Если появятся «дикие», стрелять не советую. Коттедж спалят – вас поджарят, мне убыток. За ребенком присматривайте...

Тут клон беззвучно засмеялся.

Хозяйка мотеля поводила глазами и явно передумала задавать следующий вопрос, который мог оказаться неуместным и опасным. Вместо этого она наклонилась к мальчику:

– Эй, малыш! Тебе не жарко, а?

Не дождавшись ответа, она проворчала:

– Симпатичный малый. Не спрашиваю чей...

– Правильно делаешь, – заметил японец, глядя в пустоту.

Похоже, у негритянки складывалось впечатление, что пацана украли и везут на юг, чтобы продать богатому любителю мальчиков. Тут, за чертой города, это не обещало ей ничего, кроме неприятностей. На всякий случай старик шагнул к стойке и сказал:

– Он со мной.

Михраджан издал вой, означающий хохот.

Хозяйка уставилась на старика с неожиданным интересом.

– Что-то ты бледно выглядишь, папаша. Ты, слuchаем, не больной?

Вместо ответа он облокотился на стойку и пошарил взглядом в поисках оружия. Ничего не обнаружив, спросил:

– Ты тут одна?

Она ухмыльнулась, кивнула и навела на него две свои боеголовки. Должно быть, это означало, что она и сама может за себя постоять. Как ни странно, он ей верил. (Но кто же тогда повесил того беднягу в сортире?) Потом негритянка наклонилась к самому уху старику и прошептала, почти обсасывая его губами:

– А тебе меня мало? Заплатишь – и это все твое...

Он начал вспоминать, есть ли у него деньги. До сих пор Малыш решал все проблемы без них. Между ног происходила довольно приятная смена сезона.

Сейчас старик заплатил бы с радостью, лишь бы снова почувствовать себя живым человеком, а не муляжом сrudиментарной нервной системой. Зато деньги нашлись у Хоши. Тот заплатил за коттедж, выпивку, стоянку и заодно за ужин, который, как заявила хозяйка, будет готов через час.

Тем временем старик отыскал в заднем кармане джинсов крупную купюру, сложенную вчетверо, многократно побывавшую в воде и сильно потертую на сгибах. Он не мог взять в толк, откуда она взялась. Он был почти уверен, что купюра годится только для прикуривания... Старик подвинул ее в сторону негритянки, пряча под ладонью. Малыш наблюдал за ним с циничной ухмылкой, дико смотревшейся на его юном чистом лице.

Хозяйка накрыла сухую кисть старику своей влажной лапкой и сказала вполголоса:

– Часиков в одиннадцать. Будь один, дорогуша. Я тебя обязательно навещу.

Потом повернулась, вытащила из холодильника еще три бутылки пива и ловко сковырнула крышечки. Старик оценил ее мощный круп и мечтательно воззрился на пивную пену, которая заливалась стойку с вкрадчивым шипением. Он давно не слышал более приятного звука. Потом он ощутил ВКУС, и это действительно был вкус самой жизни. Итак, пиво, необъяснимая свобода от притязаний Малыша и недвусмысленное обещание любви, полученное от проститутки. Две вещи из трех были явной, вопиющей и опасной липой, но пока он наслаждался...

Хозяйка подтолкнула к нему затрапанную книгу регистрации постояльцев. Между страницами была заложена шариковая ручка со следами зубов.

(Он должен был расписаться. Почему именно он? Ах да – он же присматривает за сопляком!)

Старик открыл книгу и тупо уставился на разворот. Страница была почти пустой, если не считать пятен жира и мумифицированного долгоносика. Последняя запись была сделана давно и датировалась декабрем минувшего года. Буковки, похожие на разбегающихся в панике насекомых, составляли короткий кривой ряд: «Савл, Дамаск».

Старик прочел это и решил, что регистрация не обязательна. Вряд ли хозяйка будет настаивать, когда у двоих парней пушки. К тому же он не помнил своего имени. Уже много лет он в нем просто не нуждался. Однако имя (но чье же?!) вдруг всплыло из подсознания, как обломок кораблекрушения или сундук утонувшего матроса.

Адам Тодт.

Неужели его на самом деле так звали? О, черт! «Адам» – это звучало чересчур одиозно!

Он обернулся. Лицо Малыша было непроницаемым. Ну и шуточки у этого ублюдочного лилипута! Впрочем, даже ублюдком его не обзовешь...

Старик с трудом нацарапал в книге «свое» имя и название пункта назначения – город Бейт-Ляхм. Убогая конспирация... Пальцы отвыкли от тонкой работы. Запись получилась едва ли разборчивой. Тем не менее хозяйка повернула книгу, прочла его каракули, хмыкнула и сказала:

– Я Веспер. Расслабься, милок!

Он был не прочь последовать ее совету. Он хотел попросить, чтобы она сделала радио погромче, и тоже отдохнуть, сидя в кресле и слушая джаз. Свободных кресел хватало...

«ЗА МНОЙ!!!»

Приказ клона хлестнул по мозгам, будто кто-то подал повышенное напряжение на вживленный в них электрод. Чертовски обжигающий электрод!.. Бутылка с остатками пива упала, выскользнув из руки старика, но не разбилась. Негритянка вполголоса выругалась.

Тroe ждали его за дверью. Он вышел вслед за ними, и сильный ветер, дувший вдоль трассы, высушил слезы, которые выступили на глазах от кратковременной боли. Ветер дул с юга, из мест, заменявших родину. Этот ветер часто становился причиной засухи, но сейчас, в конце апреля, он принес влажное тепло и свежесть.

Поскольку у старика было стойкое ощущение, что здесь ему, вероятно, и придется сдохнуть, он внимательно глядел по сторонам. Теперь, когда совершенно стемнело, «Лесная поляна» казалась декорацией к давно снятому фильму, которую забыли снести. Воспоминания, запоздалое пробуждение, встреча с юношеской любовью... Слащавая мелодрама, но с плохим концом.

Коттеджи выглядели заброшенно и жутковато. (Точь-в-точь домики людоеда из сказки «Мальчик-с-пальчик». Мальчик давно вырос, но так и не отыскал в чаще дорогу домой...) Ровный свет, источаемый вывеской, напоминал сияние грошовой луны. Полые трубы, обтекаемые ветром, издавали жалобные стоны. Снова начиналась заунывная тоскливая песня, лившаяся будто из черноты космоса и когда-то сводившая Равиля Бортника с ума.

Теперь Бортнику было все равно. Он висел в сортире на брючном ремне и вряд ли сумел бы вылезти из петли без посторонней помощи, даже если бы вдруг начался внеочередной Судный день. Но стадик не уступал ему по части впечатлительности. И у того, и у другого подобные звуки вызывали приступы паранойи. Ледяные иголочки вонзались в спинной мозг. Повсюду мерещились глюки...

Стадик семенил за Малышом, стараясь не отставать. Улучив момент, он нагнулся и сообщил куда-то в жерло капюшона:

– В сортире труп.

Клон даже не замедлил шага.

– Ну и что? С каких пор ты начал бояться жмуриков?

Этот риторический вопрос привел стадика в замешательство, но ненадолго.

– Мы все здесь сдохнем, – сказал он обреченно и убежденно.

Мицар остановился, потом ПРИКАЗАЛ стадику опуститься на колени и скрочиться.

Теперь их лица находились на одной высоте. Стадик смотрел, как шевелятся черви... нет, губы... Под капюшоном происходило что-то жуткое. Может быть, это Алькор всего лишь «заворочался» во сне...

– Повтори, – потребовал клон.

– Ты хочешь подохнуть здесь? Я – нет, – тихо пробормотал стадик, обмирая от ужаса. Он нарушил правило игры, которое не стоило нарушать ни в коем случае. Он не завопил только потому, что Малыш не позволил ему этого.

– Глупец, это прекрасное место для смерти! – сказал клон с такой безмятежностью и таким презрением к жизни (своей и чужой), что проняло даже такого ущербного в эмоциональном отношении человека, как стадик. Тот осознал, что является всего лишь живой игрушкой. ПОКА еще живой. Игрушка может быть сломана в любой момент – и о ней вряд ли стоит сожалеть... Если ему суждено умереть здесь, то лишь потому, что Малыш не придает никакого значения факту его существования. У клона свой сценарий. О да, эти святоши из «Револьвера и Розы»

вырастили настоящее чудовище. С благими намерениями – чтобы продлить жизнь, осчастливить человечество. В который уже раз со времен гениального студента Франкенштейна совершается подобная ошибка? Но теперь она станет фатальной...

Старик медленно высвобождался из тисков ужаса. В паху было мокро. Зато попутно выяснилось самое главное: мотель – ловушка. И Малыш в курсе дела. Для кого-то из его спутников это означало смертный приговор. А заодно пропуск в рай.

Старик с тоской подумал о том, насколько легче ему было раньше, когда он принадлежал клону целиком – душой и телом.

* * *

Они подошли к коттеджу под номером три, выведенным краской на стене. Домик оказался деревянным павильоном с двускатной крышей и двумя пристроенными верандами. Хозяйка была права: готовый костер; осталось только поднести спичку. Одна дверь обращена к дороге; другая, тыловая, пока не видна. Судя по толстому слою грязи и пепла на полу веранды, никто не селился тут как минимум пару месяцев.

Малыш приказал старику взять Терминал, вручил ему ключ и велел запереться в дальней комнате.

– Я один? – тупо переспросил старики, не веря в то, что его, безоружного, оставляют без охраны.

– Боишься темноты, папаша? – ядовито поддел Хоши тонким голоском гейши.

– Мы будем рядом, – уточнил Малыш. – Если что – постучишь в стеночку. Ступай!

Чувствуя себя червем, уже насаженным на крючок и заброшенным в реку, которая кишит голодной рыбой, старики обошел вокруг коттеджа. Сзади кто-то щелкнул зажигалкой. Потянуло запахом травки... Удивительно тихая ночь. Чуть ли не пикник времен его беззаботного детства. Он находился в очень похожем состоянии бессильного инфантилизма. Он ждал, что вот-вот из темноты появится его отец, пропахший дымом костра и запахом жареного мяса, погладит по головке, уложит спать – и можно будет ни о чем не беспокоиться до самого утра. А утром они вместе вернутся в безопасное и спокойное место...

Но как он ни пытался вызвать в памяти образ отца, в сознании возникало нечто другое – маленькая скрюченная тень, силует с непропорционально большой головой без ушей. Двуликий монстр в детской куртке с капюшоном...

* * *

Он ожидал, что придется сражаться с проржавевшим замком, однако этот можно было открыть и гвоздем. В дальнем углу веранды, за дачным столиком лежало что-то темное, пятнистое, лохматое. Стена отбрасывала глубокую тень, поэтому Адам Тодт не сразу разглядел, что это. А когда разглядел, то почувствовал слабость в ногах.

Он долго колебался. Такое соседство ему, мягко говоря, не нравилось. Да и кому понравилось бы? Предметы, лежавшие в углу веранды, не были снятыми шкурами или дохлыми собаками. Это были матрицы. Незадействованные – пока. Старики боялся неопределенности. Однако он сомневался в том, что Малыш захочет сменить коттедж или комнату. Адам и так испытывал сегодня терпение клона, переступив границу дозволенного...

Поэтому Тодт юркнул за дверь и заперся изнутри. Затем перевел дух и осмотрелся.

Главным образом, он искал то, чем можно забаррикадировать дверь, как будто всерьез надеялся отсидеться. Напрасное занятие – сквозь щели жалюзи единственного окна проникало слишком мало света.

Все же он нашупал на стене клавишу выключателя. Удивительно, но в этом заброшенном ветхом домишке, из всех щелей которого сквозило, был свет! Голая лампочка под потолком тихо затрещала, будто сверчок-зомби. При пониженном напряжении свечение красноватой спирали было тусклым, но вполне достаточным для того, чтобы найти дорогу от двери до кровати. Тем более что кровать оказалась двуспальной. Стариk уже забыл, когда ночевал с таким комфортом.

Пару минут он раздумывал, куда спрятать Терминал. В комнате находились стенной шкаф, холодильник, тумба для телевизора без самого ящика, стол, два стула и телефонный аппарат с обрезанным сетевым проводом. Узкая дверь вела в душевую, в которой остались лишь куски труб и горка битого кафеля. В конце концов Адам положил Терминал в изголовье, погасил свет и рухнул поперек кровати, не обращая внимания на затхлый запах старого одеяла и поднявшуюся пыль.

Обычно он отключался почти сразу же, как будто кто-то (теперь он знал – кто) вынимал из него батарейки. На этот раз стариk долго не мог заснуть. Он грезил о литых прелестях Веспер. Потом он услышал треск дерева и возню за стеной. Не иначе как Михраджан подвергал испытаниям на прочность кровать в соседнем номере...

Постепенно Адам стал различать во мраке щели жалюзи и холодильник, похожий на надгробный камень из белого мрамора. Сон не шел. Страх и вожделение – не лучшие ингредиенты для сноторвной смеси. Тишина время от времени нарушалась. То антенные трубы загудят на ветру, то сук треснет, то вдруг раздастся дробный стук маленьких ножек, будто где-то бегал ребенок. Иногда возникали голоса за стеной.

Тодт, который был мазохистом со стажем, живо представил себе, что Веспер пришла на запах денег или еще хуже – попала под влияние клона, и сейчас обслуживает Михраджана и Хоши, а Малыш равнодушно наблюдает за оргией, пополняя свою бездонную копилку человеческих пороков, чтобы когда-нибудь в будущем воспользоваться этим. И, главное, ему будет из чего выбирать. Рано или поздно (лучше поздно) обязательно наступает время дергать за струнки святости, героизма, альтруизма, любви или за толстую струну греха. И значение приобретают уже не сами поступки, а то, что совершаются они по команде извне...

Вот кто-то сдавленно закричал – так, как кричат в ночном кошмаре полузадушенные подушкой. Похолодев до кончиков пальцев, Адам Тодт узнал нечленораздельный утробный вой толстого иранца. Что бы это ни значило, Адам не собирался высакивать из комнаты, будто жестяной заяц в тире. Он только поглубже зарылся под одеяло и стал ждать гостей.

В течение неопределенного промежутка времени он лежал, вздрагивая от малейшего шороха и утрачивая постепенно чувство реальности.

* * *

...Она рождалась из темноты, как когда-то в древности белокожая красавица богиня из пены. Темнота вытесняла ее, расцвечивая лиловым свои самые глубокие сгущавшиеся тени. Лиловыми казались даже белки ее глаз и жемчужины зубов, блестевшие между мягкими створками. Набухала плоть; струилась размороженная кровь... Наибольшие усилия потребовались, чтобы соткать скрученные в спирали волосы из предельной черноты. Потом и волосы отделились от материнской среды, и на них заблестели капли влаги. Темнота, жидккая,

как нефть, отступала, собираясь в лужи, рассеченные узкими золотистыми спицами света. Это был слишком яркий свет, пробивающийся в щели жалюзи. Все выглядело так, будто снаружи взошла полная луна. Порождение Тьмы и Луны – Черная Лилит – приближалось к оцепеневшему Адаму во всей своей силе...

Он очнулся. Что это было – явь или сон? Веспер стояла над ним, опираясь на спинку кровати. Он лежал неподвижно, будто покойник, и даже не пытался гадать, каким образом она прошла сквозь запертую дверь. А также о том, где она оставила свое слишком тесное платье. О некоторых вещах лучше вообще не думать... При легчайшем движении по ее неправдоподобно гладкой коже пробегала волна бликов, словно дрожало тонкое металлическое зеркало. Чередующиеся полосы света и тени придавали ей совершенно неземной вид. Она напоминала ему отделенную переднюю часть помеси кентавра и зебры. Возможно, у нее даже были копыта, как у дьявола...

– Соскучился, малыш? – прошептала негритянка, взгромождаясь сверху, и он убедился в том, что с ее ступнями все в порядке. Она не случайно называла его «малышом». С нею он снова возвращался в прошлое, снова обретал целомудрие и наивность, снова терял девственность...

В течение следующих сорока минут он получил все, чего был лишен долгие годы, чего недоставало в юности из-за поспешности и глупости, и все, что только мог себе вообразить. Усталости как не бывало. Удовлетворение превратилось в самую изощренную пытку.

Веспер – это была ожившая и одушевленная машина желаний, которая чутко реагировала на смену импульсов, визуализирующих тайные фантазии. Она умудрилась идеально соответствовать даже его скромным мужским возможностям. Ох, этот огромный лилово-черный леденец!.. Старик испытывал глубокую благодарность к тому, кто делает намеченным жертвам такие поистине царские подарки, – независимо от того, ЧЬЯ это была охота. Он дал заманить себя в приятную ловушку и уже не помышлял о сопротивлении или бегстве.

Тем не менее во время изнурительно тягучего наслаждения, когда Веспер, сидя на нем, показывала, чего можно достичь, играя мышцами живота и паха, он заметил татуировку на ее теле – там, где начиналась густая лобковая поросль. Если бы по этому месту предварительно не прошли бритвой, вряд ли можно было бы увидеть эмблему «Черной Богородицы» – женской негритянской экстремистской организации, запрещенной на всей территории Коалиции еще раньше, чем «дьявольская» музыка.

Это объясняло не все, но многое: в частности, наличие трупа в сортире и отсутствие охраны. Старик внезапно прозрел. Оказывается, дело было в маленькой детали – нескольких каплях туши, введенных под кожу. Теперь уже он не мог быть уверененным в том, что развлекается с глюком. Это был тот редчайший случай, когда он предпочел бы стать жертвой иллюзий Мозгокрута.

«Богородицы» с их идеалом тотального террора прославились патологической жестокостью в отношении к белым, особенно мужского пола. Тодт понимал, что у него нет ни единого шанса. Впрочем, если бы Веспер этого хотела, она бы давно его прикончила. Он не отличался ни быстротой, ни сколько-нибудь внушительным телосложением.

Выходит, игра намного сложнее, а ставка – не его жалкая жизнь. Почти наверняка Веспер тут не одна. Ее сообщницы могли выжидать удобного момента в десятке укромных местечек. Если «Богородицы» тоже охотились за Терминалом, значит, они его уже почти получили.

Он освободил руки и постучал в стену, не очень надеясь, что кто-то придет ему на помощь. Веспер чиркнула спичкой и закурила сигарету. При свете резко вспыхнувшего огонька ее лицо показалось Тодту маской, похищенной из музея. В прорезях шевелилось что-то чуждое и угадывалось присутствие другого существа...

Она не была совершенством. В одних местах кожа лоснилась от пота, а там, где ее

покрывала пыль, кожа была матовой и казалась более... мертвой.

Вдруг зазвонил телефон. Адам чуть не подскочил от неожиданности, но негритянка придавила его ноги своим роскошным телом. Она лениво потянулась к трубке, словно раскормленная ленивая пантера, а он не мог отвести глаз от обрезка провода, свисавшего из аппарата.

Он услышал дребезжание мембранны и тонкий, почти детский фальцет. Так звучал голос Хоши, когда тот открывал рот, чтобы произнести угрозу. Случалось это крайне редко, но всякий раз неизменно вызывало такие же ощущения, как прикосновение опасной бритвы.

– Все в порядке, – сказала Веспер в трубку, выпуская дым из ноздрей и становясь похожей на дракона с глазами из слоновой кости. – Отвали.

Она бросила трубку на рычаг, подняла ногу и несколько раз напрягла мышцы, словно изучала их работу и расположение.

– Ненавижу желтопузых, – заявила она вдруг. – У них члены маленькие. А этот твой приятель-толстяк... Кто ему язык отрезал?

Адам пожал плечами. Он действительно не знал.

– Хреновое дело! Так что ты тут, дорогуша, единственный полноценный мужик. – Она вызывающе потрясла бедрами. – Тебе понравилось? Может, прокатишься еще раз?

Но он уже чувствовал себя сухофруктом, запеченным в добавок в микроволновой печи. Он апатично следил за «Богородицей», не понимая, чего она ждет. Его можно было брать голыми руками, а Малыша и компанию сжечь заживо прямо в коттедже.

Вместо этого она сделала немыслимую вещь: обняла его своими большими мягкими руками и тихо запела песню, которую в детстве пела ему мать, чтобы он поскорее заснул. Он думал, что давно забыл и мелодию, и слова, однако сразу же узнал их, и на глаза навернулись слезы. У песни был простенький мотивчик, но это была далеко не колыбельная: что-то о погибшем корабле, о женщине, оставшейся на далеком берегу, и безнадежном ожидании...

На мгновение он действительно поверил, что попал в какую-то жуткую машину времени и вернулся в прошлое, в ласковые материнские объятия. У Веспер были даже ЗАПАХ матери и ГОЛОС матери, а в темноте он не различал ни черт ее лица, ни цвета ее кожи. Все сливалось, струилось и оплыпало в жидким тумане слез. И теперь уже чудесным казалось не возвращение в уютную детскую постель, а страшный сон о взрослой жизни и путешествии сквозь годы...

Еще большим чудом было то, что после этого он все-таки заснул, убаюканный старой печальной песней, как будто выдохнул из себя страх, а добрая мама Веспер способна была защитить его от любой опасности, от грядущего зла.

Он не видел, как ее темное гладкое лицо превратилось в морщинистую маску белой старухи. Очень белой. Белой, как цвет погибели...

Старуха задрала голову к луне, словно крыши не существовало вовсе, и завыла по-собачьи. Снаружи раздался ответный вой десятка песьев глоток.

* * *

Адам Тодт предавался приятным и статичным цветным сновидениям, похожим на живопись примитивистов, до полуночи.

В пять минут первого начали прибывать гости.

Глава двадцать вторая

*Тише, малыш! Не говори ни слова
И не думай, что шум, который ты слышишь, –
Это только зверь под твоей кроватью,
В твоем чулане, в твоей голове.*

Группа «Металлика»

Зеленый фургон с надписями на бортах «Закрытое акционерное общество «Мыловаренный завод»» и выключенными фарами подкатил к мотелю на нейтральной передаче. Стрелки всех указателей на приборной доске были на нуле, за исключением спидометра. Человека, сидевшего за рулем, это не смущало. Его не смущало и то, что он забрался среди ночи так далеко от города и представлял собой отличную мишень для соло. Он вообще не был озабочен собственной безопасностью. Он выполнял задание Черного Дьякона. Это было очень простое задание, и он уже справился с ним на девяносто пять процентов.

Остановив машину неподалеку от заправочной станции, водитель вышел и открыл заднюю дверь. Сегодня фургон был пуст, хотя и вонял псиной (а теперь еще и человеческими потом, кровью и мочой – Дьякон сдержал свое слово). Пуст, если не считать запасного колеса и кубического контейнера, на боку которого детским почерком было выведено: «Ники Первый». Какой-то шутник из свиты Дьякона сделал эту корявую надпись фломастерами веселеньких цветов.

Водрузив контейнер на бетонное основание одной из колонок, водитель нажал кнопку на его верхней панели. Ошибиться трудно – кнопок было всего две. Они явно были позаимствованы из бытовой рухляди. На левой имелась надпись «Stand by», на правой – «Воспроизведение». Когда водитель нажал правую, ровное зеленоватое свечение индикатора, благотворно влиявшее на его нервную систему, сменилось возбуждающе-красным.

После этого Дьякон советовал водителю уносить ноги. Тот решил, что так и сделает – но только чуть позже. Вначале он хотел лично насладиться шоу. Он уже знал, на что способен хозяин – чего стоило одно только побоище в «Дилижансе»! Подобные зрелища не надоедали; с Дьяконом скучать не приходилось. Водитель с живодерни надеялся, что и за пределами города случится нечто столь же сногсшибательное.

Он забрался в кабину с чувством выполненного долга. Жаль, нож сегодня не пригодится. Этой ночью он будет только зрителем. Впрочем, ему достался лучший и бесплатный билет...

Водитель закурил, наблюдая за контейнером. В дым превратилась половина сигареты, прежде чем он заметил, что в тени колонки тоже сгущается дымок приятного голубоватого оттенка. Оптический эффект напоминал мерцание включенного телевизионного экрана в отсутствие передачи. Этот «дымок» постепенно приобретал очертания человеческой фигуры. Мерцающий призрачный силуэт был приземистым и пересеченным линиями, словно нарезанный кусок сыра, а верхние конечности казались похожими на висящие крабы клешни.

– Что за хреновина?.. – пробормотал водитель, выплевывая окурок и на всякий случай поднимая стекло. Через несколько минут он убедился в том, что кабина фургона не является надежной защитой не только от пуль соло, но и от Ники.

Ники Первого и Последнего.

Адам Тодт открыл глаза и уставился в темноту. До этого он бродил по галереям детских образов; каждый был осколком былого счастья, заключенным в рамку из человеческих костей (из ЕГО костей); их отделяли друг от друга непроницаемые стены бесплодного существования. Мать (Веспер? Глюк?), закутанная в искрящиеся меха, смотрела на него с портрета в костяной раме, потом помахала ручкой (рама при этом превратилась в окно уходящего поезда), затем удалилась в гулкую темноту (окно стало квадратным срубом колодца)... Вода, черная вода, бездонная глубина... Жизнь вышла из воды; жизнь уходит в воду...

Вдруг он почувствовал жало в затылке. Кто-то умудрился проколоть иглой тончайшую ткань сновидений, а потом продеть нить реальности в игольное ушко грез.

Старик испытал нечто необычное. Он будто стоял на пороге двух миров, колеблясь, какой из них выбрать. Один мир был вполне безопасен и обещал легкую смерть после призрачной полужизни. В другом звучал отдаленный колокол тревоги, разбивая гулом вязкую тишину галерей и все больше напоминая биение сердца в стрессовом состоянии.

Этот «звук – ощущение – пульс» отличался от обычного сигнала клона к пробуждению. По приказу Мицара старик просыпался мгновенно, даже не осознавая перехода и не испытывая ничего, кроме, может быть, усталости. Сейчас же он почувствовал тяжесть иного рода. Бремя ответственности и свободы, которое ненадолго приняла на себя добрая мамочка Веспер, снова свалилось на него, когда он обнаружил себя в остывающей постели. Уже не в колыбели, но еще и не в гробу, а в двуспальной кровати. Одного. Беззащитного. С Терминалом, положенным в ногах, будто рака со святыми мощами. В некотором смысле это и были мощи, только не органические, а кремниевые. И еще у него отняли «соску» – нечто, порождавшее позитивные эмоции во время наведенного сна...

Постепенно реальность окутала его, запустила в мозг сотни змей и полностью завладела вниманием. Он увидел очертания предметов в комнате и услышал шорох собственного дыхания. Ветер снаружи стих; во всяком случае, не раздавалось песен, нагоняющих животную тоску.

За стеной тоже господствовала тишина. Эта тишина была обманчивой, словно фальшивый бриллиант, который кажется настоящим, пока не проведешь им по стеклу.

...Кто-то провел по стеклу.

* * *

Спустя несколько минут Адам мог соображать достаточно связно. Например, он додумался до очень неприятных вещей. Кто-то будет играть с ним, бросая из «объятий» клона в «объятия» Веспер, а затем в отрезвляюще-ледяной и безысходный вакуум инфанилиза, пока... пока в нем самом не перегорит некое реле, переключающее мозги с внешнего «кино» на внутреннее. Адам Тодт был очень близок к тому, чтобы возненавидеть себя и свою слабость, однако и эта эмоция была подвержена «переключению».

Дрожь в руках... Дрожь во всем теле... Дрожь, не оставляющая выбора. Состояние, когда необходимо двигаться, иначе можно сойти с ума. Не важно, окажется ли в конце концов тревога ложной или нет. Впрочем, ложных тревог не бывает... Адам заметил слабый свет, пробивающийся откуда-то снизу. Свечение инферно, проникающее сквозь вещество... Он перекатился на край кровати и вытянул тощую шею.

Светились отпечатки босых ног – судя по размеру, женских. Цепочка следов протянулась к входной двери, как будто ночной гостья ненароком потопталась в луже жидкого фосфора. Адам вдруг испытал сильнейшее желание поцеловать их – ведь это были отпечатки ступней «Богородицы». Дикое желание исчезло так же неожиданно, как возникло. И тут снаружи

донесся нарастающий шум автомобильных двигателей.

«Началось», – подумал Тодт почти радостно, получив подтверждение того, что он не безнадежный параноик.

Он вскочил и начал поспешно одеваться, натягивая на себя вторую, настоящую кожу, потому что его собственная давно истлела и сквозь дыры задувал ветер страха, леденивший внутренности. А сердце... Сердце трепыхалось в потоке крови, грозившем прорвать плотину и затопить насос... Адам застегнулся на все пуговицы, схватил Терминал и пошел к двери, стараясь не наступать на светящиеся следы.

* * *

Пейзаж в очередной раз претерпевал невыносимую метаморфозу.

Невыносимую – потому что кусочек Адама Тодта, еще мысливший рационально, не мог смириться с противоречиями. С тем, что видишь, нюхаешь и слышишь, трудно спорить, если только органы чувств действительно принадлежат тебе. Адам уже не был в этом уверен. У него возникало неописуемое ощущение распада – уши, ноздри, глаза, даже вкусовые рецепторы будто находились где-то за сотни метров от той веранды, на которой он стоял. Может быть, даже высоко в небе, так как не хватало воздуха, а звездные лучи вонзались в зрачки. И в то же время все будто происходило не на открытом месте, а в затхлом павильоне с идеальными декорациями.

От коттеджа номер три по зыбкой земле протянулась лунная дорожка. Сама луна скатывалась за пологий холм. Следы Веспер вливались в сияющую тропу, как остатки воды в пересыхающем русле притока. По тропе брела женщина. Адам видел ее со спины; она была белой и совсем юной. Контуры ее ног напоминали изрезанную заливами береговую линию на мелкомасштабной карте.

Из-за коттеджа раздавался грохот барабанов. Тропа уводила вверх по склону и терялась на черной лысой вершине. Там не было никого и ничего живого – сплошь пепел и гарь, означавшие, что Равиль Бортник выиграл последний раунд в борьбе с наступающей растительностью. На какое-то мгновение старику показалось, что это ТОТ САМЫЙ ХОЛМ, перенесенный по прихоти Мозгокрута в другое время. Правда, спустя два тысячелетия истлели не только кресты, но и череп Адама. Без скрепляющих прах крови и пота холм грозил рассыпаться, как слепок из пересохшего песка...

Барабанный бой не прекращался, оказывая на старика почти гипнотическое действие. По черному склону метались лучи света, бьющие из фар. Там, где они падали на землю, разверзались могилы. Из них высыпались кости, складывались в идеограммы, пространственные головоломки, фрагменты скелетов, пляшущие и трясущиеся под действием вибрации, которой Тодт пока не ощущал...

Он с трудом оторвался от этого завораживающего зрелища и начал обходить коттедж, даже не заметив, что веранда опустела. Малыш все уладит – в этом Адам не сомневался. Надо только попасть в сферу влияния клона, максимального радиуса которой он не знал. Во всяком случае, раньше не являлись пределом десятки километров. Расстояния, которыми измерялась территория мотеля, были гораздо меньше, однако старику до сих пор не почувствовал ЗОВА.

Он завернул за угол и понял, что успел как раз к началу представления, на котором хотел бы остаться только зрителем.

Стоянка превратилась в арену. Грузовики и бензовоз были на прежнем месте. Теперь к ним прибавились длинный черный лимузин с непрозрачными стеклами, мотоциклы «диких» и

нелепая старая машина, испускавшая такое же гнилостное сияние, как следы женских ног на полу коттеджа. На мачте громоотвода вращалось что-то огромное, лишь отчасти напоминавшее флюгер. Несколько «сучьих крестов», наспех сколоченных из досок, было воздвигнуто на границе земли и бетона.

Адам Тодт подходил все ближе и ближе, чувствуя себя самой старой и самой вялой в мире бабочкой, летящей в открытый огонь сквозь паутину, которую тщетно плел его сдающийся разум...

Вначале его внимание привлек огромный негр в белом костюме, бесновавшийся в центре круга, залитого электрическим светом. Ритмичный шум доносился из громкоговорителей, развешанных на столбах. Эти полурассыпавшиеся устройства рупорного типа когда-то были частью системы оповещения мотеля. Звук был соответствующим – сырым, грязным, утробным, как будто на барабаны натянули только что содранную кожу.

При виде других участников ночного схода нечисти можно было рассмеяться, однако даже улыбнуться Адам Тодт сумел бы в последнюю очередь. Негр был окружен двойным живым кольцом. Внутренний хоровод состоял из свиней (в точности так представлял себе их Адам, читая о том стаде, в которое вошли бесы); по внешнему кольцу быстро, бессмысленно и безостановочно бегали розовые собаки. У них были стеклянные глаза – шарики, наполненные кровью. Животные выглядели странно; лишь спустя несколько секунд до старика дошло, что их тела полупрозрачны...

Жуткая пляска жреца продолжалась и тогда, когда его зрачки закатились, а из ушей, уголков глаз и рта полились тонкие струйки крови. Раздался оглушительный треск, перекрывший на мгновение грохот барабанов. С таким звуком могла бы треснуть скорлупа яйца размером с небоскреб.

Бетон раскололся; из-под него начал выдвигаться четырехгранный монолит. От граней монолита пролегли змеящиеся трещины в четыре стороны света. На этом алтаре корчилась Веспер, прикованная к металлическим петлям полицейскими наручниками. Она двигалась так, словно ее насиливал невидимый демон. Черная красотка на глазах у Тодта превратилась в самку шакала, а потом исторгла из своего раздутого чрева уродливого младенца, который немедленно вознесся в клубах дыма и пыли...

Лица и фигуры продолжали мелькать, будто карты из рассыпавшейся колоды. Адам чувствовал, что это отчасти реально, но отчасти является результатом проникновения постороннего в его воспоминания. Впрочем, он до сих пор не видел Мальша.

Старика охватывала паника. Искать защиты было не у кого. Человек с клешнями вместо рук в мгновение ока разобрался с Хоши и Михраджаном, честно отрабатывавшими свой паек. Однако их огнестрельные игрушки были абсолютно неэффективными.

Маленький «личный» ад, уготованный старику его детскими комплексами и позднейшими «наслоениями» в результате варварских экспериментов с содержимым черепной коробки, теперь был спроектирован вовне. Чем-то это напоминало репетицию конца света – пока только репетицию. Здесь было много чего: и знамения, и воплощения фобий, и разверзающаяся земля, и навязшая на зубах символика Апокалипсиса, и тотемные животные, и сияние всевидящего Глаза, которое исходило из дыры в небе, окаймленной кольцевой волной разбегающихся облаков.

Потом появилась фигура Дьякона, летящего в нескольких метрах над землей в луче света, – уродливая тень парящего в недоступном месте Ангела, тень, отброшенная в такую же уродливую плоть. Похоже, больше не было смысла экономить энергию. Дьякона сопровождал сонм других, вторичных теней, используемых посланником «Абраксаса»: Картафил, Мормон, Бортник, Веспер, Гурбан, Жвырблин, десятки и сотни неразличимых – фантастический рой

эпигонов, болванок, матриц, заготовок существ из плоти и крови, плывущих следом, будто куклы, собранные в прозрачный мешок, или перчатки, которые могут быть надеты в любой момент в случае необходимости...

Адам Тодт не представлял, как можно бороться с ЭТИМ – до той минуты, пока его беспорядочно блуждавший взгляд не наткнулся на знакомую надпись «Одной ногой в могиле». Куртка Мальша превратилась в лохмотья, однако надпись еще можно было разобрать. Но что означали дым, запах гари и паленых волос?

Перед верандой горящего коттеджа лежало то, что Адам принял вначале за изуродованный и обгоревший труп. Кто-то свернул бедняге шею. Во всяком случае, старику показалось, что голова повернута на сто восемьдесят градусов относительно нормального положения. Потом ЭТО вдруг зашевелилось.

ОНО медленно встало на колени, а затем утвердились на непослушных ногах. Было какое-то не сразу осознаваемое несоответствие в ЕГО облике...

Старик увидел существо в профиль. Капюшон был отброшен, и одно это обстоятельство приковало Адама к месту. Кошмар с наведенным влиянием продолжался. Кто-то подсовывал ему плохое, смазанное трехмерное изображение его двуликого бога.

Янус-недоносок выпрямился.

* * *

Лицо клона Мицар было мертвым, уже отвердевшим, искаженным предсмертной гримасой боли и стянутым в желтеющую маску с уголком стеклянного глаза, в котором запеклась кровь. Зато с другой стороны черепа еще жило другое лицо – недолепленное в искусственной утробе, чудовищный и поразительный результат генетического бильярда, усугубленный позднейшей хирургической операцией. Лицо «брата»...

Тонкие детские волосы завешивали его почти полностью и вдобавок росли отовсюду – из век, плоского носа, напоминавшего смятое свиное рыло, из косой щели безгубого рта, выглядевшей в точности как рваная рана от гвоздя, который вспорол кожу на затылке, и даже из правого глазного яблока, затянутого пленкой. Но хуже всего был взгляд левого, зрячего глаза – мутный, ускользающий от понимания, абсолютно чуждый человеческому и потому обладающий сверхъестественной силой.

Старик Тодт вдруг понял, что любит это существо. Так же сильно, как ненавидел Мальша. Чувство, казавшееся чудовищным извращением, на самом деле было гораздо глубже, чем спонтанная привязанность, возможная между свободными существами. Это была глубочайшая, вплоть до самопожертвования, верность собаки своему хозяину.

Клон Алькор, получивший наконец тело мальчика в полное и безраздельное пользование, сделал первый самостоятельный шаг. Он двигался спиной вперед нелепой подпрыгивающей походкой, отчего фигура ребенка приобретала гротескную схожесть с куклой, дергающейся на невидимых нитях. При других обстоятельствах это могло бы даже выглядеть забавным, но ни одному из всех немногочисленных живых свидетелей происходящего это не помогло преодолеть страх.

Существо двигалось навстречу Дьякону, позабыв о координации движений, вернее, не придавая значения этой мелочи. Его голова беспорядочно раскачивалась из стороны в сторону. Острые локти торчали, будто сломанные деревянные суставы. Эта заводная игрушка, изготовленная в далеком монастыре, уже выработала свой ресурс и вдобавок действительно сильно обгорела. Сквозь дыры в порванных штанинах виднелись белеющие кости...

Тем не менее поврежденному механизму предстояло быть использованным до конца.

* * *

Последнее, что помнил стариk, это стремительное сближение двух монстров, гнавших перед собой волны искажений. Взбаламученная реальность, ввергнутая в хаос, рассыпалась, будто карточный домик, снесенный ураганом. Расколотая земная кора проваливалась в леденящую черноту, но и само небо покрылось пятнами мозаики, распалось на фрагменты, которые перемешивались, превращаясь в костяшки домино. Стена магмы надвинулась; на лицо обрушилась пылающая подушка; Адам Тодт сделал судорожный и, как он думал, последний вдох. Тьма всосала его, гигантские губы издали чмокающий звук, а сотни бесплотных пальцев проникли в мозг, пытаясь произвести окончательную коррекцию...

Вероятно, это удалось. Во всяком случае, Адам Тодт начал снова осознавать себя только тогда, когда оказался в относительной безопасности в нескольких километрах от монастыря. Это нельзя было назвать очередным «пробуждением». Он «включился», «нашел» себя внутри раскаленной кабины грузовика. Он был на грани теплового удара.

Кондиционер и впускной клапан системы воздухообмена не работали. В полутьме ярко сиял узкий прямоугольник – свет в конце туннеля? сруб колодца? выход из черного коридора? Чем бы это ни было, его размеры не менялись. Желто-голубой кирпич летел навстречу, но момент столкновения все время отодвигался. Изображение на экране?.. Очередной электронный мираж?..

Стариk тупо пялился на картинку. Для него она могла означать только одно. Вход в недостижимый рай. Недоставало только возносящихся душ...

Адам судорожно дышал – перепуганный кролик, запертый в герметичном ящике. Глаза – две воронки в пустоте, жадно засасывающие свет... Постепенно свет растопил черный лед. Под действием тепла возрождалось что-то, прежде замороженное во внутреннем леднике.

Спустя несколько минут Адам нашел в себе силы потянуть за рычаг на панели управления и разблокировать клапан. Он ничего не помнил об отправляющих газах. Кто-то (Малыш? Любимый «сынок» Алькор?) в очередной раз позаботился о нем...

Снаружи солнце сжигало землю. Воздух приходилось пить...

Внезапно Адам понял, что знает, как называется то, что он видит сквозь узкую щель между щитками, прикрывающими лобовое бронестекло. Он не вспоминал забытое и не давал названий предметам; он заново создавал реальность. Он начал с простых вещей – «камень», «земля», «небо», «песок», «пустыня», – но каверны размером с океан быстро заполнялись, и вскоре он отыскал внутри себя материал для чего-то более сложного – «дороги», «одиночества», «радости существования», «надежды», «обретенного света»...

Время задавать вопросы еще не наступило. Он остался один. Ни впереди, ни сзади машин не было. Зато рядом с ним, на пассажирском сиденье, лежала реликвия, стоявшая ему потерянного рассудка.

Глава двадцать третья

Почему ты спишь в тюрьме, когда вокруг простор Божьей земли?

Джалаледдин Руми

Под утро ему снова приснилось ужасное сморщенное лицо клона Алькора. Старику с криком проснулся и увидел, что в изголовье кровати стоит кто-то – неподвижный, как статуя, притаившийся в складке тишины. Потом этот «кто-то» отреагировал на его участившееся дыхание, сделал шаг вперед и оказался в круге света от керосиновой лампы.

Адам заскулил.

– Я твой новый поводырь, – сказал ночной гость.

* * *

Теперь во время прогулок по монастырским задворкам его сопровождало маленько существо – ребенок на вид, однако совсем не ребенок. Бесполый карлик, одетый в неизменную куртку с капюшоном. Очередная модификация, созданная в монастырских лабораториях, но теперь уже бесполезная.

Существо смутно напоминало старику кого-то, оставшегося в прошлой жизни; оно общалось с ним не слишком вежливо и чуть свысока, будто с лишившимся ума и впавшим в детство родственником. Возможно, это было связано с тем, что Адам отказывался верить в очевидное. Например, в свое чудесное спасение и еще более чудесное возвращение. И он не верил в то, что монахи нарушают главный принцип безопасности.

Его паранойя имела вескую причину. Он до сих пор был единственным гостем из числа посторонних, прибывавших с редкими караванами, кого братья не взяли под стражу. Обычно таких «гостей» сразу же разоружали и расселяли по одиночным «номерам». Тодт больше не видел их, включая немых водителей-«артишоков». Возможно, тех не оставляли в живых. Люди из «Револьвера и Розы» отличались маниакальной подозрительностью,озвезденной в добродетель. Старику подвергся зондированию, которое опустошило его окончательно. И все же им не удалось превратить его в идиота...

До последней минуты он не верил также в то, что ему выпадет привилегия увидеть Куколку своими глазами. Его перфорированная память хранила некую обрывочную информацию, полученную Мицаром от других пенетраторов. Когда старику пытался воспользоваться ею, на поверхность всплывал единственный образ: белый слепой червь, ползающий в лабиринте подземных тоннелей. Все старания достичь большей ясности оказывались тщетными.

Вероятно, соглядатай был приставлен к нему именно для того, чтобы в нужный момент обезвредить потенциально опасного пенетратора. Пока же карлик добросовестно играл роль гида в том странном музее, который представляло из себя искаженное прошлое медиума, а также настоящее, преломленное треснувшей призмой его восприятия...

Когда гид осведомился, чего бы Адам хотел, тот выразил желание увидеть Низзама. Маленькое существо ядовито засмеялось:

– Низзам давно умер, о заслуженный ветеран Джихада! Ты можешь увидеть только его кости.

– Если они лежат шестерками вверх... – пробормотал старику себе под нос и тут же снова

вернулся к реальности. – Разве он не похоронен?

- Такова была его предсмертная воля.
- Отведи меня к нему.
- Ладно. Только держи себя в руках.
- Не беспокойся, я не упаду в обморок, щенок...

Они долго шли по коридору, стены которого были обмазаны глиной, но из-под глиняного слоя кое-где торчали провода. Адам догадался, что это – подземный ход, ведущий куда-то за пределы монастыря. Сопровождающий нес керосиновую лампу; старику оставалось тащить за собой свою тень. Потом была лестница из сорока ступенек и двойные металлические двери с большими маховиками и надписью «Радиационное убежище. Третий шлюз».

Адам с трудом открыл их, налегая на маховики тщедушным телом. От гида было мало толку – тот стоял рядом, как бы говоря всем своим видом: «Ты хотел, чтобы я отвел тебя к Низзаму, – теперь работай».

Солнечный свет нахлынул яростной волной. Тодт закрыл глаза ладонью, затем очень медленно расплющил веки. На ресницах дрожали радуги...

Выход на поверхность был замаскирован, однако тут скорее всего потрудились природа и время. Старик узнал это место. Шлюз находился примерно в километре к востоку от монастыря. Справа был виден оазис; слева – плоскогорье. Впереди – окраина пустыни, под которой почти непрерывно перемещалась Куколка. Но было еще рябое пятно – совсем неподалеку. Клочок земли, усыпанный черепами, костями и черными камнями. Кое-где даже торчали христианские кресты. Один большой камень напоминал оплавленный метеорит. Тут же бродили птицы – каждая размером с курицу.

- Кладбище, – объявил гид.
- Почему так далеко?
- Чтобы не смердило возле монастыря.

Адам с отвращением покосился на падальщиков, занятых своим делом и никак не отреагировавших на появление людей, затем – с сомнением – на своего спутника.

- Пойди погуляй, сынок.

Маленький негодяй покачал головой:

- Я охраняю тебя, старик.
- От кого?
- От тебя самого. От кого же еще?
- Катись к черту! Стой. Сначала скажи, где лежат кости моего любимого учителя Низзама.
- Сопляк подловато захихикал и показал пальцем:
- Там, в пещере.

Адам поглядел на желтую каменную стену, в которой зияло несколько черных провалов.

- В какой из них?
- Ты почувствуешь.

Тодт пожал плечами и пошел в сторону пещер. По пути ему попадались фрагменты плохо зарытых тел. Иногда – совсем свежие. В его отсутствие смертность среди монахов и караванщиков приняла угрожающие масштабы. Вонь действительно стояла такая, что кружилась голова. А потом стариk вышел из тени.

Под лучами палящего солнца его чуть не хватил удар. В глазах померкло; стена покачнулась; черные разинутые пасти пещер на мгновение захлопнулись... Когда он выпрямился, отверстия снова были на месте.

Гид его не обманул. На расстоянии двух десятков шагов от стены Адам вдруг почуял приятный аромат, словно из третьей слева пещеры истекал невидимый поток свежести. Даже

стало чуть прохладнее. Что-то чисто и тонко звенело в воздухе – колокольчики на нездешних заснеженных горных вершинах...

У входа в пещеру лежал камень, похожий на циклопический квайлод. На камне имелись следы сломанной печати. Адам вошел под низкие своды, в благодатный сумрак, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте.

Пещера оказалась небольшой и абсолютно сухой. Тем не менее стариk купался в волнах той же неописуемой свежести, которые обдавали его в такт дыханию. Посреди пещеры валялось нечто смахивающее на фрагменты разбитой яичной скорлупы и одновременно – на остатки растерзанной куклы размером со взрослого человека. Адам нагнулся. Это были всего лишь многослойные затвердевшие куски материи, когда-то обильно пропитанные составом из смирны и алоэ...

Лазарь вышел вон.

На каменном уступе в дальнем углу пещеры стоял кувшин, а под ним – длинный ларец, похожий то ли на игрушечный гробик, то ли на колыбель с крышкой. Тут же аккуратной горкой были сложены кости. Череп находился в середине окружности, образованной фалангами пальцев. Рядом лежал сломанный счетчик Гейгера.

Адам двинулsя туда, чтобы как следует рассмотреть натюрморт, составленный из реликвий.

Кувшин был самым обыкновенным на вид, если не считать того, что нечаянно разлить жидкость было невозможно. Предварительно требовалось заткнуть пальцем специальное отверстие. Зато ларец Адам определенно где-то видел раньше. Он погладил потрескавшееся дерево, покрытое лаковой шелухой. Потом отбросил позеленевшие крючки и поднял крышку.

Внутри ларца покоилось то, что стариk принял вначале за выпрямленные и высущенные обрубки змеиного тела различной длины, соединенные между собой. Но шкура «змеи» была черной с тончайшим золотым узором. И никакой «чешуи».

Адам дотронулsя до гладкой поверхности. Вместо ожидаемой прохлады он ощущил страх – как будто прикосновение включило другой, нематериальный уровень чувствительности.

Приступ клаустрофобии был коротким, но очень сильным. Тодt в панике обернулся, надеясь, что гид излечит его смехом. Но карлика не было видно; тот находился снаружи и, вероятно, отодвинулsя в сторону от входа. До Адама вдруг дошло, что его страх – это только чувство, неизбежно сопровождающее процесс вспоминания, а значит, ему противопоказано вспоминать...

Тем не менее он справился с нарастающим ужасом.

Все осталось позади. Он держал в руках флейту Низзама, носившую собственное имя «Спящая смерть». Звуками этого инструмента учитель, по слухам, отгонял гул [5] и прочую нечисть. Но теперь Адам знал, что никаких злых духов не существует. Все демоны – обитатели тайного зверинца, ангелы-оборотни, и каждый – сам себе Мозгокрут. Эфемерные отражения в нереальных зеркалах. А у единственного подходящего для этой роли внешнего объекта имеются раскладные «крылья»-панели, густо усеянные фотоэлементами солнечных батарей...

Адам поднес «Спящую смерть» к губам и приложился к ней. Это была старинная продольная флейта. Стариk не умел играть, и у него были слабые легкие, однако он без особых усилий извлек густой низкий звук.

Почти сразу же он почувствовал, как заледенел живот. Одновременно Адам вспомнил еще кое-что важное. Незатухающее эхо вернулось спустя десятки лет, и он понял, что наткнулся на очередной обломок своей разбитой жизни. Ему был знаком этот звук, в прошлом – один тосклиwyй аккорд, действительно способный убить радость и заставить увянуть цветы. Стариk слышал нечто подобное в дни своей юности – в песне одной старой американской поп-группы,

точное название которой он, конечно, забыл, но оно определенно было связано с культом: с верой, святой водой и возрождением. А песня называлась «Изображение».

...Звук рассекал легкую мелодию, словно зов из-под земли, донесшийся до слуха счастливых влюбленных во время свадьбы. Правда, тот звук издавали струны. Много лет спустя Адам снова услышал его в период бдений с Низзамом, когда оставался с учителем на ночь в пустыне, а демон Пазузу, облаченный в ветхую плоть ветра, начинал строить зыбкие спирали из песка...

Но флейта породила тот же ужасный звук, достигающий нутра, гулом отдающийся в мигом опустевшем колоколе черепа, – зловещую мантру, которая заставляет вибрировать нервные проводники в позвоночном столбе. Что-то трепыхалось внутри, будто живьем проглощенная птица с жестяными крыльями, а вибрация угасала гораздо медленнее, чем можно было ожидать...

Над узким горлышком кувшина заклубился голубоватый дымок. Адам Тодт захотел, как безумный, испытывая одновременно облегчение и ненависть к дурацким чудесам. Странствуя с Мальшом, он вдоволь насмотрелся на них, и они успели ему надоесть. И это только те, которые он зафиксировал! К тому же дымок напоминал ему о курильнях и сладких грезах, навеваемых опиумом...

Флейта еще звучала на пределе слышимости, когда дымок сгустился и превратился в слегка размытый человеческий силуэт, который, безусловно, был похож на Низзама, если не принимать во внимание его густого фиолетового цвета и космической темноты в глазницах.

А потом раздался голос Низзама – из флейты (а откуда же еще?!):

– Какого дьявола? – спросил учитель таким недовольным тоном, будто старик оторвал его от послеполуденного сна. – А, это ты, червяк... Чего тебе надо?

– Я пришел сказать, что выполнил задание.

– Неужели? (Привычный сарказм.) Идиот! Ты хочешь умереть?

– Ты обещал, что умрет Дух Бездны...

– А что еще я обещал? – вкрадчиво спросила флейта «Спящая смерть» – худшим из голосов Низзама.

Старик почувствовал себя обманутым и потерянным, словно трехлетний молокосос, забытый в тумане беспечными родителями. Вокруг сгущались тени – страшные и неопределенные, как последствия роковых ошибок...

Адам бросил флейту, повернулся и побежал к выходу из пещеры, который внезапно отодвинулся куда-то вдаль и стал почти неразличимым.

– Почему ты не умер, ведомый человек? – Вопрос, посланный вслед бегущему старику, настиг того на полпути.

– Еще не поздно... – прошептал он, глотая сладковатый дым в тщетной надежде на забытье и разводя его руками в поисках солнечного света.

– Почему ты не умер?.. – твердила «Спящая смерть».

* * *

У выхода из пещеры Адама ждал высокий толстый брат из молодых и неизвестных. Гид исчез, не оставив на песке следов маленьких ножек. Кладбище тоже. На его месте возникло небольшое пастбище, на котором козы щипали скудную траву. Но палящее солнце, близкая пустыня, плоскогорье, оазис и стены монастыря были видны и, может быть, даже реальны...

– А где сопляк?

– Какой сопляк?

Адам открыл рот и обнаружил, что не может описать облик гида. В памяти осталось только нечто вроде улыбки кота из старой сказки...

– Что это было? – ошеломленно спросил он, озираясь и пытаясь разглядеть дымок в пещере.

– Поздравляю, старик! – сказал наглый толстяк. – Ты только что прошел завершающую проверку.

– Что это было? – повторил Тодт. – Говори, сволочь!..

– Да-а, ты совсем одичал, проклятый маразматик. Детектор лжи. Как бы тебе такое понравилось?

Глава двадцать четвертая

Мы встретимся там, где нет темноты.

Джордж Оруэлл

То, что он видел до сих пор, было всего лишь изотермическим контейнером, защитным коконом, предохранявшим настоящую Куколку от воздействия окружающей среды в течение десятков, если не сотни лет. И только сейчас до старика дошло, что все затраченные усилия и риск могут оказаться напрасными.

Кислота времени разъедает что угодно. Это вопрос количества, а не качества. Вполне надежной защиты не существует. Наверняка никто не рассчитывал, что реанимации Куколки придется ждать так долго. Значит, шансов уничтожить Ангела почти нет. Еще хуже, если игра затеяна самим Ангелом с целью обнаружения и уничтожения монастыря. В этом случае все, подготовившие миссию, включая Низзама, готовили собственную смерть.

Может быть, таков закон? После достижения некоторой фазы движение и неподвижность становятся одинаково самоубийственными. Выбора нет. Живущие просто должны уступить место новому виду. И кто сказал, что электронная псевдожизнь не есть следующий этап? Ступень к сверхразуму? Прямой доступ к информационным поясам планеты, сулящим все сокровища? Долгожданное избавление от оков плоти? Отказ от механизма развития, исчерпавшего себя? Отказ от способа взаимодействия с природой, оказавшегося несостоятельным?.. Кем же нам суждено стать? Неужели сбудется тысячелетняя мечта и нам уготована жизнь вечная? Но не по причине некоего изначального сопричастия к Абсолютному. Не было никого над нами. Мы сами вырыли себе могилу. Все мы без исключения – тени в электронных потрохах собственных порождений. Мои поздравления! Мы научились размножаться информационным почкованием и даже не заметили этого. Или заметили, но не придали значения. Развитие и усложнение системы вызвало необходимость в саморегулировании. Это не имело ничего общего с тиранией или даже с дьяволом-кукловодом, ибо нет ничего внешнего. Сущность была обусловлена манипулированием, и наоборот. В один прекрасный момент количество перешло в качество. Или же кто-то все-таки придал значение происходящему – и получил в награду некрополь с миллиардами роящихся внутри душ, улей, инкубатор, набор солдатиков в едином образе для игры в войну, жутковатую игрушку, черный ящик, вечную адскую машинку, возникающую снова и снова в тот самый момент, когда она разлетается на куски в день придуманного кем-то Апокалипсиса, а внутри нее все: история, древность, время, движение, эликсиры любви и ненависти, новый Будда, новый Магомет и новый Иисус...

Старик пытался представить себе это. Получилось даже проще, чем он ожидал. Если отбросить дряхлеющее тело, он и был аморфным призраком, заключенным в тесной коробке из хрупкой кости. Возможно, причина его возникновения – всего лишь побочный эффект неизвестного эксперимента, непредвиденное обстоятельство, оставленное без внимания ввиду его совершенной, принципиальной замкнутости. Дух из машины, придумавший дух из машины, придумавший дух из машины, придумавший... И так до пределов мысли. Бесконечная череда матрешек, олицетворяющих метемпсихоз. Кто первый? Поставим вопрос иначе, более высокопарно: кто истинен? Этого ты никогда не узнаешь, старик. Прав был Низзам: где гарантия, что сам ты – не глюк? И вообще – почему это так важно для тебя? Нет ли тут просто дурацких амбиций? Какая может быть иерархия среди призраков, порожденных чудовищем и

витающих в мире, законы и относительная упорядоченность которого – лишь следствие стереотипов разума, втиснутого в прокрустово ложе представлений о самом себе? Надо лишь служить Ему, пытаться умилостивить Его, избегать запретных и нелепых фантазий о Его конечности, чтобы воспроизведиться снова и снова, как голоса, записанные на магнитной ленте, как изображение, спроектированное на экран, как навязчивые сны Гипноса...

Кстати, об Апокалипсисе. Глядя на раскололшийся кокон Куколки, Адам Тодт испугался. Жуткое предчувствие завибрировало в нем. Оно зародилось в кишках, на животном уровне; поднимаясь, поддержало в ледяном капкане сердце; подразнило мозг намеком на понимание и спряталось в недостижимой норе. Ключа, чтобы извлечь его оттуда, не было. Представление об антимессии, посыпаемом на перехват раз-другой в тысячелетие, так и не сформировалось до конца. А ведь таких «перехватчиков» наверняка было много на протяжении истории. Кесари, варвары, фашисты, коммунисты... Теперь наличие «Абраксаса» упростило их задачу, возможность воспроизведения, копирования – и практически гарантировало успех в критических ситуациях. Монахи из «Револьвера и Розы» сделали ставку на клонов. Трагический казус заключался в том, что клоны мутировали не вполне предсказуемо. «Не вполне» вмещало в себя разверзшуюся потрясающую пропасть между способностями среднего человека и влиянием мутанта-плюса. Хватило одного незапланированного отклонения, чтобы изменился привычный порядок вещей – в чем-то неизбежный, в чем-то отвратительный. Пусть даже тупиковый. Но это был НАШ порядок. Сверхчеловеческое – уже НЕ человеческое.

Если это и означало решающую победу «зверя», то Адам был озабочен совсем другим. Существовала вероятность того, что самообман гораздо глобальнее. Он – жалкий, раздавленный тяжестью происходящего червь – придумывал все новые и новые самооправдания. Он боялся конца, который так упорно пытался приблизить. Не собственной смерти, нет. Он боялся, что мир, в котором, как думал старик, он до сих пор существовал, окажется целиком виртуальным, исчезнет без материального следа, будет стерт из чьей-то памяти вместе с самой памятью – и тогда Адам лишится не только будущего, но и прошлого. А Колония, в которую попадаешь по льготному тарифу, так и останется прекрасным символом всех ложных устремлений.

Однако что может быть хуже, чем простая ОТМЕНА? В том числе отмена твоих пятидесяти с лишним лет, в течение которых ты, как тебе казалось, жил, любил, ненавидел и даже – как положено твари, созданной по Божьему образу и подобию, – страдал? Он, трепетавший от страха перед содеянным, один из последних и ничтожнейших статистов в массовке, был причастен к уничтожению подмостков, на которых разыгрывалась чудовищная комедия положений, – и все лишь потому, что драматург заложил это в основу основ: шаткий камень, надломленную ось, хрупкую пирамиду, разрушившуюся сразу после того, как сверху был нагроможден очередной мираж...

Самоотрицание – таково было имманентное, глубиннейшее свойство этой пьесы, неизбежное, как Судный день; ее сущности и герои исчезали так же легко и безропотно, как исчезают тени, когда выключается свет. А теням не дано порождать друг друга...

* * *

Вскоре он впервые увидел Куколку обнаженной. У нее было стройное белое тело красавицы, страдающей слоновьей болезнью. Вверху – разделяющиеся боеголовки под конусовидным обтекателем; внизу – уродливые лапы сверхзвуковых сопел. В ее очертаниях была стремительность юной девушки, вырвавшейся из-под жесткой опеки и свалившейся в пропасть греха, – даже тогда, когда она пребывала в неподвижности. И еще парадоксальным

образом в ней было что-то суицидальное и фаллическое. Отрубленный лингам. Функция без смысла, сулящая случку атомов без оплодотворения. Порочная невинность.

Воплощение милосердия, несущее смерть и лучевую болезнь...

Старик и не подозревал, что его мозг способен выстраивать такие ассоциации. Он не поверил, что самостоятельно думает об этом. Не иначе, эти мысли были внушены ему кем-то. Он будто услышал гениальную музыку, доносившуюся из шкатулки. Открыл шкатулку, а там – лишь вращающиеся шестеренки, восковой цилиндр, молоточки и тяги...

Слишком долго он был тупым и зависимым; теперь же какие-то обрывки прошлых фобий бродили в нем – те самые «матрешки», призраки внутри призрака – и что могло быть смешнее?..

* * *

Старику позволили наблюдать за подготовкой к пуску. Он сделал свое дело. Никто не требовал от него большего. Люди из «Револьвера и Розы» сутились вокруг. Адам ощущал свое превосходство над ними. Даже сейчас они были погружены в мелочные заботы, словно муравьи, строящие муравейник и не ведающие о приближении волны, которая вскоре смоет их вместе с жалким клочком земли.

Заработал подъемник; его пронзительный скрежет заглушал мысли. «Поздно! – сказал себе Адам. – Слишком много времени потеряно!» Кто мог думать, что порвется самое примитивное звено цепи? Но звено еще не порвалось.

Подъемник медленно втащил Куколку на стартовый стол. Теперь она была погружена в вертикальный колодец шахты – словно гигантский, неутомимый фаллос юного Бога Смерти в лоно старой Матери... Окончательный инцест. Последнее соитие в преддверии Армагеддона... Неудовлетворенное тело Земли оставалось холодным и неподвижным...

Тревожно замигали красные лампы. Раздался зудящий звук, похожий на стоны раненой собаки, разделенные правильными промежутками... Вверху засиял свет. Луч, украдкой проникший в подземелье, превратился в подобие водопада, летящего сквозь радужные витражи сознания. Крышка шахты, способная выдержать прямое попадание авиационной бомбы, отодвигалась в сторону...

– Три минуты до старта! Общая эвакуация! – объявил искаженный голос из динамика.

Адам вздрогнул от неожиданности, но не воспринял смысла сообщения. Он не отрываясь смотрел, как в панике разбегаются братья. Однако «паническое бегство» отличалось удивительной слаженностью. На самом деле все было отрепетировано десятки раз – начался главный ритуал в их жизни, похожий на кошмар. То, что мечтал увидеть каждый. То, ради чего жили и умирали в пытках предыдущие поколения...

Двойной запас времени и включенные после длительного перерыва лифты служили гарантией того, что ни один человек не пострадает. Кто-то потянул Адама за рукав. Он повернулся голову. Человек в светоотражающем комбинезоне с эмблемой в виде скрещенных револьвера и розы показывал вверх. Его лицо было настороженным. И старик знал, что причина этому – не угроза жизни. Причина – в нем самом, в медиуме, который не должен был вернуться... Любые странности в его поведении могут быть истолкованы в свете того, что он побывал в городе. Только сейчас до Адама дошло, что его могли убить те, кто посыпал туда Мицара и сопровождающего гида, – просто чтобы не рисковать самым дорогим, что у них осталось...

Когда Куколка стартовала, Адам уже был на поверхности, на безопасном расстоянии от шахты, и с ужасом ощутил дрожь земли. Вниз ударила разрушительная струя, разбудившая наконец застывшее подземелье. Ствол выгорел полностью. Горизонтальный туннель обрушился, похоронив железнодорожную ветку и платформу, на которой перевозили контейнер с ракетой. Высокочастотная вибрация пронизывала все вокруг. Она передавалась телу, сердцу, мозгу. Казалось, вот-вот рассыпается рыхлый ком, слепленный из глины и праха...

Вначале Куколка поднималась неправдоподобно медленно, прорывая невидимую сеть тяготения; затем, по мере освобождения, рванулась вверх, будто огненный палец, легко проткнувший ветхую ткань облаков, и устремилась в скрытую за ними пустоту...

Монахам оставалось только ждать. Не в первый раз на весах были жизнь и смерть, но, возможно, в последний. Счастливая жизнь; мучительная смерть. Или наоборот – полная страданий жизнь; приносящая облегчение смерть... Все зависело от исправности Терминала и самой Куколки – как когда-то все зависело от подлинности Грааля...

Несколько минут, вобравшие в себя историю. Старику они показались не такими уж долгими. «Нет истории, кроме истории души». Его душа трепыхалась вне времени, пока Куколка совершила свой полет по направлению к Ангелу и настигла того на стационарной орбите.

ЭПИЛОГ

Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет.

Матфей 4:16

Адам Тодт сидел, смотрел в небо и ждал, что же будет. Лучевая болезнь еще не досаждала ему. Во время схватки клона и Дьякона он получил небольшую дозу...

Его переполняли чистая безадресная любовь, тоска и бесконечное сожаление. Наконец-то он примирился с собой. Теперь он любил все сущее, даже дождевых червей и прокаженных. Теперь – когда так близок решающий момент. Может быть, он опоздал со своей любовью?..

Произнесенные кем-то из монахов слова «расчетное время встречи» не выходили у него из головы. Возможно, они означали нечто большее, чем точку на бесконечной прямой. Возможно, это была точка обрыва. И значит, он присутствовал на последнем свидании с миром...

Его окружал вполне привычный пейзаж: подернутые голубоватой дымкой горы на горизонте, пятна оазисов, темная цепочка, обозначавшая караван, облака, сквозь которые пробивалось солнце. На фоне облаков парили птицы, как и тысячи лет назад...

А солнце отныне светило всегда и везде – даже в самой глубокой тьме. Невидимое, животворящее солнце полуночи... Адам поклонялся ему; он был лучом, посланным в вечность, которому не суждено угаснуть, но не суждено и вернуться в сияющее лоно. И он ощущал себя одной из бесчисленных и бесконечных золотых нитей, из которых сотканы узоры иллюзий – порой невыразимо сладостных и прекрасных, иногда уродливых, болезненных и ужасных, – но неизбежно обреченных на разрушение.

Сейчас старик видел признаки, следы, отпечатки жизни даже в мертвых камнях. Жизнь витала повсюду, словно некая неуловимая субстанция, эфирный ветер, пронизывающий материю и наполняющий лишь бесплотные паруса угасающего сознания...

(Он немного грезил наяву...)

Уродливые, пожирающие листья гусеницы рано или поздно превращались в прекрасных бабочек, и те упархивали в обретенный простор. Стадия куколки могла быть исчезающей кратковременной или, наоборот, – длиться невыносимо долго. Но что сама куколка знает о грядущем изменении? У Тодта была слабая надежда, что и его кокон порвется.

«Оставь погибающее дерево, перестань жрать листья! – сказал ему Ангел. – И я дам тебе свет, нектар, свободу... Твое тело – обреченная гусеница, но твоя душа – вечная бабочка. Матрица – всего лишь новая форма существования. Смерти нет, счастливый ребенок. Лети!.. Лети!!!»

Весь мир был куколкой, застигнутой накануне непостижимой трансформации...)

По ту сторону облачной пелены вспыхнула новая звезда.

Конец света оказался немного растянутым. Поэтому Адам стал свидетелем того, как все произошло.

* * *

Первыми исчезли птицы...